

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д.Ушинского»

Вопросы отечественной и зарубежной истории

Материалы конференции «Чтения Ушинского»

**Ярославль
2006**

ББК 63.3 (2) Я 434 +
63.3(0) Я 434
УДК 930, 930: 372.8,
93/99; 930.9, 93/99 (4/9)
В 748

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ЯГПУ им.К.Д.Ушинского

В 748 Вопросы отечественной и зарубежной истории: Материа-
лы
конференции «Чтения Ушинского». Ярославль: Изд-во ЯГПУ им.
К.Д.Ушинского, 2006. 268 с.

Редколлегия: Л.М.Архипова, профессор, доктор истор. наук
(отв. ред.),
Г.Н.Кочешков, профессор, доктор истор. наук,
М.В.Новиков, профессор, доктор истор. наук
(отв. ред.),
А.Б.Соколов, профессор, доктор истор. наук,
А.С.Ходнев, профессор, доктор истор. наук

ISBN 978-5-87555-227-4

©Ярославский государственный
педагогический университет
им. К.Д.Ушинского, 2006

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ В ИСТОРИИ

© Е.Е. Лях (ЯГПУ)

Власть Кесаря

Известное выражение Христа “Отдавайте кесарю кесарево, а Божие Богу” (Лк. 20.20-25) - один из важнейших принципов, которым руководствовались христиане по отношению к государственной власти в I-IV вв. “Власть кесаря” - это один из важнейших образов государственной власти, сформировавшийся в сознании христиан в это время и определявший их отношение к ней. В текстах новозаветных апокрифов нет, да и не может быть какого-либо теоретического определения понятия “власть” или “власть кесаря”. Образ государственной власти, “власти кесаря” формировался в них на основе образов ее конкретных представителей: императоров, царей, вельмож и др. Эти образы делятся на положительные и отрицательные. В обе группы входят как реальные, так и вымышленные лица.

К положительным образам правителей христианское предание относит царицу Трифену, о которой сообщает апокриф “История Феклы, ученицы апостола Павла” (II в); Протонику, вымышленную супругу императора Клавдия, о которой рассказывает апокриф “Учение Аддая апостола, пророка и благовестника” (IV – V вв.); царя Авгара, героя “Учения Аддая апостола, пророка и благовестника”. Рассмотрим эти образы.

Царица “рода кесарийского” [3.С.429] Трифена, услышав о христианской вере от христианки Феклы и видя ее стойкость во время гонений, пытается помочь ей, приглашая жить в своем доме, где Фекле будет более безопасно, присылая Фекле золото и дорогие одежды. Трифена не смогла защитить Феклу от преследований и казни. Но после чудесного избавления Феклы от смерти царица уверо-

вала и привела к вере своих домочадцев. В образе царицы Трифены представлена правительница, хотя и не обладающая реальной властью, но сочувствующая.

В отличие от Трифены, царица Протоника, вымышленная “супруга императора Клавдия”, помогает христианам как человек, обладающий властью. Протоника пришла к вере, когда увидела знамения, совершаемые апостолом Петром в Риме. Вместе со своими детьми она решила посетить Иерусалим, места, где был Иисус, и найти крест, на котором Он был распят. После внезапной смерти дочери Протоники, ее воскрешения и нахождения креста Протоника, возблагодарив Бога, приказала иудеям передать гробницу и Голгофу христианам, чтобы построить на Голгофе храм. Образ царицы Протоники – это образ царицы-христианки, обладающей властью и помогающей единоверцам в силу своих возможностей.

Царь Авгар был правителем небольшого государства Осроэна. Оно возникло во II в. до н.э. на северо-западе Месопотамии и было одним из центров сирийской цивилизации. По легенде царь Авгар узнал об Иисусе Христе от своих доверенных лиц, которые видели в Иерусалиме Христа и исцеления, которые Он совершал. Услышав их рассказ, царь Авгар признает Христа Богом и пишет Ему письмо, прося исцеления от болезни и приглашая Христа в Осроэну. “...Этот маленький и прекрасный городок, достаточный для двоих, чтобы жить в нем в мире” [6.С.79]. Христос не пришел в Осроэну, но послал туда одного из 70 апостолов - Аддая (Фаддея). После исцелений и проповеди апостола Аддая царь Авгар, его семья, придворные и большинство жителей города уверовали. Царь Авгар решает апостолу создавать христианскую общину, строить “храм, дом собраний” [6.С.98], давая на это “деньги без счета”. Авгар создал все условия для службы в храме, подносит большие дары учителям благовестия, чтобы “не при-

ходило им заниматься другой работой, кроме службы” [6.С.72]. Узнав о казни Христа, царь Авгар хотел отправиться в Палестину “и убить иудеев за то, что они распяли Иисуса” [6.С.101]. Но он не смог “пересечь страну ромеев” [6.С.101] и написал письмо Тиберию, в котором рассказал о жизни и делах Христа и о том, что Его несправедливо распяли иудеи. Он просил Тиберию наказать иудеев [6.С.101-102]. Позже, узнав, что часть иудеев наказана, Авгар “весьма обрадовался” [6.С.103]. Таким образом, царь Авгар не просто принимает крещение, но и действует в соответствии с новой верой. Стремление к тому, чтобы все жители города услышали проповедь апостола и обратились в веру, забота о строительстве храмов и полное обеспечение их служителей, желание наказать иудеев и воздаяние посмертных почестей апостола дают возможность рассматривать образ царя Авгара как один из образов идеального правителя- христианина, которому должны были подражать другие правители-христиане и под покровительством которого христиане хотели бы жить в земной жизни.

Кроме этих легендарных или полуполулегендарных правителей и правительниц, к покровителям христиан или сочувствующим им христианское предание относит императоров Тиберию и Клавдия. О Тиберии наиболее подробно сообщают апокрифы “Учение Аддая апостола, пророка и благовестника”, “Обращение Пилата” и “Смерть Пилата”. В “Учении Аддая апостола, пророка и благовестника”, рассказывается о том, что Тиберий, получивший письмо от царя Авгара, обещает наказать иудеев и посылает “убить правителей иудейских, бывших в Палестине” [6.С.103]. Апокрифы “Обращение Пилата” и “Смерть Пилата” дополняют образ Тиберия, сообщая о том, что он “страшно разгневался”, узнав о смерти Христа “из-за беззакония Пилата”. Тиберий приказывает доставить к нему Пилата в оковах и после допроса выносит ему смертный приговор.

Во всех трех апокрифах Тиберий показан не только гневным обличителем убийц Христа, мстителем за Его смерть, но и человеком, предрасположенным к принятию христианства. Тиберий считает Христа “человеком, достойным почитания и поклонения” [6.С.102], верит в Его чудеса, не раз называет Христа праведным человеком [4.С.128], “царем иудейским” [4.С.127], и даже Богом: “...они вынудили распять некоего бога по имени Иисус” [4.С.127]. Образ Клавдия значительно беднее, чем Тиберия. Клавдий упоминается в “Учении Адама апостола, пророка и благовестника” в связи с поездкой его “супруги” Протоники в Иерусалим. Побывав в Иерусалиме и увидев там, как иудеи притесняют христиан, она рассказала обо всем Клавдию. Узнав об этом, Клавдий “приказал, чтобы все иудеи покинули Италию” [6.С.83-87].

Совершенно очевидно, что “образы императоров” Тиберия и Клавдия далеки от своих прототипов и мифологизированы. Причинами такой мифологизации, вероятно, является не только желание повысить авторитет христианства и привлечь к нему новых верующих, но и глубокое уважение к истории, которое вело к появлению традиции реконструкции исторических событий не такими, какими они были, а такими, какими они должны были быть [1.С.97].

Из положительных образов правителей со временем складывается единый образ христианина-правителя, для которого характерно покровительство христианам, желание защитить их и наказать их гонителей, забота о распространении христианства, борьба с его врагами.

Кроме покровителей христиан в апокрифах встречаются образы правителей, преследующих христиан и их веру. В отличие от первой группы, эти отрицательные образы малы и фрагментарны. Наиболее яркими из них являются образы “индийского” царя Маздая и его “вельможи”

Кариша, героев “Деяния Иуды Фомы апостола”, образ “игемона, начальника антиохийского”, о котором упоминает “История Феклы, ученицы апостола Павла”, и образ римского “царя” Нерона.

Все правители - язычники, активно преследующие христиан. “Игемон, начальник антиохийский”, имени которого апокриф не называет, преследует апостола Павла и подвергает мучениям его ученицу христианку Феклу. Царь Маздай и его приближенный Кариш преследуют, а потом и приказывают казнить проповедовавшего в “Индии” апостола Иуду Фому. Они стараются воспрепятствовать обращению в христианство своих жен, а потом становятся их преследователями и “мучителями”. Царь Нерон, упоминаемый в апокрифе “Учение Симона Кифы в городе Риме”, преследует, заключает в темницу и собирается казнить апостола Петра (он же Симон Кифа). [8.С.377, 379]. По причине фрагментарности этих отрицательных образов апокрифы не всегда рассказывают об их дальнейшей судьбе. Обычно они или погибают, наказанные за свои злодеяния, или в конце жизни под влиянием обстоятельств (болезни, смерти родных) обращаются за помощью к христианскому Богу или ранее гонимому ими апостолу. Получив эту помощь, они становятся верующими, раскаиваются и принимают христианство. И так образы положительных и отрицательных правителей, созданные в текстах новозаветных апокрифов, постепенно складывались в единый, хотя и противоречивый образ земной власти, “власти кесаря”. Отношение христиан к этой власти зависело в первую очередь от ее принятия или непринятия “власти Божьей”.

Библиографический список

1. Блок М. Феодалное общество. М., 2003.

2. Деяния Иуды Фомы апостола // Мещерская Е.С. Апокрифические деяния апостолов. М., 1997.
3. История Феклы, ученицы Павла апостола // Мещерская Е.С. Апокрифические деяния апостолов. М., 1997.
4. Обращение Пилата // Свенцицкая И.С. Апокрифические сказания. М., 1999.
5. Смерть Пилата // Свенцицкая И.С. Апокрифические сказания. М., 1999.
6. Учение Аддая апостола, пророка и благовестника // Мещерская Е.С. Апокрифические деяния апостолов. М., 1997.
7. Учение Симона Кифы в городе Риме // Мещерская Е.С. Апокрифические деяния апостолов. М., 1997.

© А.Н. Савинова (КГУ им. Н.А. Некрасова)
Образ России в представлении Фридриха II

Отношения России и Пруссии за 46 лет правления Фридриха II Гогенцоллерна переживали разные времена. От настороженности и открытой вражды маятник русско-пруссских связей склонялся в сторону союзничества и партнерства. Полярность периодов отношений двух стран не отменяла непреходящую стратегическую важность для Фридриха отношений с молодой империей. «Из всех соседей, - писал король в «Истории моего времени»(1775 г.), – Российская империя, как самая опаснейшая, наиболее заслуживает внимание: она сильна и близка»[7. S.87].

Уже в своем первом серьезном сочинении «Рассуждения о нынешнем состоянии европейского политического тела» (1738 г.) Фридрих доказывал необходимость изучения побудительных мотивов политики соседей, правила их дворов, источники внутренних происшествий[4. С.1-2]. Признание за Россией потенциальной угрозы для Пруссии заставляло короля еще более тщательным образом следить за происходящим в этой стране.

Во многом характер представлений короля объясним источниками о России. Не побывав в загадочной Московии сам, он более всего доверял мнениям, отчетам прусских посланников в России (Й.Г. Фоккеродт, А. Мардефельд, В.Ф. Финкенштейн); среди них и брат короля принц Генрих, дважды посетивший Петербург с дипломатическими миссиями. В этой связи нетрудно увидеть придирический взгляд европейца в суждениях короля о России, её истории, правителях и народе. Мнение Фридриха о чуждой ему культуре покоилось на двух основаниях: во-первых, он никогда не относил Россию к европейским государствам, а во-вторых, согласно распространенному в XVIII в. дихотомическому делению мира на варварские и цивилизованные общества, Россия находилась, по убеждению просвещенного короля, в варварском состоянии. В «Истории моего времени» он писал о французах, англичанах и немцах как о наиболее развитых европейских нациях и утверждал, что Россия отстала от них в своем культурном развитии на сто лет [7.S.67, 69]. Придерживаясь подобного взгляда на Россию, король не мог претендовать на оригинальность суждений. Все же нельзя не отметить некоторые суждения Фридриха II о России, выдающиеся из ряда общепринятых мнений. В немалой степени своеобразие части его размышлений о России является следствием достаточной независимости короля от развития внутрироссийской ситуации, свободой от государственных доктрин русского самодержавия и заинтересованности в легитимации прихода к власти участников переворотов.

Личности русских самодержцев занимали центральное место в системе взглядов короля. Как и для многих европейцев того времени, история России для Фридриха II начиналась примерно с правления Ивана IV. Начало европеизации России было положено Петром I: «труды Петра Первого, для благоустройства сего народа, действовали на

него так, как крепкая водка действует на железо. Он (Петр) был крупным законодателем и основателем этой Империи, он создал воинов и министров, он построил город Санкт-Петербург, основал знатную морскую силу и все для того, чтобы Европа почитала его народ и чрезвычайные его дарования»[7.S.70-72].

Признавая положительное значение петровских реформ для российского государства, Фридрих был уверен – Россия страна «полуазиатская» и до Европы ей далеко. В самом царе-реформаторе слишком много было «русского и варварского» (что для Фридриха звучало практически синонимично. – А.С.), чтобы тот мог претендовать на роль европейского просвещенного монарха. Фридрих II был далек от идеализации личности Петра и его реформ. В «Истории Бранденбургской» король подчеркивает внешний поверхностный характер преобразований в России первой четверти XVIII в.: «хотя Петр I и остриг бороды своим россиянам, поправил их в вере, одел некоторых из них по-французски и научил их языкам, но со всем тем, будут ещё долго отличать россиян от французов, итальянцев и других европейских народов»[3.C.184].

Иной в сравнении с распространённой оценкой царствования Анны Иоановны, как мрачного периода русской истории, выглядит характеристика личности и правления этой царицы. Указывая на положительные стороны внешней и внутренней политики, Фридрих ставил в заслугу Анне «покровительство наукам», «щедрость в своих награждениях, строгость в своих наказаниях, благотворительность и роскошь без излишества»[7.S.86].

Положительные результаты правления Анны Иоановны Фридрих во многом объясняет привлечением к делам государственным «мужей, которые России могли быть полезны». Среди выдающихся государственных деятелей Российской империи эпохи Анны Иоанновны Фридрих вы-

делял «искусного кормчего» графа А.И. Остермана, графа Р. Левенвольде и М.Г. Головкина. Заслуживает внимания также характеристика фельдмаршала Миниха, который, как считал король, «имел добродетели и погрешности великого полководца»[7. С. 87, 89].

Политическая нестабильность русского двора после смерти Петра I была известна в Европе. В 1752 г. король выдвинул справедливое предположение о продолжении в Петербурге «самых странных переворотов». Виной тому является «скверное правление Елизаветы Петровны», из-за которого Россия будет проигрывать новые военные кампании. В политике Елизаветы он отказывался видеть ответственность с преобразованиями ее выдающегося отца. Во внутренней политике «эта сладострастная женщина (Елизавета) неудачно усиливает власть духовенства, освобождая его от всех налогов, которые установил Петр I, растраивает финансы неумелым управлением и своими расходами, разлагает армию отсутствием дисциплины...» Осудил он Елизавету и за псевдопатриотизм в военной политике – отставку иностранных офицеров. Нелестным образом охарактеризовал Фридрих и наследника императрицы пруссофила Петра Федоровича как безумного человека без потомства, ненавидимого русскими. В России, без сомнения, произойдет переворот, подытоживал король, «будь то при жизни царицы, будь то после её смерти». Сценарий возможного переворота в России, созревший у короля, был далек от реальности. Свергнутый Иван Антонович и его приверженцы прогонят голштинского принца с престола, а возможно, претенденты и поделят огромную империю. Приход «русской партии» во главе с юным Иваном означает окончание европеизации в России. Это будет правление «варвара», воспитанного в русском монастыре. Фридрих, по существу, надеялся, что гигантская Российская империя распадется вследствие борьбы династий и междоусобиц.

«Гражданские войны в России и раздел этой империи, - писал он, - вот что было бы самым благоприятным для Пруссии и всех северных стран»[6. S.232, 234].

Несмотря на участие России в Семилетней войне против Пруссии, Фридрих II не считал все же её своим подлинным противником. «Между ней и Пруссией нет спорных вопросов. Только случай делает её нашим врагом, – рассуждал он, - политика России направлена на то, чтобы сохранить за собой решающее превосходство в Польше, поддерживать отношения с Австрией, чтобы с её помощью гарантировать себя от неожиданного нападения турок и сохранять максимум влияния в северных государствах»[6.S.208].

Благосклонность Российской империи была жизненно необходима для успешного проведения внешнеполитической линии Пруссии. Фридрих, осознававший эту необходимость как никто другой, стремился к укреплению междинастических связей России и Пруссии. Наиболее показательна в этом отношении роль, сыгранная прусским монархом при выборе супруги для великого князя Петра. Впоследствии признательность Екатерины Фридриху за содействие в заключении выгодного брака видна из ранних материалов частной переписки, в которой она состояла с прусским королём вплоть до его кончины. Долгое время в историографии преувеличивалось влияние просвещенного короля Пруссии на взгляды и характер правления Екатерины II. Став императрицей, Екатерина устанавливает отношения с прусским двором и с самим Фридрихом не только на основе паритета, но и позволяет себе диктовать свою политическую волю умудренному политическим опытом прусскому монарху, что крайне болезненно воспринималось прусским монархом. Известно, что Екатерина встроила на реформирование российского государства в духе идей Просвеще-

ния, отсылала королю свой «Наказ» с просьбой высказать замечания к проекту. Будучи умным человеком, но не посвященным во все тонкости российских порядков, Фридрих дал совет в духе собственного утверждения о том, что «дурные законы в хороших руках исполнителей хороши, а самые лучшие в руках дурных исполнителей вредны». «Я поставил себя на ваше место, - вежливо советовал король, - и, прежде всего, уразумел, что каждая страна требует особых рассмотрений ... я должен откровенно сказать вам: именно, государыня, прекрасные законы, составленные по правилам, начертанным вами, нуждаются в законооведах, чтобы быть приведенными в исполнение в вашем обширном государстве, вам остаётся совершить ещё одно – это основать академию прав, чтобы образовать там людей, предназначенных на судейские места»[2. С.130.].

Доверительная переписка между двумя монархами изобилует взаимными признаниями в дружбе и понимании. Пожалуй, в комплиментах прусский король превосходил даже русскую императрицу. Возвышенные заверения прусского короля о признании России в лице Екатерины «арбитром Севера» являлись лишь частью искусной дипломатии Фридриха; они не должны отвлекать нас от сути личной переписки двух монархов, состоявшей в обмене мнениями по важнейшим внешнеполитическим вопросам и в поддержании общих интересов Берлина и Петербурга. Примечательно, что король не связывает честолюбие молодой империи с личной дипломатией Екатерины II, преимущественно исходя из общетеоретических соображений объективного характера. В целом Фридрих, как обоснованно отметил Х. Духхардт, не дал всесторонней оценки политики Екатерины II. В тестаменте 1768 г. он сосредоточил внимание на придворных интригах, её фаворитах и любовниках, осудил её за убийство мужа[1.С. 136].

Во втором завещании, составленном под воздействием тяжелого опыта Семилетней войны, Фридрих отделяет великие державы от государств второго и третьего разряда. При этом, называя среди великих держав, наряду с Англией и Францией, также Австрию и Россию, он уже не причисляет к ним Пруссию, Голландию и Испанию. Он отмечал, что Россия, имея за плечами войну, в которой сыграла решающую роль, является теперь крупнейшей империей мира, и речь идет не только о территории, но, в первую очередь, о растущей численности населения. По мере роста населения Россия должна стать «самой опасной державой для Европы, если со временем приведет часть своих невозделанных земель в культурное состояние». Неприступность границ России «внушает ей большую гордость и отвагу», а вечный раздор Пруссии с австрийским домом мешает заключению «честного союза во имя совместного противодействия предприятиям этого народа». Россия, по мнению Фридриха, пользовалась этими ошибками: «Благодаря нашей слабости она сильна и таким образом притязает на силу и могущество, которым впоследствии лишь с трудом можно будет представить пределы»[5. S.198-199, 203, 210]. Очевидно, что его страх перед наводнением Европы бесчисленными нерегулярными «полчищами» русских войск, за которым следует гибель европейской цивилизации, хотя и не подтвердился в ходе Семилетней войны, однако оформился в постоянную константу его отношения к России – фобию перед динамичным развитием империи. Этот страх отражал скорее не существующее положение вещей, но был направлен в будущее.

Библиографический список

1. Духхард Х. Россия в представлении Фридриха Великого // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI - XX вв. М., 2002.

2. Переписка между Екатериной II и Фридрихом II // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.20. СПб., 1877.
3. Фридрих II. История Бранденбургская с тремя рассуждениями о нравах, обычаях и успехах человеческого разума, о суеверии и законах, о причинах установления и уничтожения законов. Сочинение. Ч.1-4 / Пер.с фр. А.А Волынцева. М.,1770.
4. Фридрих II //Оставшиеся творения Фридриха II, короля прусского. Т.VI. СПб.,1790 1791.
5. Die politischen Testamente der Hohenzollern, bearb. von Richard Dietrich. Koln [u.a.]: Bohlau, 1986.
6. Friedrich der Grosse. Das Politische Testament von 1752 // Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte der Neuzeit. Bd XXII. Osnabrück,1996. S.158-250.
7. Friedrich der Grosse. Geschichte meiner Zeit // Die Werke Friedrichs des Grossen. Bd II. Berlin: Verlag von Heimar Robbing 1912.

© Ю.Е. Барлова (ЯГПУ)

**"История с безумием короля Георга III"
в конструировании образа монарха в Англии
второй половины XVIII в.**

История политики во многом есть история образов. Современные специалисты, занимающиеся "новой политической историей", постигают политическую культуру "изнутри", с точки зрения дискурсивных практик эпохи, политической риторики и символики, связанных с ними механизмов политической коммуникации, в рамках которых выстраивалось представление о власти, формировался, видоизменялся и очерчивался *образ власти*. Богатую почву для размышлений дает изучение вышеобозначенных явлений через призму уникальных исторических феноменов,

казусов – так называемых case studies, - хотя бы потому, что, согласно общепринятому определению, образ как таковой "раскрывает в единичном, преходящем, случайном сущностное, неизменное, вечное" (1. С. 252).

Политическая история Англии, - казалось бы, "изъезженная вдоль и поперек" историками разных стран, школ и направлений, - такими казусами богата. Более того, отголоски некоторых из них удивительным образом проявляются даже в современных политических практиках. Поэтому изучение их в новом ключе может обогатить наше понимание "культурно-антропологического" аспекта политики – в том числе в русле "новой политической истории".

Один из таких уникальных феноменов связан с фигурой короля Георга III, формально правившего страной с 1760 по 1820 гг. Несмотря на то, что Георг, в годы царствования которого Англия пережила потерю американских колоний, образовавших в 1774 г. государство США, Великую французскую революцию и Наполеоновские войны, был необычным во многих отношениях монархом; интересен не столько его образ сам по себе, сколько то, как такой факт его биографии, как периодические приступы безумия, повлиял на конструирование и эволюцию образа короля в историографии, общественно-политической мысли и сознании англичан.

Короля Георга III, принадлежавшего к так называемой Ганноверской династии, действительно многое отличало от своих предшественников – Георга I и Георга II. Он родился в Англии, умел говорить по-английски, интеллектуально и культурно превосходил обоих, покровительствовал культуре и искусству, активно интересовался политической и управлением страной. У него не было любовниц и внебрачных детей, что казалось странным современникам. Он был счастлив в браке с королевой Шарлоттой, с которой нажил 9 сыновей и 6 дочерей. Будучи ярым библиофи-

лом, в 1760-х он тратил на книги по 3 000 фунтов стерлингов в год и создал несколько библиотек, существующих по сей день. Георг интересовался архитектурой, астрономией, медициной и сельским хозяйством (за свое последнее увлечение он получил неофициальное прозвище "фермер Джордж" – действительно, королю принадлежали несколько ферм в Ричмонде и Виндзоре, он импортировал из Испании овец и поощрял сельскохозяйственные новации по выводу пород домашнего скота).

Говорили, что Георг III умел быть на легкой ноге и с интеллектуалами, и с простолюдинами. В то же время он боялся и недолюбливал иностранцев, и не только ни разу не съездил в Европу (и, в частности, в родной Ганновер), но не был даже в Шотландии и Ирландии. Не были вполне типичными и религиозные симпатии короля. Строгий англиканец, он в то же время симпатизировал неконформистам – то есть различным протестантским сектам. Джон Уэсли, квакер, писал: "Когда еще у Англии будет лучший государь?" По отношению же к католикам король Георг открыто выражал свою неприязнь – именно его позиция влияла на провал любых мер, нацеленных на эмансипацию католиков Англии и Ирландии.

Как политическая фигура Георг III тоже не был однозначен. Несмотря на мягкость характера, его *политическое* упрямство и упорство были возведены в легенды. После потери североамериканских колоний и образования США он продолжал верить, что именно первая уступка колонистам – отмена так называемого гербового сбора в 1765 г. – показала непростительную слабость Англии и спровоцировала мятеж. Георг постоянно заявлял о своем почтении к каждому аспекту конституционного урегулирования 1688 г., утвердившего торжество парламентской монархии и, соответственно, возведшего его династию на престол; но со временем это почтение вылилось в патологическую бо-

язнь любого рода нововведений. Именно при Георге возобновился «вечный спор» короля и парламента о вторжении в права друг друга, известный как *дискуссия о конституционном балансе*, или равновесии полномочий между королем, палатой лордов и палатой общин.

Однако в сознании потомков имя короля Георга III прочно закреплено в сочетании со словом "безумие". Достаточно упомянуть нашумевший фильм 1994 г. "The Madness of King George" – "Безумие короля Георга", получивший несколько "Оскаров" и других престижных кинематографических премий, научно-популярные телевизионные передачи, исследующие характер королевского безумия (например, телепередача от 14 июля 2004 г. на канале BBC "Георг III: безумный или непонятый?"), и тем более "современную эксплуатацию образа" в американских периодических изданиях последних трех-четырех лет, которые активно штампуют заголовки типа "Новое безумие короля Георга" (в английской транскрипции – "короля Джорджа"), относящиеся к личности Джорджа Буша и атрибутирующие черты "случая с безумием Георга английского" к характеру политического поведения американского президента в последние годы.

Дело в том, что король Георг III страдал периодическими приступами так называемой порфириновой болезни, одним из проявлений которой является частичная потеря рассудка и девиантное поведение. Первый приступ такого "безумия" случился с ним в ноябре 1788 г и продолжался до конца апреля следующего, 1789 г. В 1810 же году болезнь приняла необратимый характер, и в последние десять лет своего правления Георг практически не участвовал в политической жизни страны. Как конструировался образ Георга в связи с его болезнью, какие механизмы и средства политической коммуникации использовались противоборствующими политическим группировками для "внедрения"

в политическую риторику того или иного образа монарха, как сквозь призму анализа данного казуса высвечиваются определенные стороны английского политического дискурса эпохи, отношение общества к персоне, наделенной высшей властью? Эти и некоторые другие вопросы мы попытаемся разобрать в данном сюжете.

Эволюция "образов" Георга в политической коммуникации до первого приступа болезни и "кризиса регентства" 1788 – 1789 гг.

В 1760 г., как только молодой Георг III взшел на английский трон, оппозиционно настроенные круги начинают внедрять в политическую культуру образ "*короля-новичка в политике*", зависимого от фаворитов – "королевских любимцев", и в первую очередь от лорда Бьюта. Об этом свидетельствуют многочисленные карикатуры, в том числе со стихотворными подписями, на которых Георг присутствует с Бьютом – последний изображался или в виде ботинка, виднеющегося из-под королевского плаща (фамилия Бьют созвучна со словом "boot" – ботинок), или в виде "шотландского любовника" королевы-матери, имевшей влияние на сына, или отбирающим у короля скипетр (2. №№ 4195, 4228, 4298). Стихотворные комментарии полностью соответствовали создаваемому образу, например:

О, выпьем же за здоровье нашего короля,
...Который с годами становился бы все умнее и умнее,

И был бы сейчас уже умным,
Если бы не одна особа и не проклятый шотландский советник! (3. С. 144).

Однако этот образ сыграл даже на руку Георгу, так как имидж простофили, обманутого хитрыми советниками, и в первую очередь Бьютом, определенным образом коррелировал с образом *Джона Булля* - символа простого, рядового англичанина с его бедами и проблемами. В 1750-х гг.

этот образ был внедрен в арсенал политической пропаганды и закрепился в ней как символ Англии – "типичный англичанин, который ворчит, но платит налоги, ... выразитель коллективного мнения, жертва политиков, докторов и шарлатанов..." (З. С. 177). Однако с 1762 г. пропагандисты Бьюта начали внедрять альтернативный образ Георга как "*государя – патриота*", акцент в котором делался на отличии Георга III от его ганноверских предшественников. Показательно, что такая "подача" образа монарха не была столь успешна и вызывала лишь дополнительную иронию карикатуристов и памфлетистов – в том числе, в связи с обострившимися отношениями Англии с североамериканскими колониями.

В 1770-х гг. в политической графике и риторике появляются одновременно два практически противоположных образа короля - образ *благодушного фермера Джорджа* и образ *тирана, нарушившего конституционный баланс*. Первый "вырос" из "короля-новичка", но эксплуатировался уже не только и не столько противниками, сколько сторонниками Георга. Впервые эта "кличка" короля появляется в карикатуре знаменитого Гиллрея под названием "Фермер Джордж, изучающий ветер и погоду в неправильный конец телескопа" (1771 г.) (2. № 4883). В последующие несколько лет черты этого образа оформились окончательно: в печатной графике, стихах и прочих средствах политической сатиры Георг выглядит как забавный фермер-семьянин, увлеченный сельским хозяйством и в силу этого обманываемый несправедливым окружением по ряду ключевых политических вопросов. Второй образ – более пафосный, серьезный, менее ироничный, насаждаемый не только в графической пропаганде, но и в парламентских дебатах, политических трактатах и пр., был "детищем" оппозиционных парламентских фракций и даже породил отдельный дискурс в политике, повлиявший на оформление после-

дующей историографии английской истории XVIII века. Георг, по мнению оппозиции, нарушил конституционные условия компромисса 1688 г. и посягнул на независимость палаты общин, ограничив ее полномочия с помощью «секретного и коррумпированного влияния» - системы фаворитизма, или королевских любимцев. Такой подход, в частности, унаследовали представители "вигско-либерального" направления в историографии, усматривающие причины политических кризисов в Англии именно в политике Георга.

На руку образу "тирана" сыграли пресловутые "американские события" – обострение противоречий с североамериканскими колониями, война за независимость и образование США. Они сильно пошатнули реноме Георга, поскольку его позиция по вопросу о независимости колоний была самой твердой и непреклонной – он был против любых уступок колониальной элите, считая таковые первыми шагами к потере Англией своих владений в Северной Америке. Подобную позицию было очень легко представить как *стремление тирана покуситься на свободы населения колоний и утвердить там деспотический режим английского гнета*. Именно таким Георг представлен в знаменитой "Декларации независимости США" 1776 г.: "История правления ныне царствующего короля Великобритании – это набор бесчисленных несправедливостей и насилий, непосредственной целью которых является установление неограниченного деспотизма... Государь, характеру которого присущи все черты, свойственные тирану, не может быть правителем свободного народа", - гласит этот основной программный документ "американской революции" (4. С. 26-28).

Таким образом, к середине 1780-х гг. два образа Георга "шли рука об руку" в политическом пространстве Англии, обеспечивая хлеб карикатуристам, "подбрасывая" во-

просы повестки дня парламентским фракциям и темы для споров посетителям политических кофеен и пабов.

Хронология "кризиса регентства" 1788 – 1789 гг.

Однако осенью 1788 г. с Георгом случился первый приступ безумия: он перестал адекватно реагировать на окружающих, включая жену и детей, вел себя агрессивно, иногда впадая в бешенство, иногда - в детскую шаловливость и упрямство. В связи с неясностью причин, характера и исхода "болезни" короля встал вопрос о назначении регента, на роль которого оппозиция прочила сына Георга принца Уэльского (последний был другом многих оппозиционных политиков). Противником этой идеи был премьер-министр Питт-младший, утверждавший, что регент может быть назначен лишь по решению парламента. Обе стороны развернули активную пропагандистскую деятельность. В коллекции национального британского музея сохранилось более 80 карикатур, выпущенных в период с ноября 1788 по май 1789 г. и напрямую связанных с этим вопросом (2. С. 20). Что касается газет, то они в большинстве своем тоже разделились на два противоположных лагеря, так как некоторые из них были куплены "по этому вопросу", а влияние на другие достигалось посредством покупки долей в их уставном капитале. Уильям Комб писал, что сторонники принца "заседали денно и ночно в хорошо известной таверне в Ковент Гарден, оформляя параграфы, листовки, фабрикуя фальшивки – короче, делая все возможное..., чтобы повлиять на общественный разум в своих целях... Листовки забрасывали на городские рынки, в пабы и пр., чтобы, как выразился один мой знакомый фермер, заставить людей радоваться так, как радуются составители всего этого, тому, что король выжил из ума" (5. С. 271-283).

На стороне оппозиции был легкий "перевес", которому способствовало то, что популярность Георга сильно упала в результате затаянного характера и разорительности для страны "американской войны", все равно закончившейся признанием Англией в 1783 г. государства США. Иными словами, к началу кризиса монарх для многих увлеченных просветительскими идеями людей выглядел тираном. Поэтому "прокоролевская" пропаганда начала усиленно эксплуатировать внедренный Гиллреем несколько лет назад образ короля как "фермера Джорджа" – простоватого, недалекого, скуповатого домоседа, любящего свою семью, – то есть нации предлагалось обратить внимание *не на короля-политика, а на короля-человека, которого к тому же внезапно настигла болезнь*. "Послание" "проминистерских" карикатур общественности звучало так: недалекий, но добродетельный монарх тяжело болен, а разгульный сын (а принц Георг, в отличие от отца, был действительно известен как выпивоха, любитель женщин и азартных игр) желает ему скорой смерти, чтобы занять престол. Одна из самых показательных в этом смысле карикатур "Последний пиетет" изображала, как подвыпивший принц в компании с другом Шериданом и дамами-любовницами врывается в покои "фермера Джорджа", лежащего в постели в своем традиционном колпаке, и произносит: "Посмотрите, дамы, как там наш старичок: уже..., или пока еще нет?" (3. Plate 82). На карикатуре Роуландсона (декабрь 1788) "Желто-голубая преданность" (голубой и желтый были цветами английской парламентской оппозиции – Ю. Б.) Шеридан с почтением спрашивает у королевского врача: "Доктор, как чувствует себя пациент?" В субботу тот отвечает: "Гораздо хуже!", на что Шеридан ухмыляется: "Ха-ха, уже не новость!" В воскресенье же доктор отвечает: "Слава Богу, лучше!", и Шеридан злобно ругается: "Проклятье!" (3. С. 201).

Характерно, что оппозиция как будто предчувствовала успех подобной тактики, так как вскоре в "проопозиционных" карикатурах и публикациях "Георг-тиран" пропал, и весь запал сатиры и критики обрушился на премьер-министра Питта. Карикатурная "версия" оппозиции выглядела так: Питт хочет сам *незаконно* заполучить регентство, вопреки *законным* правам на это наследника престола. Так, Морнинг Пост сообщила 29 декабря, что посылка с лифлетами "Государь Питт (Принц Питт) или Министр-Патриот" была передана 27 декабря на станции в Бристоле с обещаниями возместить расходы за распространение. Образ "государя Питта" ввел в политическую риторику Эдмунд Берк, впервые озвучивший мысль о том, что Питт – конкурент принца Уэльского в борьбе за регентство. Соответственно, символика проопозиционных карикатур выбрала образ "гадкого утенка" - выскочки (Питт), который тянет перья из короны прекрасного лебедя-принца. Прозвища, мелькавшие в карикатурах и памфлетах, – "Принц Уильям", "Уильям IV", "Вильгельм Завоеватель", "Принц Питт", "Король Питт" (2. №№ 7388, 7389). Карикатура Гиллрея "Ястреб Конституции" (3 января 1789 г.) сопровождается стихами:

Посмотрите, вот принц Георг - любимый сын нашего Суверена,

Надежда Англии, Наследник Британского Трона,

Поверженный, лежит у ног короля-жертвы,

В то время, как принц Питт пытается над ним подняться...

Поднимайтесь, британцы, объедините руки, сердца в единый хор,

Чтобы защитить свои законы... (3. С. 198).

Питта пытались обвинить и во влиянии на королеву Шарлотту – в одной из карикатур она изображена зеброй, на которой едет Питт со словами: "Я сбросил маску, и те-

перь буду нести все бремя власти благодаря моему купленному богатству". Еще на одной карикатуре он, сидя на зебре, стреляет из ружья в Джона Буля (изображенного в виде быка – Bull). Кстати, у последней карикатуры вскоре появился антипод – карикатура Сэйерса, на которой изображен лидер оппозиции Чарльз Фокс, стреляющий в Британского Льва, сидя на пони (очевидно, символизирующей принца, так как лошадь – родовой символ Ганноверской династии), на голове которого повязка, имитирующая корону (2. №№ 7384, 7488).

Понятно, что в ходе этого "пропагандистского сражения" имело место классическое для "черной" пропаганды искажение действительности с обеих сторон. Однако битва была выиграна именно "королевской" стороной. Несмотря на то, что версия, предлагаемая публике оппозицией, была даже ближе к истине, апелляция к эмоциям, чувствам англичан (сострадание к больному *человеку*) победила апелляцию к рассудку (понятие прерогативы и законных прав). Весна 1789 г. была отмечена неожиданным ростом популярности монарха и всплеском общественной "прокоролевской" активности, которая возростала вплоть до выздоровления Георга в конце апреля, превращенного политиками в настоящее "шоу". Именно так выглядела грандиозная процессия и следовавшее за ней богослужение в соборе Св. Павла 23 апреля 1789 г. в честь выздоровления короля, описанная многими историками. Эта церемония стала сюжетом для множества карикатур, в которых – что интересно – преобладали уже "политически нейтральные" мотивы: общая критика продажности политиков (например, карикатура "Реставрационные наряды", смысл которой в том, что женщины политиков обеих партий надели на церемонию одинаковые лоялистские эмблемы), (2. С. 600-605, № 7522) издевка над прибытием с опозданием послов из Ирландии – "в день после ярмарки, к шапочному разбо-

ру", критика высоких цен на места в соборе Св. Павла и т.п.

Наиболее популярным вербальным образом происходящего становится словосочетание "*похоронная процессия мисс Регентства*" (2. №№ 7524, 7525). 29 апреля Гиллрей, основной "проводник" оппозиционной пропаганды, рисует карикатуру с таким названием, выставляющую оппозиционных лидеров в комичном свете, – то есть, по сути, занимает противоположную позицию. Берк, например, изображен в наряде священника и берете иезуита с "Одой на выздоровление Его Величества", гласящей: "Наши воздушные замки, наши величественные дворцы, наши священные храмы, и даже само наше великое Регентство – все разрушено! И как бестелесный призрак – не оставило за собой даже следа!" (2. С. 604). Гроб с телом мисс Регентства поддерживают "шесть ирландских быков" (намек на опоздавшую делегацию), поющих: "Пуллалалу – Пуллалало – О! Пуллалало – О!" (традиционная, впрочем, издевка над ирландцами. – Ю. Б.). На гробе – корона с перьями Принца (здесь художник использовал свой же символ – напомним, в "ястребе конституции" Питт тянул из короны перья), рядом с короной изображен пустой кошелек и игральные кости. На картинке присутствует и любовница принца, миссис Фитцгерберт – она изображена как "Главная скорбящая – Принцесса У–ская", восклицающая: "К чертям все мои надежды...на то, чтобы стать **королевой!**" **"истории с безумием" на трансформацию образа Георга III в общественно-политическом дискурсе**

После "кризиса регентства" 1788 – 1789 гг. в большинстве карикатур, лифлетов и других средствах пропаганды Георг III показан в образе *фермера Джорджа*, который в 1790-х гг. (когда большинство сатирических мотивов были связаны с Французской революцией) постепенно

сливается с образом *Джона Булля*. На наш взгляд, это был самый удачный результат прокоролевской пропаганды: и тот, и другой образ начинают "осторожно" эксплуатировать вместе, что в итоге ведет к ассоциативному "уменьшению дистанции" между королем и народом. Еще в 1789 г. анонимный памфлет предупреждал Уильяма Питта "быть осторожным, и...несмотря на усилия карикатурных лавок, памфлетов и продажных публикаций, держать удила, пока *Король и Народ* не поправятся" (5. С. 271-283).

В конце XVIII столетия Георг III предстает в политическом дискурсе как типичный, как бы мы сейчас сказали, "таблоидный" монарх: честный, простой, открытый, обладающий твердыми моральными устоями, бережливый (скуповатый), настроженный в отношении иностранцев (ксенофоб). Это качества *не политика* (правителя), но *человека*, точнее – типичного *англичанина*, каким рисовали его иностранные путешественники тех времен и какими желали видеть себя сами англичане в соответствии с пуританской этикой.

Получается, что именно приступы порфириновой болезни стимулировали "муссирование" именно этих качеств (т.е. конструирование именно этого образа) и способствовали росту популярности Георга – но не как политической фигуры, а как обычного человека. Когда 25 октября 1810 г. Георг в последний раз впал в безумие (после этого он уже не возвращался к управлению страной), празднование его юбилея превратилось в национальное торжество – "феерию, равной которой не было в истории празднования событий такого рода" (5. С. 282-283).

В **историографии** эволюция оценок Георга III также связана со "случаем с безумием". "Вигско-либеральная" историческая школа XIX в., равно как и американская историография, пыталась эксплуатировать образ, создаваемый в XVIII в. оппозицией, и характеризовала Георга как

тирана, узурпировавшего права парламента и покушавшегося на основы конституционного баланса. "Школа Нэмира" в 1920–е гг. презентовала Георга как личность, на которой в новое время держался весь механизм политической коррупции.

Однако в 1960-х гг. в историографии произошел так называемый *"эмпатический поворот"*. В эти годы выходит работа Иды Макалпайн и Ричарда Хантера "Георг III и дело о безумии" (6), в которой авторы впервые идентифицировали безумие короля как порфириновую болезнь (сам термин в медицине был введен в 1930-х гг.). Учитывая, что в 1950-е гг. даже такие знаменитые политические историки, как Дж. Пламб (между прочим, автор книги "Первые четыре Георга" – написанной в жанре политической биографии указанных монархов) и Дж. Баттерфилд предпочитали вообще не касаться этой темы и тем более не связывать ее с оценкой Георга как монарха, следует сказать, что после выхода этой работы "репутация" короля в исторических кругах изменилась. Именно с этого времени о нем начали писать как о честном, смелом, обязательном, добродетельном монархе, подчеркивать его отличия от предшественников, образованность, покровительство культуре и прочие положительные качества.

Итак, "король-политик – король-человек – король-декорация (символ)". Возможно, именно так выглядит "эволюция" презентации фигуры монарха в Англии, до сих пор сохраняющей монархический строй. В эпоху нового времени, когда сильные правители типа Генриха VIII, Елизаветы I или Карла Стюарта уходили в прошлое, Георг был более "симпатичен" современникам и, соответственно, более популярен в образе Джона Булля и символа "старой доброй Англии". Возможно, именно безумие, отвлекшее Георга III от активного участия в практической политике,

обеспечило первый толчок для подобной трансформации образа короля.

Библиографический список

1. Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
 2. Catalogue of Political and Personal Satires in the collection of British Museum. Vol. V., L., 1949.
 3. George M. D. English Political Caricature in the 18th century. L., 1959.
 4. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / Под ред. О.А.Жидкова. Пер. О.А.Жидкова. М., 1993.
 5. Aspinnall A. Politics and the Press. L., 1959.
- Hunter R. and Macalpine I. George III and the Mad-Business. L., Penguin, 1969.

© А. В. Литвинов (ЯГПУ)

Образ Европы в Эфиопии в середине XIX – начале XX веков

Межэтнические культурные контакты часто подвергаются сильному влиянию стереотипов восприятия одного народа другим. По мнению Н. А. Ерофеева, «положительный образ человека и народа способствует установлению контактов с ним, отрицательный оказывается препятствием для таких контактов, взаимопонимания и сближения» [1]. В XIX веке переживавшая промышленный подъем, Европа усилила свою экономическую, военную и культурную экспансию в Эфиопию. В свою очередь, еще с правления царя Фасиледаса (1632-1667) Эфиопия придерживалась политики культурной изоляции от Запада. Такое отношение было вызвано опытом общения с иностранцами. Еще в XV-XVI веках отдельные выходцы из Южной Европы, как правило, ремесленники самостоятельно добирались до Эфиопии,

поступая на службу к местным монархам, заинтересованным в использовании европейских технологий. В этот же период состоялось установление отношений и на государственном уровне, наиболее яркими моментами которых были португальское посольство в Эфиопию 1520 года и военная помощь Португалии эфиопским христианам в их кровопролитной борьбе с мусульманским султанатом Адала (1529-1559).

Позитивный опыт общения с европейцами как с друзьями по оружию, носителями ценных технологий был перечеркнут деятельностью иезуитов, которые стремились сделать Эфиопию, по выражению Ф. А. Домбровского, «официальной христианской нацией, для чего обратиться к католицизму» [2]. Как писал иезуит Баррадаш: «гранды (эфиопские феодалы. – А. Л.) опасались, что если Эфиопское королевство станет католическим, португальцы будут притязать на него и овладеют им» [3]. Амбиции иезуитов в сочетании с их религиозным фанатизмом, выразившимся в неуважении к национальной духовной культуре страны, создали в Эфиопии негативный образ европейцев. Они получили наименования «западных волков» [4], «мамхеров (монахов – А. Л.) лжи, вельмож франкских», создателей «нечистых книг франкских» [5], носителей «ложной веры, выросшей из Рима» [6]. Хотя иезуитам удалось обратиться к католичеству царей За Денгеля (1603-1604) и Сисинния (1607-1632), в стране началась религиозная война против католиков, которую возглавили эфиопская церковь и некоторые феодалы. Она привела к отречению Сисинния и воцарению Фасиледаса, который изгнал иезуитов, восстановил прежнюю веру и начал проводить политику изоляции от Европы. Отдельные европейцы периодически проникали в страну, но их присутствие было не столь значительным. Ситуация стала меняться в конце XVIII – середине XIX вв. Поход Наполеона в Египет в 1798 г. изменил геополитиче-

скую ситуацию в регионе, а открытие Суэцкого канала в 1869 г. – экономическую. Африканский рог вновь приобретал важное стратегическое значение, а Эфиопия становилась более доступным местом для визитов иностранцев.

Таким образом, XIX век стал для Эфиопии временем выхода из культурной изоляции от Запада, второго пришествия европейцев. Начались активные контакты экономически развитой, современной Европы с доиндустриальным традиционным обществом Эфиопии. По словам эфиопского историка Бахру Зевде: «Европа приближалась к Эфиопии с удвоенной энергией. Эфиопы реагировали со смешанным чувством рвения и осторожности» [7]. В этот период происходил пересмотр сложившихся стереотипов восприятия эфиопским обществом иностранцев. Представляется целесообразным рассмотреть образ Европы в Эфиопии в середине XIX – начале XX веков в географическом, расовом, национальном, религиозном и культурном аспектах.

Географические представления эфиопского общества были довольно ограниченными. Основные сведения о внешнем мире оно получало от мусульманских, армянских, еврейских купцов, а позднее и от самих европейцев. В топографии эфиопов главнейшее место занимали две точки: Египет, откуда они получали предстателя своей церкви, и Иерусалим, где находилась их религиозная миссия. Остальные страны имели неопределенное местоположение относительно моря. Так, хроника XV века говорит о том, что «митрополит франков вышел и поднялся с моря со священниками и диаконами и немногими мирянами из франков...» [8], а в XVI веке Фасиледас называет испанского короля «Пес, живущий у моря» [9]. В первой половине XIX века миссионеры Изенберг и Крапф в своих дневниках писали: «...географические знания абиссинцев относительно стран очень скудны; они лишь недавно стали различать

англичан, французов и немцев» [10]. Однако последний процесс начинал набирать силу, так что через несколько лет, когда тот же Крапф обратился к одному из местных правителей с просьбой о помощи, тот, узнав, что перед ним англичанин, отказался иметь дела с миссионером, так как предпочитал французов [11]. Эфиопская знать, имевшая дело с различными иностранцами, принимавшая участие в политической борьбе европейских держав за влияние на их страну, стала различать географическую и национальную принадлежность чужеземцев, иметь представление о целях западных стран в регионе и даже разбираться в мировой политике. Так, Теодрос II (1855-1868) уже довольно верно рассуждал о колониальной политике европейцев: «Знаю я тактику европейских правительств. Когда они хотят захватить восточную страну, они сначала присылают миссионеров, потом консулов для поддержки миссионеров и, наконец, батальоны для усиления консулов. Я не индийский раджа, чтобы дурачить меня таким образом. Я предпочитаю иметь дело сразу с батальонами» [12]. Ко времени правления Менелика II (1889-1910) эфиопская монархия уже прекрасно знала о противоречиях между европейскими державами и стремилась играть на них. Набирал силу и другой процесс – посылка молодых эфиопов для обучения за границу. Многие из них стали разбираться не только в европейской, но и в восточной географии. Познакомившись с такой страной, как Япония, они не только способствовали установлению с ней дипломатических отношений, но и выступали за использование японского опыта для развития своей страны [13]. В то же время простые эфиопы сохраняли традиционные географические представления о Европе. Например, император Менелик II в прокламации к населению по поводу итало-эфиопской войны 1885-86 гг. утверждает, что враги «пришли из-за моря», не давая конкретного названия страны [14].

Отличались эфиопы от европейцев и по расовому признаку – цвету кожи. Однако в глазах туземцев это не было признаком превосходства иностранцев. Они говорили европейцам: «Какие же вы белые? Ведь соль – она белая: разве ваша кожа подобна цвету соли? Вы красные?» [15]. К тому же люди с более светлым типом кожи эфиопам были знакомы. Это были египтяне, с которыми культурные отношения сложились еще со времени Аксумского царства. Поэтому по расовому признаку многие европейцы ассоциировались с последними. Так, Изенберг и Крапф писали, что эфиопы «всех европейцев называют египтянами» [16]. Людей с белой кожей наделяли и другой характеристикой – это были паломники из Иерусалима. Крапф следующим образом отзывался о гостеприимстве эфиопов: «А другие примут вас из любопытства, так как редко или никогда не видели белого человека и верят, что он пришел из Иерусалима... Когда иностранец покидает дом, он должен дать благословение, которое, по мнению абиссинцев, обладает особенным действием против дьяволов, ловушек, муравьев, саранчи, мышей, голода, войны, болезни и т. п., потому что он пришел из Иерусалима» [17]. Многие эфиопы стремились получить дар от таких людей. Миссионеры часто упоминают о случаях, когда народ выпрашивал у них различные личные вещи. Даже Йосиф Негуссие, секретарь Менелика II по внешним сношениям, без стеснения просил у европейских дипломатов ордена и другие подарки [18].

Европейцы получили и свою библейскую родословную – «чада Тувала, сыны Иафета» [19], то есть потомки младшего из сыновей праведного Ноя. Сами эфиопы вели свой род от старшего сына Сима согласно трактату «Слава царей», который говорит, «что Эфиопия есть Новый Израиль, народ эфиопский – Богом избранный народ, а цари Эфиопии превосходят славой всех царей, и им уготована власть над миром» [20]. Отсюда сознание превосходства

собственной нации над европейцами. По словам В. В. Болотова: «В них (абиссинцах. – А. Л.) постоянно только их непостоянство и ещё – их гордое сознание своего превосходства над белокожими. Абиссиния видала европейцев, сделавших полную честь своей расе, но видала и таких, которые заслужили всякие чувства кроме любви и уважения. Но абиссинская гордость, кажется, есть нечто данное прежде этих опытов. Ею проникнуты не только взрослые, но – странно сказать – даже дети» [21]. Так, Вольде Селассие считал, что «европейцы потому только сюда и приезжают, что здесь все гораздо лучше, чем в Европе» [22]. Как писал миссионер Гобат: «Большинство полагает, что белые приходят в Абиссинию лишь в поисках золотых копеек» [23]. Осознать отсталость своей страны могли только те эфиопы, которые побывали в Европе и испытали от этого настоящий культурный шок. Так, Микаэль Арагани, будучи в Лондоне в конце 80-х годов XIX века, с горечью восклицал: «Ну почему мы, абиссинцы, – в сущности, грязные африканцы – еще и так гордимся собой? Ведь европейцы живут в преддверии рая, а мы – в преддверии ада!» [24]. Однако большинство населения продолжало жить представлениями о превосходстве Эфиопии, которое еще более укрепилось после победы над итальянцами при Адуа в 1895 году. Так, когда европейские учителя обсуждали со своими эфиопскими учениками накануне итальянского вторжения 1935 года военную силу Эфиопии, те восклицали: «Мы сильны! Наши воины храбры! Никакая европейская армия не сможет победить нас! Адуа доказала это!» [25]. Превосходство европейского вооружения также не смущало молодых эфиопов: «О, самолеты не пугают нас. Наши священники знают некоторые слова; они произнесут их и самолеты упадут» [26].

Превосходство эфиопов, по их мнению, основывалось на силе веры. Национальная идентичность иностран-

цев в XIX веке в глазах эфиопского общества совпадала с их религиозной идентичностью. Так, католики, это, прежде всего, «носители нечистой веры Льва», то есть диофизиты – сторонники учения о двух природах во Христе, в то время как эфиопы – монофизиты, то есть сторонники точки зрения об одном божественном естестве Христа. С легкой руки эфиопского духовенства католиков продолжают считать «западными волками». Даже в 50-е годы XX века священник Айялеу Тамру написал против них книгу под названием «Когда это мы породнились, волчье отродье?» [27]. Цель пребывания католиков в стране – «опорочить правую веру, посланную Эфиопии из Александрии, распространять и восхвалять ложную веру, выросшую из Рима» [28]. Император Йоханнис IV (1872-1889) говорил одному из англичан: «Что касается до иностранцев, то я не могу сказать, чтобы я любил их или доверял им, хотя и многим обязан Англии... Зачем иностранцы являются сюда обращать христиан в христианство? Они вносят смуту в мою страну, они нежелательны. Разве мало язычников для обращения?...Мы — христиане, как и вы, хотя и иного исповедания; вы представляете мусульманское правительство (Египет. – А. Л.), и я вижу, что западные народы проявляют большой интерес к Египту. Почему же западные миссионеры не обращают этих ваших друзей в христианство?» [29]. Император Менелик в своей прокламации также преподносит нападение итальянцев как религиозное: «Враги пришли разрушить нашу страну и изменить нашу религию» [30]. Англичане и голландцы тоже воспринимаются, прежде всего, как протестанты. Шарль Понсе, посетивший Эфиопию в начале XVIII века, так описывал попытки голландцев установить отношения с этой страной: «...Эфиопы никогда не войдут ни в какую лигу с ними, и я слышал, как они говорили, что никогда не будут доверять никаким христианам, которые не постятся или не почитают святых, или

не верят, что Христос действительно присутствует в святом причастии» [31]. То есть здесь голландцы ассоциируются прежде всего со своими религиозными убеждениями, противоречащими эфиопской вере. На подобное отношение натолкнулся в середине XIX века и англичанин У. Харрис: «Нетерпимое и предубежденное духовенство, которое правит железной рукой своего могучего религиозного авторитета, вскоре объявило, что британцы хуже язычников, так как не соблюдают абсурдных постов и придерживаются богохульных учений» [32]. В национальном же плане все европейцы первоначально получали неопределенное наименование «франков». Лишь со второй половины XIX века их стали различать по национальности и географической принадлежности. Однако основным показателем культурной идентичности оставался религиозный признак. Единственным из европейских народов, получивших ярлык православных, были русские, которые вели войну с турками, а следовательно, по представлениям эфиопов, защищали свою правую веру. Так, по словам британского консула У. Плаудена, один сириец побудил императора Теодроса «написать письмо русскому императору как защитнику креста против полумесяца» [33]. Однако, более близко познакомившись с вероучением русской православной церкви, эфиопское духовенство разобралось в отличиях, и в начале XX века в местной церкви появились силы, выступающие против сближения с ней.

Наконец, что касается образа европейской культуры, то здесь эфиопы, сталкиваясь с ее более высокими технологиями, признавали, по словам простого торговца Махомеда, «что вся мудрость и знания у франков, но в том, что касается религии, они заблуждаются»[34]. Иностранцы, по мнению Р. Панкхерста, воспринимались как «отдельный класс со специфическими занятиями, находящимися в основном вне опыта местного населения»[35]. Их

успехи в технологии приписывались обладанию тайным знанием, дьявольской помощи. Поэтому эфиопы не стремились учиться у европейцев, не шли в организованные миссионерами школы, которые с подачи местной церкви пользовались дурной репутацией, как обучающие детей на католиков и протестантов. Напротив, эфиопы сами стремились использовать европейцев в своих целях, будь то снадобья или лекарства, за которыми прибегал простой народ, или технологии, как правило, военные, которых требовали от европейцев знатные эфиопы. Однако не всегда то, что подходило для капиталистической Европы, действовало в феодальной Эфиопии.

В целом, в конце XIX-начале XX веков в Эфиопии изменялся существующий образ Европы, который приобретал более реалистичные черты. Однако традиционные воззрения на Европу также сохранялись. Главным оставался религиозный подход к идентификации образа европейца.

Библиографический список

1. Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853. М., 1982. С. 3.
2. Dombrowsky F. A. Ethiopian attitudes towards Europeans until 1750// Proceedings of the eighth international conference of Ethiopian studies. Vol. 1. University of Addis Ababa, 1984. P.147.
3. См.: Хазанов А.М., Райт М. В. Попытки колониальной экспансии Португалии в Эфиопию (XVI-XVII вв.)// Народы Азии и Африки. 1973. № 2. С.64.
4. См.: Чернецов С.Б. Эфиопская феодальная монархия в XVII веке. М.,1990. С. 183.
5. Житие матери нашей Валата Петрос// Тураев Б. А Исследование в области агиологических источников истории Эфиопии. СПб., 1902. С. 247-248.

6. Хроника царей Лебна Денгеля, Клавдия, Мины// Тураев Б. А. Абиссинские хроники XIV- XVI вв. М.-Л., 1936. С. 150.
7. Bahru Zewde. A history of modern Ethiopia 1855-1974. Addis Ababa University Press, 1991. P. 24.
8. Хроника царей Лебна Денгеля, Клавдия, Мины// Тураев Б. А. Абиссинские хроники XIV- XVI вв. М.-Л., 1936. С. 150.
9. См.: Хазанов А.М., Райт М. В. Попытки колониальной экспансии Португалии в Эфиопию (XVI-XVII вв.)// Народы Азии и Африки. 1973. № 2. С.64.
10. Isenberg C. W., Krapf J. L. The journal of C. W. Isenberg, J. L. Krapf detailing proceedings in the kingdom of Shoa and journeys in other parts of Abyssinia in the years 1839, 1840, 1841 and 1842. L., 1968. P. 499.
11. См.: Ibid. P. 511.
12. См.: Lejean G. Theodore II. Le nouvel empire d'Abyssinie et les interets français dans le sud de la Mer Rouge. Paris, 1865. P. 160.
13. См.: Bahru Zewde. The concept of japanization in the intellectual history of modern Ethiopia// Proceedings of the fifth seminar of the department of history. Addis Ababa University, 1990. P. 1.
14. См.: Prouty C. Empress Taytu and Menelik II. L., 1986. P. 133.
15. См.: Чернецов С.Б. Эфиопская феодальная монархия в XVII веке. М.,1990. С. 291.
16. Isenberg C. W., Krapf J. L. The journal of C. W. Isenberg, J. L. Krapf detailing proceedings in the kingdom of Shoa and journeys in other parts of Abyssinia in the years 1839, 1840, 1841 and 1842. L., 1968. P. 499.
17. Ibid. P. 430.

18. См.: Чернецов С.Б. Эфиопский дневник русского врача (1893-1899)// Вестник Восточного Института. Acta Institutionis orientalis. № 2 (10). Т. 5. СПб., 2001. С. 24.
19. Хроника царей Лебна Денгеля, Клавдия, Мины// Тураев Б. А. Абиссинские хроники XIV- XVI вв. М.-Л., 1936. С. 131.
20. См.: Чернецов С. Б. Эфиопия в первые шестнадцать веков нашей эры. СПб., 2004. С. 62 .
21. Болотов В. В. Несколько страниц из церковной истории Эфиопии. Отдельный оттиск из журнала «Христианское чтение» за 1888 г. СПб., 1888.С. 458.
22. См.: Там же. С. 459.
23. Gobat. S. Journal of three years' residence in Abyssinia. L., 1834. P. 193.
24. См.: Pankhurst R. The Foundations of Education, Printing, Newspapers, Book Production, Libraries and Literacy in Ethiopia// Ethiopia observer, 1962, Vol. VI, P. 250.
25. См.: Rebeaud H. Chez le roi des rois d'Ethiopie. Paris, 1935. P. 142.
26. См.: Ibid. P. 156.
27. См.: Чернецов С.Б. Эфиопская феодальная монархия в XVII веке. М.,1990. С. 291.
28. Хроника царей Лебна Денгеля, Клавдия, Мины// Тураев Б. А. Абиссинские хроники XIV- XVI вв. М.-Л., 1936. С. 150.
29. См.: Winstanley W. A visit to Abyssinia: an account of travel in modern Ethiopia. London, 1881, vol. II, p. 243.
30. См.: Prouty C. Empress Taytu and Menelik II. L., 1986. P. 133.
31. См.: Dombrowsky F. A. Ethiopian attitudes towards Europeans until 1750// Proceedings of the eighth international conference of Ethiopian studies. Vol. 1. University of Addis Ababa, 1984. P.155.

32. W. C. Harris The highlands of Aethiopia. Vol. 2. L., 1844. P. 19.
33. См.: Pankhurst R. Ethiopia in the nineteenth century// Ethiopia observer, 1963. Vol. 7. P. 89.
34. См.: Isenberg C. W., Krapf J. L. The journal of C. W. Isenberg, J. L. Krapf detailing proceedings in the kingdom of Shoa and journeys in other parts of Abyssinia in the years 1839, 1840, 1841 and 1842. L., 1968. P. 14.
35. Pankhurst R. The role of the foreigners in the nineteenth century Ethiopia prior to the rise of Menelik// Boston university papers on Africa. Vol. 2. Boston, 1966. P. 21.

© А.С. Ходнев (ЯГПУ)

**Иерархия исторических образов: образы
международной организации в исторической памяти
и истории**

Количество академических и научно-популярных публикаций по истории образов событий и их сохранности в исторической памяти людей трудно поддается подсчету. Чаще всего это связано с юбилеями значимых событий, отложившихся в национальной памяти. В этом можно убедиться, если взглянуть на страницы журнала «Неприкосновенный запас» № 2-3 за 2005 год [7], посвященные исторической памяти о второй мировой войне, или познакомиться с новыми публикациями о первой мировой войне известных историков Б.М. Туполева [8] и В.Н. Виноградова [2]. Существует также устойчивый интерес к изучению образов той или иной страны, особенно Англии, возникающих у разных поколений россиян [3,4]. Рискну высказать мысль о том, что проблемы изучения конструирования образов в истории, культуре и политике тесно связана с проблемой исторической памяти, поскольку образы не могут сущест-

зовать вне контекста исторической памяти. При этом многие историки замечали, что между историей и памятью существует «зона сумрака», которая воспринимается как большая пропасть между обобщенной записью прошлого, которая поддается беспристрастному исследованию и пересказу, и прошлым как частью или фоном жизни отдельного человека [1,5].

Иными словами, память находится в такой же оппозиции к истории, как общественная память к историографии. Естественно, современное историческое мышление выглядит масштабнее, чем несколько десятилетий назад, прежде всего благодаря новым публикациям. В связи с этим роль историка является центральной в большинстве дискуссий, связанных с историческими событиями. Тем не менее, существуют прецеденты, когда в центре внимания публики и насыщения образами общественной памяти оказывается не ученый-историк, политолог или правовед, а человек, совсем далекий от науки. Такой пример можно обнаружить в творчестве Герберта Джорджа Уэллса, пытавшегося внушить доверие публики к институтам международной организации и мирового правительства в первые десятилетия XX века. Возможно, случай Г.Дж. Уэллса, создателя значительных социальных и политических образов, помимо популяризации последних достижений точных и биологических наук, и есть попытка преодоления «зоны сумрака» между обобщенной памятью и памятью отдельного человека? Второй такой же случай – публикация романа «Дети Арбата» А.Рыбакова, изменившего в конце 1980-х представление об эпохе 1930-х годов у целого поколения жителей России. Правда, есть существенные различия между этими двумя эпизодами. После знакомства с текстом романа в России опять появилась «зона сумрака», интерес к истории быстро исчез вместе с хаотичными реформами начала 1990-х. Идеи и образы Г.Дж. Уэллса оста-

вались очень важными и общераспространенными для англоязычного мира в течение 1920-1930-х годов. Например, это нашло отражение в необычайной популярности в то время идей пацифизма и веры в международные механизмы предотвращения войны.

Исторические образы чаще всего конструируются из представлений. **Представления** – это словесное или визуальное оформление образов. В представлениях запечатлены наиболее существенные черты и особенности события, процесса, института. На основе представлений могут возникать **образы/предубеждения**, то есть изображения, не опирающиеся на реальные факты. За ними идут **образы/стереотипы** – упрощенные представления, которые также не основаны на фактах и складываются под сильным влиянием предубеждений. Далее следуют **полные образы** – более или менее целостные представления, основанные на некоторых достоверных фактах и складывающиеся в единое целое. На самом вершине этой иерархии – **идеи/мнения**, развернутые характеристики, опирающиеся на факты, в которых заметно стремление преодолеть влияние предрассудков и предубеждений. Эта иерархия образов дана в работе Н.А. Ерофеева «Гуманный Альбион», а он, в свою очередь, ссылается на французскую исследовательницу С. Марандон [4. С. 8].

Существуют и другие классификации образов. Например, американские исследователи С.К. Мюррэй и Дж.А. Кауден считают, что образы – это некие стереотипы. Например, во взглядах американской политической элиты присутствуют образы врага. Тем не менее, они противопоставляют образы идеологии, с развернутыми взглядами. С.К. Мюррэй и Дж.А. Кауден считают, что образы доминируют в массовом сознании, а идеологией руководствуется в своей деятельности элита [6. Р. 455-456].

Накануне первой мировой войны уже существовали образы международных организаций, подкрепленные действием некоторого числа межправительственных и неправительственных международных организаций. Американский историк Акира Ирайи предложил принимать «количество и функционирование таких организаций в качестве хорошего средства измерения “глобальности” мира в определенные эпохи»[9. Р.9].

В качестве примеров первых межправительственных организаций (МПО) называют Международный телеграфный союз (1865), с 1932 – Международный союз электросвязи, Всеобщий почтовый союз (1875) и Международный санитарный совет (1903). Появление новых международных организаций не случайно совпало с наступлением глобализации в международных отношениях. Многие наблюдатели подчеркивали эти тренды в развитии международных связей в конце XIX – начале XX веков. Глобализация коснулась многих сторон жизни: технологии, экономики, организации управления, интеллектуальной жизни, искусства и даже психологии людей. Эти новые процессы в международных отношениях вызвали соответствующие ответы в контексте создания международных организаций. Появляются международные неправительственные организации (МНО). Их рост был облегчен распространением в мире сетей товаров, капиталов, средств связи и труда в конце XIX века, иными словами, тем же феноменом, известным как экономическая глобализация в конце XX – начале XXI [9. Р.12]. Взаимосвязь между экономическим ростом и развитием МНО объясняют тем, что по мере накопления богатств корпорациям и отдельным людям легче финансировать различные частные инициативы. В некоторых странах, например в США, появились в конце XIX – начале XX века достаточно мощные филантропические организации. Они и брали на себя финансирование первых МНО.

Глобализация как состояние умов (глобальное мышление) всегда становилась ключевой составной частью международных организаций и всегда была связана с развитием капитализма. МНО и капитализм должны были иметь нечто общее с точки зрения идеологии. Сущность либерализма определяется как идеология, особо подчеркивающая права личности, частной инициативы и свободы против власти государства. Либерализм предоставлял идеологическое обоснование как для предприятий торговцев, так и для организаторов международных гуманитарных начинаний. К тому же либерализм в период глобализации конца XIX – начала XX века становился все больше интернациональной идеологией, в отличие от предшествующего периода, когда он развивался больше на почве национальных государств.

Развитие идей либерализма сопутствовало в конце XIX – начале XX века росту институтов гражданского общества. Промышленный капитализм, индустриальное общество, по мнению некоторых исследователей, разрушали традиционную социальную структуру общества и размывали элиту. Например, специализация экономики и усиление ее зависимости от высококвалифицированного и согласованного управления приводили к распылению власти в таких обществах. Появляется больше групп, которые должны сотрудничать и договариваться ради проведения своих решений во власти. Социальная фрагментация и сдвиги, порожденные переходным капитализмом, способствовали развитию нового явления в группах элит: прагматического плюрализма. Общественный интерес заменяется широким спектром конфликтующих частных интересов, которые иногда просто механически объединялись под общей вывеской «общественного интереса» [Фоскоди, 34]. области осознания элитами своих интересов в интернациональной среде и создании международных неправительственных организаций.

Неправительственные организации создавались благодаря возраставшему плюрализму интересов различных групп элит.

Однако это вовсе не означает, что с момента своего появления МНО воспринимались как антагонистические по отношению к государственным институтам. Большинство МНО работали в конце XIX – начале XX века вместе с правительствами. Возможно, наиболее бросающимся в глаза примером такого сотрудничества была деятельность Организации международного Красного креста (1864). В начальный момент своего существования – это скорее МПО, чем МНО. Многие инициативы исходили от правительств, а не от национальных комитетов Красного креста. Например, правительство Швейцарии выступило в 1906 году с инициативой проведения конференции по пересмотру договора 1864 года о создании организации. В первое десятилетие XX века невозможно было провести четкое разграничение между деятельностью аппарата государства и МНО на международной арене.

Аналогичные течения можно заметить в деятельности международных неправительственных организаций в области культуры и интеллектуальных обменов. В конце XIX века образовалось множество организаций, целью которых было организовать между странами обмен учеными, художниками, музыкантами (“epistemic communities” – «эпистемологические сообщества», как их сейчас называют). Однако государство активно участвовало в деятельности этих организаций. Например, при организации первого международного конгресса историков в Амстердаме в 1898 году приглашения рассылались от имени правительства Нидерландов через послов стран в Гааге. Приглашения в странах рассматривали соответствующие министерства образования. Некоторые правительства прямо отбирали ученых для делегирования в Гаагу. Подобные примеры можно

обнаружить в деятельности других организаций до первой мировой войны [9.Р.14].

Тем не менее, активность МНО накануне первой мировой войны добавила новый элемент в международные отношения – прагматический плюрализм.

Первая мировая война внесла существенные коррективы в образы международной организации:

- Новой чертой этих образов становится представление о создании *универсальной организации, способной предотвратить войну*.

- Широкое распространение приобретает образ «мирового правительства».

- По мнению многих, идею мирового правительства возможно реализовать в форме Лиги свободных наций, которая должна принимать решения на основе принципов демократии.

- Существенной чертой образа международной организации становится идея расширения международного арбитража.

- Существование МНО оставило немного следов в формировании образов международной организации в конце XIX – начале XX века. Однако прагматический плюрализм, на основе которого действовали МНО, стал определяющим фактором влияния на идеологию части элиты в области международных отношений.

Библиографический список

1. Young J E.. [Between History and Memory](#). History & Memory, Spring/Summer. 1997. Vol. 9. No 1.
2. Виноградов В.Н. 1914 год: быть войне или не быть? // Новая и новейшая история. 2004. № 6.
3. Давидсон А.Б. Образ Британии в России XIX и XX столетий // Новая и новейшая история. 2005. № 5.

4. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских, 1825-1853. М., 1983.
5. Kenny M.G. A Place for Memory: The Interface between Individual and Collective History // Comparative Studies in Society and History. 1999. Vol. 41, No 3.
6. Murray S.K., Cowden J.A. The Role of “Enemy Images” and Ideology in Elite Belief Systems // International Studies Quarterly. 1999. № 43.
7. Неприкосновенный запас. 2005, №2-3.
8. Туполев Б.М. Происхождение первой мировой войны// Новая и новейшая история. 2004. № 4-5.
9. Iriye A. Global Community: The Role of International Organizations in the Making of the Contemporary World. Los Angeles: University of California Press, 2002.
10. Рубл Б. Стратегия большого города. Прагматический плюрализм в Чикаго «позолоченного века», Москве серебряного века, Осака эпохи Мэйдзи. М., 2004.

© Н.В. Новикова (ЯГПУ)

Образы Великой войны в риторике британских феминисток

4 августа 1914 г. Великобритания вступила в войну, которую уже современники стали называть Великой войной. Это переломное событие не могло не отразиться на положении феминистского движения, которое оказалось в состоянии организационного и идейного кризиса. Главными вопросами для британских феминисток стали отношение к войне и политическое поведение в изменившихся условиях. Суфражистская риторика в этот период основывалась главным образом на двух идеологемах - «справедливая война» и «война – величайший кризис в истории».

Против надвигающейся войны единодушно высказывались практически все женские общественные организации. В то же время возможность вступления *Англии* в ев-

ропейский конфликт их участницам казалась маловероятной. В частности, в суфражистских периодических изданиях почти отсутствуют упоминания об июльском кризисе и начале войны на континенте. Только 31 июля 1914 года «Воутс фо уимен» опубликовала статью, где обсуждались вероятные последствия войны. В условиях интенсивной антигерманской пропаганды и патриотического подъема еженедельник «Воутс фо уимен» оказался единственным среди авторитетных женских изданий, выразившим антивоенные настроения в женском движении. В упомянутой статье примеры начавшейся войны Австро-Венгрии с Сербией и вооруженных столкновений в Ирландии необходимы авторам, чтобы еще раз привлечь внимание к вопросу о необходимости участия женщин в процессе принятия политических решений, в особенности таких серьезных, как вступление государства в войну, ибо «инстинктивно, в силу необходимости и из-за страданий, вызываемых войной, женщины являются естественными охранителями жизни народа и благополучия общества. Вопрос войны, затрагивающий не только их личную жизнь, но и семью, и счастье сообщества, по существу, женский вопрос» [4. Р. 670].

В первые дни войны европейский конфликт в суфражистской пропаганде представлен как «величайший кризис в национальной истории», «Армагеддон», «ужасный неопишутый крах». Феминистские издания постоянно напоминали читателю о неизбежных страданиях, связанных с войной, о возможности гибели цивилизации - тематика, прямо противоположная официальной пропаганде. Суфражистки поставили вопрос об ответственности за начало европейского конфликта, и аргументация феминисток традиционно основывалась на разделении и противопоставлении мужского и женского социального опыта или, если обратиться к оригинальной лексике, «цивилизации и варварства, духовного и материального, матери, которая думает о

будущем счастье ее детей, и грубой, бесчувственной ярости» [5. Р. 680]. Подчеркивалось, что война стала естественным результатом «в человеческом мире, организованном и управляемым исключительно мужчинами, в мире, в котором женщинам дозволено лишь занимать подчиненные и незначительные позиции» [5. Р. 678]. Эта идея буквально пронизывает феминистскую агитацию начального периода войны, и если умеренная и осторожная в высказываниях газета «Коммон Коз» обвиняет в провокации войны дипломатов, финансистов и джингоистскую прессу [6. Р. 377], то радикальная "Сафрэджет", официальный орган Женского социально-политического союза, использует более резкие формулировки. «Созданная руками человека цивилизация, достаточно страшная и жестокая в мирное время, должна быть разрушена, - заявляла в августе 1914 года К. Панкхерст, редактор «Сафрэджет» и главный идеолог Женского союза, - цивилизация, созданная исключительно мужчинами, - это цивилизация, игнорирующая закон природы, игнорирующая закон справедливого правления. Эта великая война... есть наказание Природы - Божье наказание, которое ложится на людей, держащих женщин в подчинении и тем самым разрушивших идеальный человеческий баланс. Мы заболеваем, когда игнорируются законы, управляющие человеческим организмом; подобно этому мы имеем цивилизацию несовершенную, несправедливую, варварскую в лучшем случае, и обреченную на разрушение, когда игнорируется закон справедливого правления - закон, по которому мужчины и женщины сотрудничают в управлении делами» [7. Р. 301].

Итак, женские организации в своей пропаганде по инерции сохраняли активную, наступательную тональность. В то же время очевидно, что движение испытывало серьёзные трудности в связи с кардинальным изменением политической обстановки и общественных настроений.

Лидерам женских суфражистских организаций понадобилось какое-то время, чтобы сформулировать и предложить движению программу действий в новых условиях.

В подавляющем большинстве участницы суфражистских кампаний поддержали правительство и в дальнейшем делали акцент на своей патриотической позиции. Такое решение представляется вполне последовательным шагом. Как для большинства членов Национального союза, так и для сторонников радикального Женского союза патриотическая деятельность, по существу, являлась продолжением, естественным развитием суфражистского движения в новых условиях. Борьба за политическую свободу женщин, по их представлениям, неотделима от демократической, прогрессивной эволюции общества, и Великобритании, страна, в которой либерализм являлся официальной идеологией, шла в авангарде этого прогрессивного движения цивилизации. Столкновение с кайзеровской Германией интерпретировалось как схватка за «спасение принципов морали против грубой силы», война в защиту свободы и независимости не только Великобритании, но и других стран, подвергшихся нападению, борьба с милитаризмом вообще. Адекватность действий правительства не подвергалась сомнению, поскольку суфражистки были убеждены в невозможности урегулирования конфликта, в бессилии дипломатии. Любопытно отметить изменение направленности и тона феминистской риторики в вопросе об ответственности за развязывание войны. В то время как признавалось, что Великобритания или, скорее, «мужчины, которые управляли страной, сделали ошибки в прошлом», вина теперь возлагалась на Германию и Австрию, которые отказались от возможности разрешения спорных вопросов в третейском суде [2. Р. 1,7.]. Таким образом, ведущим в военной риторике патриотически настроенных суфражисток стало понятие «справедливой войны». В упомянутой уже

речи К. Панкхерст бросила прямой вызов убеждениям пацифистов, заявив, что не все войны неоправданны. Например, война английских колоний за независимость или война в Италии за национальное объединение и самоуправление - примеры справедливых войн, войн во имя свободы и истины [2. Р. 12]. Ту же образность и лексику использовало и руководство Национального союза, определяя это понятие: «Если эта война справедливая, то потому, что это война в защиту свободы и общественного права против господства одной могущественной страны, попирающей независимость других. Ни одна истинная суфражистка не может быть безразличной к судьбе любого народа, малого или великого. Национальность - лишь другая и более сложная форма индивидуальности, а для суфражистки индивидуальность бесценна» [8. Р. 564.].

Примечательно, что эти утверждения входили в прямое противоречие с одной из базовых установок феминистской идеологии - отрицанием авторитета и эффективности физической силы как политического средства. Даже при оценке происхождения и характера европейской войны суфражистки продолжали опираться на этот принцип. Кайзеровская, милитаристская Германия «признала в качестве своей национальной религии теорию, согласно которой право находится на стороне сильного, и народы не имеют прав и оправдания существования до тех пор, пока они не обеспечат это с помощью своих вооруженных сил, - утверждала, в частности, К. Панкхерст. Это теория, которая, к моей гордости, никогда не использовалась моей страной. Это теория, против которой мы сейчас сражаемся в этой войне» [2. Р. 3.]. Однако при определенных обстоятельствах суфражистки согласны отойти от этого принципа и использовать аргумент грубой силы для достижения высшей цели. «Когда мы столкнулись со страной, намеревавшейся навязать своё правление другим частям мира посредством

физической силы, и потому напавшей на нас, - продолжала К. Панкхерст - мы... вынуждены выбирать из двух возможностей: либо мы должны сдаться, либо мы должны сражаться" [2. Р. 3]. Той же логики придерживалась и глава Национального союза женских суфражистских обществ М. Фосетт, доказывая возможность и даже необходимость в известных случаях, когда «обращение к моральной силе было бы бесполезно», применение физической силы [9. Р. 175].

Политическая стратегия Женского социально-политического союза в годы первой мировой войны строилась как крестовый поход против «прусской Kultur» и священная война в защиту суфражистских идеалов. Вся организационная сила Женского социально-политического союза и ораторский дар его лидеров обрушились на «пруссачество» - реакционную, враждебную, а значит, порочную систему общественных отношений и государственного правления. Понимая развернувшуюся войну как столкновение морального авторитета справедливости и грубой физической силы, К. Панкхерст объявила Германию «мужской нацией»: «Бисмарк хвалился, что Германия - мужская нация... Страна, где господствуют исключительно мужчины и мужские идеи, есть страна, управляемая неестественно, страна, которая не может идти прямо, страна, обреченная на ложный путь. Чем более сбалансированы мужская и женская точки зрения, тем более здоровой будет нация, более справедливым и мудрым будет народ. Поэтому мы не позволим мужской нации господствовать на земле» [2. Р. 16]. Абсолютизм, милитаризм, стремление к экспансии в военной риторике милитанток отождествлялись со свойствами мужчинам качествами, которым противопоставлялись либерализм и христианская демократия как «женские» характеристики. Соответственно, Германия изображалась как воплощение тирании и агрессии, а Бельгия и

Франция, например, олицетворяли невинность и незащищенность [2. Р. 5,10]. «Всеми идеалами реальной демократии мы обязаны Франции, - писала Э. Панкхерст, - этому “женственному” государству, что и предполагает его слабость”[3. Р. 251]. Конечно, милитантки признавали, что их отечество нельзя назвать примером демократии и равенства в вопросах о политических правах женщин, о чем и упоминала не раз «Сафрэджет» в попытках оправдать непримиримую антиправительственную позицию Женского социально-политического союза до войны [10. Р. 3].

Идеологему «война – величайший кризис» продолжали активно использовать в своей аргументации суфражистки - сторонницы немедленного прекращения военных действий, которые оказались в подавляющем меньшинстве. Они видели существенную связь между пацифизмом и феминизмом, между суфражистским движением и работой по сохранению мира. По их мнению, милитаристская политика и практика подчинения женщин имеют единую природу, а вопрос о соотношении войны и мира тесно сопрягается с вопросом о соотношении физической силы и силы разума в социальных отношениях. В этой связи можно согласиться с предложением Дж. Лиддингтон, которая считает, что термин «пацифизм» не отражает глубины и многогранности представлений феминисток о мире. Взамен она использует термин «антимилитаризм», который, кстати, являлся ключевым в риторике суфражисток периода первой мировой войны [1. Р. 6]. В своей критике войны и физического насилия как средства для решения социальных споров феминистки расходились во мнениях по вопросам о принципиальной допустимости вооруженных конфликтов, о возможности компромиссов в женском движении, расколотом войной, о перспективах антивоенного движения в тех условиях. Общим же для взглядов суфражисток являлось понимание милитаризма с его идеологией и соответствующей

системой социальных отношений как прямой противоположности феминизму, его идеалам и принципам. Более того, милитаризм воспринимался как главная угроза социальной гармонии. Как рассуждает автор одного из эссе, опубликованных в суфражистской газете, «не кажется невероятным тот факт, что идеалы большинства мужчин отличны от идеалов большинства женщин. Эта разница обычно была затушёвана в суфражистской пропаганде: дискуссия зачастую приводила, и вполне справедливо, к тому, что по большинству вопросов нет существенного раскола общества на две половины, когда мужчины желали бы одного, а женщины - другого. Но милитаризм поднимает другие проблемы» [11. Р. 735].

Понимая милитаризм прежде всего как систему отношений, в которых правым оказывается сильнейший, сумевший навязать свою волю другим, суфражистки проводили параллель между домашним насилием и войной. Война же, по их мнению, порабощает женщину, ибо держит её в вечном подчинении и заставляет истощать все свои силы в бесконечном рождении детей, дабы страна могла иметь воинов, необходимых для агрессии или для защиты. Милитаризм, утверждает автор того же эссе, «должен всегда воспроизводить андроцентричное общество, общество, в котором моральное и социальное положение женщин таково, что они являются в значительной степени порабощенной и второстепенной частью сообщества» [11. Р. 736]. Наконец, господство милитаризма объявлялось суфражистками главным препятствием на пути признания женщин полноправными гражданами страны и предоставления им возможности «быть услышанными» в политике.

Ни одно из женских суфражистских обществ Великобритании, заявлявших о своём протесте против европейской войны и неприятии правительственной политики, не сделало пацифистскую деятельность приоритетной. Считая

организацию антивоенного движения в стране невозможной, их лидеры искали другие формы для выражения своей позиции.

Изучение особенностей политического поведения разных суфражистских групп в годы Великой войны показывает, что либеральный феминизм не являлся монолитным идейно-политическим течением. Усложнение социальной организации, исторической обстановки углубляло разногласия среди активистов движения по вопросам теории и практики женского движения.

Первая мировая война привела к складыванию двух направлений в суфражистском движении - патриотического и пацифистского. Фактически таким образом оформился его организационный раскол на сторонниц традиционной либеральной и демократической ориентации. Мировоззрение суфражисток - сторонниц мира имело интернационалистский характер, основанный на убеждении в сходстве интересов, приоритетов и жизненного опыта женщин всего мира. В этой связи они считали важным сохранять и развивать международные контакты с представителями женских организаций других государств и способствовать формированию антивоенного общественного мнения в Англии. Для патриоток, напротив, приоритетными были национальные интересы страны. Разнообразную деятельность в поддержку правительства они рассматривали как естественное продолжение предвоенных суфражистских кампаний. Новая стратегия и тактика опирались на фундаментальные принципы суфражистской идеологии, которые, однако, по-разному интерпретировались лидерами движения. Это проявилось, в частности, и в выборе ими ключевых идеологем для обоснования своей позиции в годы Великой войны.

Библиографический список

1. Liddington J. *The Long Road to Greenham. Feminism and Antimilitarism in Britain Since 1820*. London: Virago, 1989.
2. Pankhurst C. *America and the War*. [London], 1914.
3. Rosen A. *Rise Up, Women! The Militant Campaign of the Women's Social and Political Union. 1903 - 1914*. London and Boston: Routledge & Kegan Paul, 1974.
4. *Votes for Women*, July 31, 1914.
5. *Votes for Women*, August 7, 1914.
6. *The Common Cause*, August 7, 1914.
7. *The Suffragette*, August 7, 1914.
8. *The Common Cause*, November 24, 1914.
9. *The Common Cause*, July 2, 1915.
10. *The Suffragette*, April 16, 1915.
11. *The Common Cause*, February 26, 1915.

© А.Э. Афанасьева (ЯГПУ)

Ориентализм и российский имперский опыт

В последние годы заметно возрос интерес историков, как отечественных, так и зарубежных, к прошлому Российской империи и проживавших на ее территории нерусских народов. Главным стимулом для этого, безусловно, послужил распад Советского Союза в 1991 г., создание национальных государств и сопутствовавшие этому процессы выстраивания взаимоотношений между ними и Россией.

Принимая во внимание, что на Западе изучение имперской истории развивается под сильным влиянием концепции ориентализма, неудивительно, что вопрос о применимости этой концепции для исследования российского

имперского опыта оказался в центре острых дискуссий среди представителей западной русистики.

До конца 1970-х гг. «ориентализм» как термин обозначал востоковедение - академическую дисциплину, предметом изучения которой обычно являлся Ближний или Средний Восток. Семантическое поле понятия «ориентализм» изменилось после публикации в 1978 году работы американского филолога и мыслителя Эдварда Саида «Ориентализм» [1]. В его интерпретации «ориентализм» выступает не в качестве «нейтральной» и «объективной» научной дисциплины (Саид вслед за Фуко отрицал нейтральность любого знания), а как интеллектуальное средство для обеспечения господства Запада над Востоком. По мнению Саида, знание о колониальных народах (ориентальное знание), создававшееся европейскими «специалистами» - путешественниками, антропологами, историками - формировало представление о Востоке как о Другом и низшем по отношению к Западу. Оно обобщало население Востока в единый образ, приписывая им негативные черты, что позволяло Европе, с одной стороны, осмысливать себя через отрицание этих характеристик, с другой стороны, - обосновывать собственное вмешательство во внутренние дела Востока и утверждать свое доминирование на его территориях. Под воздействием критического подхода Саида термин «ориентализм» приобрел отрицательные коннотации идеологического оружия западного империализма.

Работа Саида вызвала острейшую полемику среди ученых, превратившись в одну из самых цитируемых книг в области гуманитарного знания. Ее важнейшие положения, переосмысленные и уточненные в ходе дискуссий, в том числе, и самим Саидом, легли в основу постколониальных исследований, сосредоточенных на критическом анализе производимого европейцами знания о «мире вне Европы». В фокусе внимания при этом находится взаимо-

связь политик репрезентации колониальных субъектов и культур с институтами экономического, административного, судебного и медицинского контроля.

В анализе Саида Запад представлен прежде всего Британией и Францией, и хотя его выводы и были экстраполированы исследователями на отношения Европы со всем неевропейским миром, специфика российской истории заставляет задуматься о возможности применения к ней ориенталистской схемы. В отличие от морских колониальных держав, завоеванная Россией имперская периферия примыкала к ее границам. Для русских, соответственно, граница между “Своим” и “Чужим” не была столь четкой. Евразийская география России и исторические особенности ее взаимоотношений с азиатскими соседями порождали определенную амбивалентность в оценке собственной национальной идентичности.

В отечественной исторической науке проблема российского ориентализма, как и ориентализма вообще - в его классическом саидовском варианте, - фактически не обсуждается: постколониальные исследования находятся на обочине российского исторического знания. Однако то, что является пробелом для отечественного востоковедения и исследований европейских империй, едва ли может считаться упущением со стороны историков-отечественников. Большинство специалистов по российской истории считают различия между Российской империей и западноевропейскими империями слишком существенными, чтобы проводить подобные параллели. Указывая на особенности политического устройства Российской империи, на терпимость к инородцам, присущую российской национальной политике, наконец, на невысокий экономический и культурный уровень русского центра по сравнению, например, с западными окраинами империи, они утверждают, что

«ярлык «колониальной державы» не соответствовал ее сущности» [2. Т.2. С.63].

Другие исследователи, в большей степени открытые западным теориям, напротив, совершенно не сомневаются в колониальном характере отношений России с нерусскими народами, входившими в состав империи. Отталкиваясь не от работ Саида и других теоретиков постколониальных исследований, а от трудов эмпирического характера, они напрямую, без какой-либо рефлексии, переносят выводы авторов, сформулированные на конкретном материале европейской колониальной истории, на российскую почву.

Между тем, вопрос о российском ориентализме далеко не так однозначен, чтобы немедленно отметить его как не имеющий значения для отечественной истории или, напротив, точно копировать западные схемы. Прежде всего, необходимо принимать во внимание культурные и экономические различия между территориями, входившими в состав Российской империи, а также их политическую ценность. Все эти факторы, безусловно, оказывали воздействие на взаимоотношения имперского центра с периферией: нетрудно заметить, что российская политика в Западном крае и Сибири, на Кавказе и в Средней Азии имела свои особенности, причем в последнем из отмеченных регионов она носила несомненно колониальный характер. Столь же заметно варьировалось и отношение к нерусским народам, населяющим окраины империи. Если народы западных территорий (Польша, Финляндия, Прибалтийский край) в культурном плане не уступали русским, то на азиатских окраинах русские вполне определенно ощущали себя носителями высшей цивилизации и культуры. Эти особенности взаимоотношений России с азиатской периферией (прежде всего, со Средней Азией) дают зарубежным исследователям основания сравнивать российский имперский опыт в этом регионе с западным и привлекать для его изучения

ориенталистские построения. С другой стороны, осознание опасности некритичного сведения российской истории к западной схеме побудило ученых к размышлениям о проблеме российского ориентализма, которые легли в основу продолжительных дискуссий на страницах зарубежных академических журналов.

Отправной точкой дискуссии стала статья американского историка Н. Найта, опубликованная в журнале “Славик Ревью” под названием “Григорьев в Оренбурге, 1851-1862: русский ориентализм на службе империи?” [3]. Анализируя опыт известного востоковеда середины XIX в. В.В. Григорьева, назначенного на административный пост в Оренбурге в 1851 г., автор приходит к выводу о том, что в России мнение экспертов-востоковедов далеко не всегда учитывалось властями в процессе принятия решений. Кроме того, по мнению Найта, русские востоковеды в своих работах не стремились «создать когнитивный аппарат для доминирования» [3. С.82, см. также с.92] и были значительно более чутки к различиям между народами Востока, чем их европейские коллеги. Наконец, двойственность позиции самой России в определении собственной идентичности по отношению к Западу и Востоку, как отмечает Найт, ведет к тому, что четкая саидовская дихотомия Запад – Восток в российских условиях превращается в «неуклюжий триптих: Запад – Россия – Восток» [3. С.77]. Все это, заключает автор, делает применение ориенталистской концепции к российскому опыту весьма проблематичным.

Д. Схиммельпенник ван дер Ойе, продолжая дискуссию, так же, как и Найт, подчеркивает амбивалентность российского ориентализма. Он указывает на то, что Россия сама долгое время была (и, возможно, остается) субъектом ориентализации со стороны Запада, а это делает вопрос о ее восприятии Востока еще более интересным. Особенности российской истории и географии породили здесь го-

раздо более фрагментированный ориентализм, чем это было в Европе, что выразилось в широком спектре довольно различных мнений и практик русских в отношении Востока [4].

Находящийся на противоположном полюсе дебатов исследователь А. Халид утверждает, что специфика российского опыта должна рассматриваться не как доказательство неприменимости к России концепции Саида, а как особый случай ориентализма, особенность его проявления на российской почве. Привлекая в качестве доказательства ряд примеров, в том числе карьеру востоковеда Н.П. Остроумова, служившего в Туркестане, Халид указывает на тесную связь знания и власти в российском контексте, поскольку мнение этих экспертов не только было востребовано властью, но и напрямую влияло на политические решения. Кроме того, анализируя представления русских о Востоке, Халид отмечает, что к началу XIX в. Восток в российском интеллектуальном дискурсе превратился в самостоятельную аналитическую категорию, ассоциируемую с деспотизмом, фанатичностью, обманом и жестокостью совершенно так же, как это было у европейцев. Соответственно, русские концептуализировали свои отношения с Востоком так же, как это делали их европейские современники (чему во многом способствовало практически идентичное образование тех и других) [5].

Именно представления российской интеллигенции о Востоке оказались в центре внимания другого исследователя, С. Беккера. В статье «Россия между Востоком и Западом: интеллигенция, национальное русское самосознание и азиатские окраины» [6] он указывает на то, что представления европейцев о Востоке, будучи частью общего фонда западной мысли, разделялись и российской образованной элитой. Даже в концепциях славянофилов Россия и Европа объединялись по принципу доминирования над всем ос-

тальным современным миром – «миром не-белых, не-арийцев, кочевников и охотников, народов, никогда не имевших истории». Еще более последовательно идеи превосходства России над Востоком развивали «западники», четко отделявшие Азию от России. Обращаясь к значительному кругу работ, Беккер демонстрирует широкую популярность в России идеи цивилизаторской миссии: мысль о «высоком назначении» России, призванной «извлечь народы азиатские из мрака невежества и онемения», разделялась столь разными авторами, как Н.Г. Чернышевский, М. И. Венюков или И. Н. Березин.

Болгарский историк, давно работающий в США, М. Тодорова помещает дискуссию о российском ориентализме в более широкий контекст, считая предметом этой полемики «вечный вопрос российской истории: насколько уникальна Россия?» [7. С.717]. Попытка Халида и других исследователей [8, 9, 10] обосновать универалистский подход к российскому прошлому представляет собой вызов традиционному взгляду на уникальность российской истории и может быть весьма плодотворной для сравнительного междисциплинарного анализа. В то же время такой подход грозит опасностью редукции российской специфики к «варианту отклонения» от европейской «нормы». Тодорова обращает внимание на политическое измерение дебатов об уникальности или универсальности российской истории. Указывая на дискуссии в немецкой историографии об «особом немецком пути», она подчеркивает, что немецкая уникальность обсуждалась с XIX в. до тех пор, пока место Германии в Европе не было четко определено. Как только Германия была встроена в общеевропейские структуры, немецкая история стала рассматриваться не как отклонение, а как вариант европейской истории, с акцентом на общих чертах развития. По мнению Тодоровой, то же самое происходит и с российской историей: до тех пор, пока ме-

сто России в Европе остается неопределенным, эта методологическая дилемма будет актуальной.

Таким образом, вопрос об ориентализме в России оказывается связанным не только с общим вопросом об определении характера империи в России, с оценкой процесса ее модернизации, но и с проблемой рефлексии историков над собственной методологией и ее идеологической обусловленностью.

Библиографический список

1. Said E. Orientalism. New York, 1978.
2. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. В 2-х т. СПб., 1999.
3. Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851-1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? //Slavic Review. 2000. Spring. Vol.59. №1. P.74-100.
4. Схиммельпенник ван дер Ойе. Ориентализм – дело тонкое //Ab Imperio. 2002. №.1. Электронная версия.
5. Khalid A. Russian History and the Debate over Orientalism. //Kritika. 2000. Vol. 1. №.4. P.691-699.
6. Беккер С. Россия между Востоком и Западом: интеллигенция, национальное русское самосознание и азиатские окраины // Ab Imperio. 2002. №.1. Электронная версия.
7. Todorova M. Does Russian Orientalism Have a Russian Soul? //Kritika. 2000. Vol. 1. №.4. P.717-727.
8. Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700 – 1917 / Ed. by D.R. Brower and E.J. Lazzarini. Bloomington, 1997.
9. Layton S. The Creation of an Imaginative Caucasian Geography // Slavic Review. 1986. Fall. Vol.45. №3. P. 470-485.
10. Dowler W. Classroom and Empire: The Politics of Schooling Russia's Eastern Nationalities, 1860-1917. Toronto, 2001.

© **Н.А. Миронова (ЯГТУ)**

Образ «старого» интеллигента на страницах большевистских газет в первые годы советской власти (1919-1925)

Образ интеллигента сложился еще в конце XIX века; в первые годы советской власти он приобрел множество отрицательных черт. Чуть позже Ильф и Петров воплотили их в интеллигенте Лоханкине – бездельнике, беспомощном тунядце, лжеце и грубияне, днями напролет размышляющем о роли интеллигенции в русской революции.

Прежде, в XIX веке, быть интеллигентом значило скорее вести определенный стиль жизни [1. С. 55, 117]. Интеллигенты общаются с себе подобными, читают “хорошие” книжки, даже “штудируют” их, посещают лекции, ведут разговоры “с направлением”, рассуждают на общественные и моральные темы. В начале XX века понятие “интеллигенция” употреблялось часто для характеристики “отчужденных” интеллектуалов, находящихся в оппозиции режиму.

В советское время интеллигенция заняла видное место в новом коллективном портрете врагов пролетариата. Чтобы проследить, каким был образ «старого» интеллигента, рассмотрим, во-первых, обвинения, которые большевики предъявляли интеллигенции, во-вторых, как интеллигенция была охарактеризована на страницах газет «Правда», «Известия», «Северный рабочий» и др.

Во многих газетах в течение всего послеоктябрьского десятилетия можно встретить обвинения интеллигенции в саботаже в первые месяцы Советской власти. Большевики писали: “Неисчислим вред, который эта ужасная забастовка принесла стране и народу. Позорным пятном должна лечь эта забастовка на историю интеллигенции, которого не смыть никакими водами адвокатского или журналистского красноречия”[2.С.6]. Обвинение было вполне спра-

ведливым. Отрицательное отношение к захвату большевиками государственной власти и установлению ими своей диктатуры вылилось в борьбу интеллигенции против большевиков во многих сферах общественной деятельности. Союз инженеров, Союз служащих государственных учреждений, Академический союз, Союз деятелей искусств, Совет депутатов трудовой интеллигенции, Петроградский учительский союз, Пироговское общество врачей и некоторые другие организации [3.С.15] заняли наиболее непримиримую позицию. Техническая интеллигенция и служащие государственного аппарата также оказали сопротивление большевикам[4], журналисты предприняли активные попытки дискредитации новой власти. Троцкий в своих статьях говорил о том, что вся внеоктябрьская литература представляет собой саботаж художников [5]. Зиновьев постоянно обвинял интеллигенцию в измене, в отказе поддерживать советскую власть, в излишнем консерватизме. “Что русская интеллигенция и Октябрьская революция в течение некоторого времени жили на разных половинах – это секрет полишинеля. То время, когда интеллигент был синонимом слова “революционер”, прошло, увы, давным-давно”[6]. Зиновьев говорил о том, что именно Ленин признал отказ интеллигенции работать с властью как саботаж, и потому необходимо быть очень осторожными в отношениях с интеллигенцией. Основная характеристика интеллигенции, которая следует из обвинения ее в саботаже, – это ее ненадежность и предательская сущность.

Интеллигенция постоянно обвинялась в религиозности. Интересно, что в пропаганде соединялись таким образом два направления: антиинтеллигентское и антирелигиозное. Более всего авторы статей были возмущены религиозностью преподавателей высшей школы: это становится еще одной негативной характеристикой профессуры. “Профессора собирают деньги на благолепие церкви, и с

удовлетворением вздыхала казанская интеллигенция, отнюдь не смено-веховского толка, что наука наша идет рука об руку с верою: как же, ведь никто другой... профессора...”[7].

Нельзя назвать необоснованными обвинения интеллигенции в распространении контрреволюционных идей: вне всякого сомнения, через художественные произведения интеллигенция могла оказать сильное воздействие на массовое сознание, значительно затрудняя распространение вульгарного марксизма и классового подхода. Литературная и художественная деятельность большей части интеллигенции, таким образом, попадала под определение “вылазки мелкой буржуазии”. Например, говоря об оживлении меньшевизма, большевик Я.Яковлев замечает, что выступление “является очень характерным для посленэповского периода. Оживление мелкой буржуазии видоизменилось», говорит автор статьи [8].

Интеллигенция, особенно преподавательский состав вузов, обвинялась в том, что была на протяжении долгих лет “губителем юношества”, пресекая распространение марксизма, революционных идей. Одной из иллюстраций такого вредительства является статья в газете “Северный рабочий” от 24 сентября 1922 г., появившаяся в тот момент, когда в стране широкий резонанс получило известие о высылке видных представителей интеллигенции [9]. Автор рисует красочную картину “вредительства” профессор: “Поступал туда [в университеты] юноша с самыми искренними и честными стремлениями к истине, знанию, добру и красоте... И увы – он не находил в университете того, о чем мечтал. Вместо научного знания его голову забивали мертвыми, не имеющего ничего общего с жизнью теориями... Это было кладбище юности, там в этих стенах храма истины и знания – она навсегда хоронила свои лучшие

мечты и идеалы, там отравляли его мозг и сердце тлетворным ядом буржуазной психологии»...

И вывод, сделанный автором, весьма любопытен. «Нет, изгнание учителей, оказавшихся дурными учителями, не понявших знамения времен, способных лишь в прямом и настоящем только отравлять нашу молодежь ядом буржуазной психологии, задерживать ее на уровне последних веков, задерживавших тем самым ход нашей жизни, - это благодеяние для всех нас и для будущих поколений» [9].

Несмотря на то, что в XIX века понятия “интеллигенция” и “мещанство” были прямо противоположны, в советское время интеллигенцию постоянно стремились приравнять к понятию “обыватели”. Их сходство, по мнению большевистских теоретиков, заключалось в их консерватизме, желании противостоять потоку пролетарской культуры и культурной революции в частности.

«Теперь интеллигент живет этой мелкой сплетней. Прямо поражаешься порой: ну как им не стыдно... Неужели это они не понимают, неужели они так тупы, неужели это – сброд безнадежных пошляков? По-видимому, да, как это не прискорбно»[10]. Бухарин изображает интеллигента как сплетника и тупицу. Недоверие, скептицизм по отношению к интеллигенции звучит в следующих словах: “Действительно, лучшие люди из старого лагеря переходят к нам. Но разве много среди всероссийской интеллигентской обывательщины “лучших”?”[10].

Одно из важнейших обвинений в адрес интеллигенции заключалось в том, что большевики говорили о ее реальной и идейной связи с белогвардейцами, с контрреволюционными деятелями, находящимися в эмиграции, с капиталистами. Для того, чтобы в полной мере воздействовать на читателя, в прессе появлялись воззвания к интеллигенции. В одной из статей «Правды» [11] обсуждается

письмо белого офицера А.А.Жукова, опубликованное в 1919 г. [12], в котором интеллигенция обвиняется в предательстве офицерства. Автор статьи, большевик Минин, повторяет тезис о необходимости осторожности по отношению к интеллигенции.

Неверие во власть, скептицизм, выраженный в литературных произведениях, был крайне опасен для пропаганды ленинизма, а потому интеллигенция резко критиковалась за недоверие к власти. Очередной раз отметим, что обвинение не было вымышленным. В статьях “Правды” высмеивались отдельные личности: Бруцкус [13], Ключников [14], Л.Андреев [15], А.Ахматова [16] и др., большевики иронизировали над пессимизмом «стариков».

Интеллигенция обвинялась в стремлении сохранить монополию на знания. Учителя, преподаватели вузов не только препятствовали распространению большевистских идей, а, кроме того, недостаточно передавали их молодому поколению, не хотели делиться им с пролетарским студенчеством. Некоторые исследователи считают, что сотрудничество с властью, тем более направленное против профессуры, не отвечало студенческим традициям [17.С.823-825]. Основанием для этого обвинения был профессорский лозунг автономного университета, автономного не только от государственного, но и от всякого общественного контроля [18. С.57].

Преподаватели высшей школы мешали успешному распространению большевистских идей. “В университетах и различных ученых комиссиях сидят “светочи науки”, которые продолжают борьбу с рабоче-крестьянской властью”, и необходима решительная борьба со “светочами науки” [19].

“Человек в футляре” - вот характеристика дореволюционного педагога, аллюзия на известный рассказ А.П.Чехова. «Футлярность» заключалась в том, что, буду-

чи людьми образованными, понимая недостатки царского режима, старая интеллигенция все-таки работала ему в угоду, насаждая среди детей рабскую покорность и батрацкую идеологию. Профессора боялись, “как бы чего не вышло”, подобно тому, как боялся всякого самовыражения Беликов, герой чеховского рассказа.

Рассмотрим теперь, каким пропаганда изображала «типичного» интеллигента.

Аполитичность, отсутствие интереса к политической жизни было одной из черт «старого» интеллигента. Во многих статьях [20] с иронией описывается Питирим Сорокин, критикуется его безразличие к власти. Питирим Сорокин вообще был символом интеллигентской неблагонадежности, аполитичности, скрытого вредительства [21]. В смешном виде выставляется Андрей Белый, его размышления о кризисе культуры, которые, по мнению автора статьи, являются «интеллигентским нытьем». “Беспартийных быть не может, середины быть не должно, а средину сейчас занимает интеллигенция в большинстве своем, или к коммунистам, или к белогвардейцам”, - заявляет большевик С.Борисов [22.С.88].

Гордость, осознание собственной значимости, понимание интеллигенцией того обстоятельства, что она является незаменимой, очень раздражало большевистских идеологов. “Интеллигентский гонор” - вот как характеризовалось отстаивание собственной позиции, нежелание сотрудничать с властью [23].

Несколько лет спустя слово “интеллигентский” стало синонимом слов “бесполезный”, “бесплодный”, “пустой”. В начале 20-х акцентировалось внимание на том, что интеллигенция не помогает не только делу революции, но и обычным людям, например, не участвует в кампании помгола [24].

Одно из излюбленных обвинений интеллигенции – обвинение ее в трусости, в том, что она испугалась революции, к которой сама стремилась, но которую в силу различных обстоятельства не возглавила. “Во славу революции пели многие, - заявляет Радек. - Но все это был лепет интеллигентов, мечтающих о революции, но это не был голос революции. Ибо испугалась ее интеллигенция и не увидела, что разрушение очищает путь для созидания” [25]. По мнению большевиков, интеллигенция настолько боялась реальности, что с головой ушла в мистицизм, в религию, богоискательство. Все это занятия очень глупые, пустые, безрезультатные. Например, критикуется «интеллигентско-мистическое» мировоззрение М.Гершензона [26], его книги и т.д., высмеивается «мистицизм» Белого, Блока, Мережковского и др.

Любопытным представляется обвинение интеллигенции в безнравственности. Например, большевик И.Степанов так рисует облик «среднего профессора»: «Зависть, подсиживание, чванство, пустое важничество, табель ремесленных рангов, мелкие интриги, мелкая борьба, опять зависть, страх конкуренции, страх быть обойденным, мечтания об удаче, которая принесет доходный патент, мечтания о создании учебника, который вытеснит всех конкурентов, опять скрытая зависть, опять гложащие маленькие тревоги”[27]. Интеллигент по своей буржуазной сущности порочен и никогда не изменится, а потому с ним нужно бороться, делает вывод автор.

Предательская сущность, подлость буржуазного интеллигента постоянно проявляется во всей их деятельности. Например, при избрании одного профессора на должность выяснилось, что он “в патриотических целях искоренения крамолы в российском государстве...писал на своих коллег доносы, избличал их в вольнодумстве и вредном образе мыслей”[28].

Пораженческие настроения, пустые размышления, “гамлетические шатания” - еще одна характеристика интеллигенции. Интеллигенцию обвиняют в нерешительности: «как девушка в черном из произведения Л.Андреева, “архиинтеллигентского писателя”, она мечется и страстно желает перекинуть между двумя враждебными социальными силами мостик соглашения, страстно ищет средний путь». Она сочувствует народу, но “приросла к буржуазной культуре, к достижениям буржуазного гения”[29].

Таким образом, идеология и практика марксизма при всей ориентации учения на выработку и распространение “научного мировоззрения” были запрограммированы на формирование антиинтеллигентских настроений. Печать сыграла важнейшую роль в формировании стереотипа восприятия интеллигента. Его отрицательный образ усугублял проблему отношений между большевиками и интеллигенцией.

Библиографический список

1. Боборыкин П.Д. На ущербе // Собрание романов, повестей и рассказов П.Д. Боборыкина. СПб, 1897. Т.5.
2. Макар. Беззубый скрежет // 2 года революции. Ярославль, 1919.
3. Фортунатов В. Общественные организации Петрограда-Ленинграда, 1917-1928 // Российская интеллигенция: страницы истории. СПб., 1991.
4. ГАРФ. Ф. 5548. Оп.1 Д. 2. Л.1.
5. Троцкий Л. Внеоктябрьская литература // Правда 1922 года. 3 октября.
6. Зиновьев Г. Интеллигенция и революция // Правда 1923 года. 25 ноября.
7. Кареев С. Портреты казанской профессуры // Правда 1922 года. 10 августа.

8. Яковлев Я. Меньшевизм в пролеткультовской одежде // Правда 1923 года. 4 января.
9. Виленский С. Злодеяние или благодеяние // Северный рабочий 1922 года. 24 сентября.
10. Бухарин. Рыцари духа // Правда 1919 года. 22 августа.
11. Минин. Писатель И.Наживин // Правда 1919. 9 октября.
12. Неделимая Россия 1919 года. №31.
13. Сосновский Л. О свободной личности и о прочем // Правда 1922 года. 15 марта.
14. Бергман Г. Диктатура пролетариата, нэп, интеллигенция // Правда 1922 года. 9 июля.
15. Мещеряков Н. Роман Л.Андреева «Записки сатаны» // Правда 1922 года. 2 апреля.
16. Современные писатели и революционный народ // Правда 1922 года. 27 августа.
17. McClelland J.C. Bolshevik Approaches to Higher Education, 1917-1921 // Slavic Review. 1971. XXXV. №4. P. 823-825.
18. Марков А. Что значит быть студентом. М., 2005.
19. Н.П. Светочи науки // Правда 1922 года. 1 сентября.
20. Правда 1922 года. 16 марта.
21. Там же. 18 марта.
22. Борисов С. Что такое коммунисты и большевики? // Пошехонско-Володарский сборник 1917-1919.
23. Мещеряков Н. О пыли на шляпах // Правда 1920 года. 7 августа.
24. Семашко Н. Интеллигенция и голод // Правда 1922 года. 26 января.
25. Радек К. Наш поэт. Правда 1921 года. 24 мая.
26. Канатчиков. Мысли о партийно-воспитательной работе // Правда 1922 года. 16 августа.
27. Степанов И. Что такое спец и как его делают // Правда 1922 года. 28 октября.

28. Зорич А. Четыре царя, святая женщина и ученый профессор Головин // Правда 1924 года. 10 апреля.
29. Окунев Я. Бестактные речи. Правда 1922 года. 25 июля.

© М.В. Александрова (ЯГПУ)

Образ «города будущего» в градостроительной политике Ярославля в 20–е гг. XX века

Широкомасштабный эксперимент по строительству нового общества, предпринятый в нашей стране после революции 1917 г., продолжает привлекать внимание историков. Ценным источником по исследованию социальных и культурных процессов, происходивших в первые годы советской власти, служат градостроительная теория и практика. Образ «города будущего», проявившийся в градостроительстве 20-х гг., помогает понять, каким представлялся «новый мир» на заре советской эпохи.

Необходимо отметить, что советская градостроительная политика 20-х гг. в настоящее время изучена недостаточно. Немногочисленные исследования посвящены в основном теоретическим разработкам архитекторов, оставляя в тени реализацию новых идей на практике. Мы предприняли попытку проследить связь градостроительной политики с социальными и идеологическими тенденциями в советском обществе и показать реализацию образа «города будущего» на примере Ярославля.

К началу XX века кризис городской среды стал очевидным. Перенаселение городов, хаотичность застройки, ухудшение экологической обстановки, нарушение санитарно-гигиенических норм, резкое неравенство в условиях жизни разных слоев городского населения вызывали раздражение урбанизированного общества, повышая социальную нестабильность. Ведущие архитекторы и социологи Европы приступили к разработке проектов «города буду-

щего», в котором могли бы быть решены эти и многие другие проблемы.

Российские специалисты участвовали в этом движении, пытаясь перенести западные идеи на русскую почву, разрабатывая свои проекты. Революция 1917 г. обеспечила необходимые социальные и идеологические предпосылки для кардинального переустройства городского пространства. Обсуждение проблемы «города будущего» в первые годы советской власти привлекало внимание специалистов и широкой общественности. В печати постоянно появлялись смелые проекты архитекторов и футуристические повести с яркими описаниями городских пейзажей. Результатом долгих поисков и бурной полемики стала получившая известность во всем мире и занявшая свое место в ряду градостроительных идей XX века концепция «социалистического города», которая, однако, так и не была полностью воплощена за все годы существования социализма в нашей стране.

Одним из ярких примеров реализации образа «города будущего» стал Ярославль. Во многом причиной этому послужило значительное разрушение города в ходе трагических событий июля 1918 г. Реконструкция Ярославля предполагала «высокую социально-политическую цель: создание первого современного образцового социалистического города с коммунистическим обоснованием всей жизни обитателей и всего городского хозяйства» [1].

Образ «города будущего» рождался в бурных спорах. Очевидным с самого начала было только одно: новый, социалистический город должен кардинально отличаться от старого «капиталистического». В своем стремлении разрушить старый мир до основания вся творческая мысль первых послереволюционных лет во многом была построена на контрасте «нового» со «старым». В градостроительных идеях это проявилось особенно ярко. Щедро используя

антитезы, архитекторы противопоставляли рациональное устройство будущих городов бессистемной застройке городов прошлого, равенство - иерархии пространства, свободу творческой личности - мещанству и косности, функционализм и простоту – архитектурным излишествами.

Генплан Ярославля 1924 г. воплотил многие из этих идей. Одним из основных положений плана стало функциональное зонирование территории. Предусматривалось пять равных по своему значению зон: административно-деловая, фабрично-заводская, больничная, жилая и транспортная [2]. Согласно генплану, существующие промышленные предприятия выносились за пределы жилой застройки. Основные больницы предполагалось сконцентрировать в отдельном районе (на территории бывшего Загородного сада). Железнодорожные линии планировалось развивать, не затрагивая районы жилой застройки (центральный вокзал планировался на станции Всполье (совр. Ярославль-Главный), грузовой – на станции Филино), грузовой порт и порт для нефтеналивных судов также выносились на окраины города (в устье Урочи и южнее Дядькова). По сравнению с дореволюционным Ярославлем, где строительство определялось в основном целями отдельных заказчиков и наличием свободного места [3], функциональное зонирование территории обеспечивало рациональное и спланированное устройство города, предоставляя всем процессам городской жизни оптимальные условия.

Деление города на равнозначные участки, каждый из которых выполнял в городском организме свою функцию, способствовало также решению еще одной важной задачи - преодолению иерархии пространства. Другой мерой, направленной на ликвидацию неравномерного развития городских территорий, стало снижение символического значения центра как элитного района в восприятии ярославцев.

В начале XX века в крупных городах России окончательно оформилась тенденция к «оседанию» наиболее обеспеченных слоев населения в центральных жилых районах с развитой инфраструктурой и формированию рабочих окраин с низким уровнем жизненных условий. Ликвидация такого неравенства стала одним из главных направлений градостроительной политики советской власти. Первым мероприятием на этом пути стало перераспределение городского жилья. 30 июля 1919 г. Ярославский губисполком создал комиссию по выселению буржуазии из занимаемых ею помещений и водворению на ее место рабочих. Решения этой комиссии порой отличались завидной изобретательностью с некоторым оттенком мстительности. Так, например, комиссия постановила переселить семейство Вахрамеева в помещение, в котором жили рабочие принадлежавшей ему фабрики, а рабочих соответственно вселить в квартиру Вахрамеева. Невзирая на протесты и жалобы Вахрамеевых, решение комиссии было исполнено [4]. Стоит отметить, что «авторитет» центра несколько упал и в результате разрушений 1918 г., когда значительная его часть превратилась в пепелище.

Ликвидация иерархии пространства осуществлялась не только за счет увеличения доступности центра города, но и за счет улучшения жизненных условий в других районах. Не случайно первые жилые дома, школа, детский сад, механизированная прачечная появились в 20-е гг. не в центральном, а в Краснопереконском районе [5].

Еще одним шагом, нацеленным на создание принципиально новых, равных условий городской жизни, стала разработка идеи «города-сада». Автором этой популярной в начале XX века идеи был английский архитектор Эбенезер Говард, программа которого провозглашала «мирный путь к реальным реформам» за счет проектирования городских комплексов как системы озелененных территорий с

малоэтажной застройкой [6]. Необходимо сразу оговориться, что в России эта идея была популярна и до революции, однако в русской трактовке она чаще предполагала строительство поселков и районов-садов, нежели целых городов, и не учитывала главного в системе Говарда – социально-экономических перспектив и особого характера землепользования. Тем не менее, в советских градостроительных проектах начала двадцатых годов термин «город-сад» использовался очень часто, и генплан 1924 г. предполагал развитие «Нового Ярославля» именно как «города-сада» [7]. Жилые районы города в соответствии с этой концепцией проектировались как самостоятельные кварталы двухэтажных домов, окруженных садами и парками, с созданием системы бытового и культурного обслуживания в каждом районе. Первым воплощением идеи «города-сада» в Ярославле можно считать Бутусовский поселок, построенный в 1927-1929 гг. Другими примерами развития этой концепции в Ярославле стали поселок Резинокомбината, построенный в 1929-1934 гг., а также проекты поселка комбината «Красный Перекоп», поселка-сада Дядьково, кварталы индивидуальной застройки Твериц, реализованные лишь частично.

Наряду с ликвидацией иерархии пространства неотъемлемым атрибутом образа «города будущего» была ликвидация иерархии среди самих горожан и создание равных условий жизни для всех. В социалистическом городе предполагалось обеспечить свободный доступ каждого человека ко всем коммунальным и культурным благам, максимально разгрузить горожан, особенно женщин, от бытовых забот, освободив время для общественной деятельности, направив все усилия на воспитание коллективизма. Однако пути и средства реализации этих задач предлагались разные.

С этой проблемой была связана дискуссия о соцрасселении, участие в которой приняли ведущие архитекторы и экономисты страны. Радикальную позицию в дискуссии заняли урбанисты, выступающие за города-коммуны с коллективными, по типу казармы, домами и максимально обобществленным бытом. Их оппонентами стали дезурбанисты, провозглашавшие ликвидацию городов и равномерное расселение граждан по всей территории в одноместных мобильных домах-кабинах. Между этими двумя полюсами существовал также спектр более умеренных концепций.

Не увлекаясь крайностями спора, в Ярославле уловили главное: жилье должно быть стандартизировано, быт – обобществлен. Именно эти тезисы стали генеральной линией в концепции «соцгорода на переходном к социализму этапе». Более радикальные проекты осуждались в постановлении ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта», принятом 16 мая 1930 г., как «крайне необоснованные, полужантаснические, а потому чрезвычайно вредные» [8].

Ярославской версией концепции «соцгорода» стал уже упоминавшийся жилой комплекс Резинокомбината, построенный в 1929 – 1934 гг. на проспекте Шмидта (ныне – проспект Ленина). Поселок из 14-ти однотипных жилых домов наделялся развитой социальной инфраструктурой: магазинами, детскими садами, детским комбинатом, пионерскими лагерями, школой на 1500 учащихся, больницами, фабрикой-кухней, банно-прачечным комбинатом. Планировка жилых корпусов была коридорной, с маленькими комнатами по обе стороны длинного прохода, большой общей кухней и без ванных комнат, предполагая максимальное использование жильцами служб обобществленного быта. Культурные запросы рабочих Резинокомбината призван был обеспечить клуб «Гигант» со звуковым кино-театром, читальней и комнатами отдыха.

Архитектурное решение кварталов «нового быта» соответствовало торжеству идеологии всеобщего равенства и рационализма над мещанскими ценностями прошлых эпох. На смену неоклассицизму и модерну в конце двадцатых годов пришел конструктивизм – «пролетарский стиль», характеризующийся простотой архитектурного оформления зданий, отказом от всяких декоративных украшений, функциональной оправданностью и рациональностью планировки. Наиболее выразительными примерами конструктивизма в Ярославле являются здания клуба «Гигант» и фабрики-кухни на проспекте Ленина.

Предпринятые в Ярославле меры демонстрировали внедрение образа «города будущего» в жизнь советского общества, однако вместе со сменой социально-экономической и политической ситуации в стране менялось и видение социалистического города. Уже с начала тридцатых годов в советской действительности начинают преобладать иные тенденции – стабильность, создание новой иерархии, приоритет производства над бытом и создание жестких рамок для творчества. Под влиянием этих тенденций в градостроительной политике повышается внимание к четкой объемно-пространственной структуре города и, в первую очередь, его центра. Вопросы функционального зонирования города и организации систем обслуживания были отодвинуты на второй план. В генплане Ярославля 1936 г. основное значение придавалось центру города [9], где сосредоточивались основные административные и культурные учреждения, разбивались площади и строились помпезные дома в «сталинском» стиле.

Библиографический список

1. ГАЯО. Ф. 1526. О.1. Д. 13. Л. 97 об.
2. Маров В.Ф. Первый генплан города // Северный рабочий. 1985. 19 июня.

3. Островская О. И. Застройка города Ярославля в период развития капитализма во второй половине XIX – начале XX века // Культурный ландшафт и архитектурная среда городов Верхневолжья. Ярославль: Ремдер, 2004. С. 33 – 40.
4. ГАЯО. Ф.180. О.1. Д.390. Л.447.
5. Маров В.Ф. Первые советские новостройки // Северный рабочий. 1985. 3 июля.
6. Ближанкова М. Советское жилищное строительство в годы эксперимента: 1918 – 1933 годы // Жилище в России: век XX. М.: Три квадрата, 2001. С. 56.
7. Хазанова В.Э. Советская архитектура первых лет Октября. М., 1970. С. 96
8. Правда. 1930. № 146. 29 мая.
9. Бобович А.Р. Градостроительство советского Ярославля // Памятники архитектуры и искусства Ярославской области. 1987. С. 35.

© А. М. Ермаков (ЯГПУ)

Конструирование женских образов в Союзе немецких девушек

Одним из признаков тоталитарного государства является обязательная для всех, единая идеология, монополия на выработку которой принадлежит монолитной массовой партии, а точнее – ее харизматическому вождю и, если иметь в виду национал-социалистическую Германию, узкой группе лиц из близкого окружения вождя. В Третьем рейхе помимо Гитлера главными творцами идеологии выступали уполномоченный НСДАП по мировоззренческому обучению Альфред Розенберг и министр народного просвещения и пропаганды Йозеф Геббельс. Но тотальная идеология нацизма и созданные им пропагандистские образы не могли отвечать интересам всех без исключения

групп немецкого общества, в связи с чем возникали различные, порой довольно свободные толкования считавшихся аксиоматическими высказываний Гитлера. Одним из подтверждений тому является отсутствие в нацистском государстве общепризнанного образа немецкой женщины. Неудовлетворенность отведенной ей ролью только домохозяйки и матери порой вызывала бурную реакцию даже в рядах абсолютно лояльной Национал-социалистической женской организации, а более динамичный Союз немецких девушек (БДМ), реагируя на потребности женской молодежи, конструировал собственный образ девочки, девушки, женщины в Третьем рейхе.

БДМ был девичьей частью молодежной организации в нацистской Германии - Гитлерюгенда (ГЮ). Союз немецких девушек имел два, а с 1938 г. – три структурных подразделения: Союз юных девушек (ЮМ) для девочек 10-14 лет, Союз девушек (МБ) для девушек 14-17(18) лет, а с 1938 г. – дочернюю организацию «Вера и красота» для девушек 17-21 года.

Первая национал-социалистическая организация для девушек действовала в составе Молодежного союза НСДАП с марта по ноябрь 1923 г. и была распущена после провала «пивного путча» и запрета гитлеровской партии. В 1925 г. была основана организация Великогерманская молодежь, переименованная в 1926 г. в Гитлеровскую молодежь – Гитлерюгенд. Ее девичьи подразделения назывались сестринствами (*Schwesternschaften*), а с 3 июля 1930 г. – Союзом немецких девушек. БДМ разделялся на имперское управление, области, гау, округа, местные группы и ячейки (*Scharen*). Подчинение Союза Гитлерюгенду касалось только общегерманского уровня, областей и гау. Имперский фюрер молодежи Бальдур фон Ширах (1931-1940) назначал референта по работе с девушками в имперском молодежном управлении (РЮФ), девушки-референты ра-

ботали также на уровне областей и гау. По указанию Гитлера от 7 июля 1932 г. все конкурирующие девичьи группы внутри нацистского движения были включены в состав БДМ [9. S. 57].

Национал-социалисты рассматривали пребывание детей и молодежи в ГЮ как важнейшее средство социализации подрастающего поколения. Именно здесь молодые немцы и немки должны были собирать свой первый жизненный опыт. Взаимосвязанными формами воспитательной работы – «службы» - в ГЮ являлись физическая закалка, мировоззренческое обучение, культурная работа, социальная и благотворительная деятельность, пребывание в лагерях и поездки. В юношеской и девичьей частях организации акценты делались на разных формах службы в соответствии с представлениями нацистов о гендерных ролях мужчины и женщины.

Сконструированный в БДМ образ немецкой девочки, девушки, женщины включал представления о *внутреннем мире* (убеждениях, идеалах, жизненной позиции, ценностях) «соотечественниц» и связанный с этими представлениями *внешний облик* (манеру вести себя, одеваться и двигаться).

Образ *внутреннего мира* определялся разработанной в имперском молодежном руководстве концепцией равноценности полов. Причины ее появления следует искать в неудовлетворенности многих девушек и самих лидеров девичьего движения тем незначительным местом, которое нацистская идеология отводила женскому полу в государстве, экономике, обществе. В 1933-1934 гг. в БДМ сформировался образ «сражающейся девушки», которая вмешивается, как и юноши, в текущие политические споры, принимает участие в маршах и демонстрациях, то есть, по мнению нацистов, ведет себя отнюдь не по-женски. Во многих публицистических и художественных произведениях тех

лет, предназначенных для женской молодежи, девушки изображались как уверенные в себе, политически активные личности, борющиеся за торжество «правильной» идеологии. Интересно, что героиня одной из таких книг в уличных столкновениях обратила в бегство 11 «москвитов» - молодых немецких коммунистов. Именно этот образ «сражающейся» или «дерущейся» девушки долгое время вызывал упреки в адрес БДМ в «маскулинизации» женской молодежи [4. S. 72-73].

Концепция равноценности полов базировалась на нацистской идеологии и ее интерпретациях и не имела ничего общего с требованиями эмансипации женщин. Основной идеологических конструкций руководства БДМ было высказывание Гитлера о том, что «аналогично воспитанию мальчиков народническое государство может руководить воспитанием девочек с тех же точек зрения. И там главный вес возлагается на физическое обучение, и лишь затем – на воспитание моральных и, в последнюю очередь, духовных ценностей. Цель женского воспитания – быть будущей матерью» [8. S. 458-459].

Это высказывание нацистского вождя содержало два аспекта: ориентацию на роль матери и аналогию с воспитанием мальчиков. В БДМ понимали, что девочек и девушек 10-18 лет совершенно не интересуют брак, семья и материнство и при интерпретации воззрений фюрера делали акцент на аналогию с воспитанием мальчиков, что предполагало допущение для девушек собственной фазы юности. Это выгодно отличало нацистскую девичью организацию от буржуазного идеала воспитания, который такой фазы не предусматривал, и от молодежных объединений Веймарской республики, которые за редкими исключениями не допускали в свои ряды девушек. Требование Гитлера ориентировать девушек на материнство беспрепятственно принималось как главная задача, но не считалась

первоочередной. Согласно концепции равноценности полов, девушки должны были идти навстречу «своему грядущему предназначению как матери новых поколений» правильным путем, через «рост и созревание» по окончании фазы юности. Ширах выступил против тех, «кто пришел под маской воспитателя и говорит о предназначении женщины звучным голосом». «Каждый юноша хочет стать мужчиной, а каждая девушка - матерью, но сначала девушка находится в БДМ, а юноша - в ГЮ, и оба живут своей собственной молодой жизнью, чудесным отрезком, который, как и детство, является замкнутым и целостным», - писал он в 1934 г. [15; S. 98-99].

В это же время имперский референт БДМ Лидия Готчевски (1932-1934) на страницах журнала «Deutsches Volkstum» выступила «против одного заблуждения. Неверно стремиться постоянно и длительно воспитывать девушку для «материнства», для большинства это действительно не нужно. Они такие же живые, как и вы. Вы тоже стали бы отбиваться руками и ногами от включения в уклад жизни, который будет для вас обязательным только через пять или десять лет» [11. S. 130].

Определяющее влияние на формирование образа женщины в БДМ оказывал глава нацистской молодежной организации Ширах, представления которого об образе девушки и женщины существенно отличались от примитивных идеалов тех лидеров НСДАП, которые в первые годы нацистской диктатуры хотели накрепко привязать женщину только к семье и детям. Имперский фюрер молодежи выступил против сведения роли женщины только к домоводству и материнству. В ходе учебного курса руководительниц гау в ноябре 1933 г. он поставил перед слушательницами вопрос о том, позволяет ли положение Германии исключить женщин из общественной жизни и объявить их собственностью мужчины. «Это было бы равнозначно то-

му, - ответил он сам, - если бы мы заявили, что все государство и все учреждения общественной жизни являются мужскими учреждениями, а у женщин нет никакой доли в этом государстве... Но мы, национал-социалисты, убеждены, что в действительности государство суть организованный народ, а не организованный мужчина. Народ, все, из чего он состоит, что живет, дети, старики, женщины и мужчины – это есть государство!» [6. S. 1]

По мнению Шираха, флирт убивает товарищество и воодушевление, именно поэтому необходимо разделить юношескую и девичью организации: «Смешанный союз – абсурд. Шестнадцатилетние юноши и девушки в одной организации не сотворят ничего хорошего. Невзирая на то, что шестнадцатилетняя девушка уже может стать женщиной, шестнадцатилетний юноша - еще мальчик». Под товариществом Ширах понимал не такое общение, «когда люди вращаются друг возле друга», а добивался от юношей и девушек «товарищества на основании общности идей, делового товарищества... Отношениям между ГЮ и БДМ нужно взаимное уважение. Гитлерюнге должен уважать девушку БДМ или пусть проваливает ко всем чертям. Если мы не добьемся этого, то как мы сможем быть будущим?». Он был убежден в том, что «поколению, которое однажды пожелает участвовать в строительстве немецкого будущего, нужны героические женщины. Слабосильным «дамам» и таким существам, которые пренебрегают своим телом и лентяят, нет места в будущей жизни. БДМ должен формировать гордых и благородных женщин, которые, осознавая свою высочайшую ценность, стремятся общаться с равными себе» [15. S. 95, 96, 97].

Значительную роль в формировании пропагандистских образов играла имперский референт БДМ. Она подчинялась только имперскому фюреру молодежи и была уполномочена отдавать приказы, обязательные для всех

нижестоящих начальниц, производить назначения, продвижение по службе и увольнения руководительниц, применять дисциплинарные меры воздействия. Имперский референт Труде Бюркнер (1934-1937) 6 сентября 1934 г. провозгласила в газете «Völkischer Beobachter» новый «тип девушки», отличавшийся как от «дерущейся девушки», так и от всякой «преувеличенной» женственности: «Нашему народу нужно поколение девушек, здоровое телом и духом, отличающееся уверенностью в достижении цели, гордо и уверенно идущее своим путем, надежное, сдержанное в повседневной жизни, свободное от всего сентиментального и кутежного. Демонстрируя суровую женственность, оно будет товарищем мужчине, потому что видит в нем не какого-то идола, а спутника! Потом такие девушки обязательно передадут следующим поколениям мировоззрение национал-социализма как духовную позицию нашего народа» [10. S. 58].

Бюркнер заходила настолько далеко, что утверждала, будто девушкам подобает в нацистском государстве такое же внимание, как и юношам: «Если исходить из того, что путем воспитания юноши формируется личность и что путем воспитания девушки определяется облик семьи завтрашнего дня, то очевидна необходимость, даже требование равноценного и интенсивного воспитания девушек нашего народа национал-социалистическим Движением и тем самым – государством» [5. S. 5].

Выступая в Берлинском университете 16 февраля 1937 г., она подчеркнула, что нацистское государство ставит «тотальные воспитательные требования» перед юношами и перед девушками. По ее словам, «имперское руководство молодежью постоянно не только признает, но и прямо-таки подчеркивает равноценность юношей и девушек во всех вопросах воспитания». Бюркнер по-своему интерпретировала слова Шираха о том, что БДМ должен вос-

питывать из девушек «сильных и храбрых женщин». Сегодня, заявила она, юные девушки в Германии отнюдь не удовлетворены «известными К - дети, кухня, подвал, одежда», которые так часто считаются особыми доменами женщины. Мужчина и женщина в Германии считаются равноценными: женщина должна помогать мужчине как лучший товарищ, «заинтересованный в политических нуждах нации». Ни одна женщина с ограниченным горизонтом не будет в состоянии показать своим детям такой пример, который описывают словами «мужественная жизненная позиция» [12. S. 253].

Немецкие исследователи выявили три образа участницы Союза немецких девушек, которые соответствовали возрастному делению организации.

- Юнгмедель была обязана «учиться, играя, поступать собственным я и включаться в сообщество». Она должна была отличаться от сверстниц, которые не состоят в организации: «Петь и смеяться, радоваться и забывать обо всем, рисковать и желать, идти против ветра и крепко держать руку товарки – это могут многие. Но вырваться из озорства момента, видеть границы в самой веселой игре и считаться с ними, держать себя в руках и отличаться самодисциплиной – вот поведение юнгмедель».

- Участница МБ в возрасте 14-17(18) лет должна была «стоять в сообществе немецкой молодежи», уже не «играя», а «сознательно и активно», представлять здоровое и сознательное поколение, «без привередливости и ложной сентиментальности, но со всеми добродетелями, которые есть в настоящей женщине».

- Наконец, перед девушкой 17-21 года, состоявшей в «Вере и красоте», ставились следующие требования: «1. быть настолько физически развитой, чтобы выполнять свои обязанности, и в том числе и впредь заниматься физическими упражнениями; 2. знать об обязанностях здорового

человека по отношению к сильному народу и быть готовой выполнять эти обязанности на практике благодаря гигиене и здоровому образу жизни; 3. занимаясь культурными задачами, добиться хорошего стиля личной жизни (которое также ведет к формированию вкуса относительно одежды, дома и т.д.); 4. участвуя в работе кружков, обогащать и формировать свою личность в соответствии со своими склонностями, одаренностью и своими особыми интересами» [3. S. 102, 106, 109].

Пропаганда БДМ поставляла немецким девочкам и девушкам и противоположные образы, зачастую близкие буржуазным идеалам: «интеллектуальный синий чулок», «дочери высших слоев», «феминистки... с беспокойными пальцами», «молодые дамы с «личной жизнью»», «куколки», «избалованные дети», «политизированные дамочки», «светские дамочки», «Sport-Girl». Впрочем, для Союза немецких девушек был неприемлем и скучен также идеал домохозяйки и матери, распропагандированный Национал-социалистической женской организацией. Для образов чуждой, враждебной женщины и девушки постоянно подыскивались новые и новые метафоры. Так, в 1940 г. обергауфюрерин Лотта Беккер обнаружила в Веймарской республике «ужасающие типы» «коммунистической шлюхи» и «христианской девственницы» [3. S. 107].

Идеальный *внешний облик* участницы БДМ нашел отражение в изобразительной пропаганде, речах руководства ГЮ и БДМ, а также в текстах приказов и распоряжений. Динамичные, решительные, уверенные жесты участниц БДМ, изображенных на плакатах, говорят о том, что Союз немецких девушек - прорыв нового молодежного движения, организация современных немецких девушек. Композиция плакатов утверждает идентичность БДМ и всей немецкой молодежи, а перспектива движений на многих рисунках и фотоснимках создает реалистичное впечат-

ление молодой силы. От этих образов женской молодежи существенно отличаются образы юнгмедель на вербовочных плакатах БДМ, растиражированных после принятия в декабре 1936 г. закона о ГЮ. Здесь формируется стереотип прелестной и миловидной девочки, которая преданно смотрит на адресата и внутренне связана со знаменем Гитлерюгенда. С 1937 г. на плакатах все чаще можно видеть не тело, а лицо и голову на фоне открытого горизонта или коллектива сверстниц. Динамика уступает место статичным портретам, эстетика которых ассоциируется с политикой и мировоззрением. Воинственные, ловкие и верные фюреру девушки оснащаются «арийским» профилем и нордическими элементами красоты: «свежим» лицом, открытым, серьезным взглядом вдаль или в небо, а значит, в будущее [12. S. 271-272].

Самыми известными образами женственности в нацистской Германии были запечатленные на фотоснимках участницы подразделения БДМ «Вера и красота». Бросается в глаза контраст декоративной красоты девушек 17-21 года с энергичностью и политизированностью образов спортивных, устремленных в будущее и преданных фюреру девочек и девушек 10-17 лет. Пропаганда «Веры и красоты» показывает адресату пропорционально сложенных девушек, которые грациозно двигаются на занятиях физической культурой (чаще всего - ритмической гимнастикой или гимнастическим танцем) или спортом. Здесь молодая женщина предстает как носитель заботливо культивируемой «естественной» красоты. Эти плакаты пропагандируют именно ту «буржуазную красоту», которую в то же самое время в БДМ считали ненужной, а потому – непривлекательной. В «Вере и красоте» действовали иначе, понимая, что именно подобные образы привлекут девушек из буржуазной среды и верхушки интеллигенции.

Созданные в БДМ образы нашли отражение в языковых клише пропагандистских речей и печатных изданий БДМ, а также в некоторых официальных документах. В них шла речь не только о внутреннем мире, убеждениях и помыслах, но и о внешнем виде участниц нацистской девичьей организации. Еще до прихода национал-социалистов к власти идентификация участниц БДМ с «мужским боевым сообществом» выражалась в ношении одежды коричневого цвета. Это вызвало недовольство штурмовиков, считавших, что им принадлежит монополия на коричневый цвет. В октябре 1930 г. в газете ГЮ «Sturmjugend» было опубликовано распоряжение руководства БДМ о том, что «ни одна участница наших девичьих групп не может носить нашу коричневую рубашку и применять коричневый цвет для блузы». Форменной одеждой были признаны синяя или черная плиссированная юбка, белая безрукавная блуза с воротником а-ля Шиллер и значком ГЮ, галстук и черный берет [9. S. 31].

В начале апреля 1932 г. участники заседания руководства ГЮ в Брауншвейге задались целью «найти костюм, который по возможности учитывал бы все пожелания, который, следовательно, подходил бы женской сущности и оказывал бы воздействие на молодежь, который соответствует немецкому стилю, к тому же подчеркивает сообщество нашего Союза и нашу принадлежность к ГЮ, практичен в поездке и при исполнении народных танцев или хоровой декламации и т.д., хорошо смотрится и, наконец, приобретение которого по карману нашим девушкам». В качестве материала для униформы был избран лен, из которого шили «элегантную ровную блузу с короткими рукавами, небольшим остроконечным вырезом и белым, скромным воротником с закругленными углами». В холодное время года девушки должны были носить короткие куртки с длинными рукавами и коваными металлическими пуговицами.

Участницы БДМ продемонстрировали собравшимся «симпатичные и изящные» образцы коричневой униформы. Имперский референт БДМ Элизабет фон Грайф-Вальден (май – декабрь 1932), предвидя протесты штурмовиков, писала, что «эти коричневые одеяния с белыми воротничками и широкой юбкой не являются уподоблением коричневой рубашке штурмовика. Мы как раз хотели бы избежать уподобления любой мужской одежде. Это только видимое выражение духовной зависимости мужчины от женщины» [12. S. 292-293].

Споры об одежде участниц Союза немецких девушек продолжились и после прихода нацистов к власти. В июне 1934 г. имперская служба молодежной прессы распространила информацию об отношении БДМ к немецкому национальному костюму и моде. В частности, РЮФ выступило против ношения национальной одежды в городах, поскольку она вышла из моды, и одобрило появление девушек в национальных костюмах в тех местностях Германии, где это еще было принято, - в Шварцвальде, Гессене и Баварии: *«Немецкой женщиной не станешь, если оденешь национальный костюм, разработанный нынешними модельерами, - говорится в документе. – Убеждения не наденешь вместе с одеждой. Там, где больше нет национальных костюмов, нужно от этого отказаться.* Мы, девушки БДМ, будем решительно противодействовать таким уродливым проявлениям типа «назад к природе». Наши одежды просты и скромны, из хорошей ткани. Нам доставляет радость хорошо одеваться. Мы избегаем появления на концерте или в театре в простом женском платье, потому что одежда подобного рода не соответствует нашей сущности как городских девушек. *И в вечернем платье мы остаемся девушками БДМ! Одежда ничего не меняет в настоящих убеждениях.* Но, пожалуй, длинные свободные платья во

время танца создают праздничное настроение для отдыха» [12. S. 293-294].

Важной составляющей внешнего образа девушки были представления РЮФ о движениях участниц БДМ. Так, хождение строем рассматривалось руководителями нацистской молодежи не только как средство приучения к дисциплине, но и как выражение нового и современного движения, присущего женщине. БДМ отважился выступить против представлений о том, что маршировка – неженское дело. «Многие наши свидетельницы и сегодня могут подробно рассказать о мускульных усилиях и поте во время утомительных маршировок, мозолях на ногах и дрожащих коленях», - утверждает известный немецкий историк и публицист Г. Кнопф. Он приводит примеры того, что маршировки вызывали у девушек чувство протеста и желание уклониться от них всеми правдами и неправдами. Хождение строем продолжало практиковаться и в присутствии Гитлера. Хана Беер-Паге вспоминает о прибытии фюрера на одно из массовых мероприятий: «Вначале мы долго маршировали туда-сюда. Затем надо было в течение получаса держать руку вытянутой в приветствии. Слева и справа в каждом ряду были люди, которые постоянно ходили до середины шеренги и обратно. Они следили, чтобы мы достаточно высоко держали руки. Если у кого-то слабела рука, то они били по ней» [1. С. 85, 86, 89].

«Если несколько человек образуют единство, то должен быть определенный порядок, иначе коллектив невозможен. Маршировка – выражение общности... Мы маршируем, чтобы в строю добиться нашей цели, потому что мы больше не можем бегать беспорядочными толпами по тротуарам, с тех пор как у нас в группах есть не только по 20, а по несколько сотен девушек. То, что кажется в оформлении этого порядка судорожным и некрасивым, - это первоначальные явления, которые исчезнут, когда прохожде-

ние в строю станет обычным делом», - говорилось по этому поводу в «Ежегоднике БДМ» за 1935 г. Одновременно имперское молодежное руководство стремилось избежать упреков в маскулинизации девушек и заявляло, что хождение строем не есть уродливое копирование мужского образца, а лишь способ поведения, «более достойный, нежели хождение гуськом за учительницей». Пожалуй, главным аргументом БДМ в пользу построения было то, что «семье завтрашнего дня нужны женщины, которые естественным образом включаются в большое сообщество. И это сообщество в той же мере требует дисциплины и порядка от нас, как и от юноши и мужчины» [2. S. 257-258].

Руководительницы Союза немецких девушек все же были вынуждены считаться с мнением противников маршировки. «Руководительница не отдает ни команд, ни приказов, а ведет своих девушек или юнгмедель. Для этого ей не нужно перенимать командную речь у юношей. Сегодня мы нашли в этой области совершенно ясную форму», - говорилось в спортивном издании БДМ «Mädel im Dienst» за 1940 г. Хотя в журнале утверждалось, что девушки не должны маршировать, на поверку оказывалось, что в лексиконе руководительниц отсутствуют только команды «смирно» и «кругом», которые на практике заменялись командами «внимание» и «дважды налево (дважды направо)». В БДМ были официально признаны и строго регламентированы построение в шеренгу и колонну, повороты в строю, хождение в ногу. В указаниях для начальствующего состава БДМ требовалось, чтобы при прохождении маршевым порядком по улицам девушки шли «организованно, прямо, не разговаривая» и, по возможности, пели. Именно на примере регламентации пения видно, что отличия от прохождения строем солдат, штурмовиков, мужской Службы труда или Гитлерюгенда существовали только в терминологии БДМ, но не на деле: «Девушки должны за-

помнить, что первые запевают, что между каждой строфой выполняются два двойных шага и что ударение всегда должно приходиться на левую ногу». Приведем еще одно указание: «На перекрестках важно, чтобы группа поворачивала или переходила улицу согласно правилам. Повороты выполняются без военных «захождений плечом», идут по небольшой дуге» [12. S. 295-297].

Совершенно иные требования выдвигались к «воспитанию прекрасного движения», которое проводилось в БДМ с 1936 г. на основе «гимнастики Медау». Генрих Медау утверждал, что «ритм - это первобытные органические движения, которые мы забыли и которые следует пробудить». Он был сторонником согласования музыки с движениями тела, *«чтобы возникла форма, чтобы одна фигура свободно сменяла другую и каждый шаг, взмах и бросок, каждый прыжок был прекрасным»*. Эта гимнастика была очень популярна, а гимнастические движения, исполняемые группой девушек, оказывали необычайно привлекательное воздействие. Журнал БДМ «Das Deutsche Mädel» так изображал подобные сцены: «Перед нами предстает пестрая череда сменяющихся движений: расслабление членов, распрямление, построение в длинные ряды, прыжки и повороты. К этому добавляются мелодии и звуки, совпадающие с ритмом тел, касающиеся любого изменения и двигающиеся с каждым взмахом рук». Представленное здесь плавное, «гармоничное движение» противопоставлялось маршировке с ее жестким «раз, два, левой». Девушка должна была испытывать радость от танца, игры с мячом и другими гимнастическими снарядами, когда «напрягается каждый мускул, каждый нерв в едином ритме, как пробужденная к жизни материя». Результатом гимнастических упражнений должны были стать не только телесное и душевное здоровье, «здоровая грация», «умение свободно двигаться», но и «ясный, прямой и открытый» взгляд на мир,

что отождествлялось с нацистским мировоззрением, а главное – появление «радостного, жизнеутверждающего и красивого поколения девушек, которое будет преследовать поставленную перед ним цель: *быть женщинами и матерями национал-социалистической Германии, которых уважают за их жизнь и созидание*» [7. S. 4-5].

В речи имперского фюрера молодежи Бальдура фон Шираха, произнесенной 19 января 1938 г. по поводу основания подразделения БДМ «Вера и красота», отвергалось разделение на внутреннюю и внешнюю красоту как наследие средневековых католических представлений «о грешном плохом теле и благородной, хорошей и прекрасной душе». Национал-социалистическое мировоззрение, которое воспитывает БДМ, проповедует «триединство тела, души и духа», причем «стремление к внешнему и внутреннему совершенствованию, *стремление к красоте не имеет ничего общего с роскошью и внешней изящностью*, его не добиться благодаря туго набитому кошельку. Каждый действительно здоровый немецкий человек несет в себе это стремление к красоте. Оно живет в каждой молодой работнице, в каждой девушке, все равно, в городе или в деревне», - утверждал имперский фюрер молодежи [12. S. 79-80].

Свои представления о прекрасном «Вера и красота» пыталась сохранить и в годы Второй мировой войны. В 1942 г. в Сопоте (гау Данциг) Союзом немецких девушек был устроен показ модной одежды, о котором рассказано в одной из статей «Ежегодника БДМ»: «Звучит легкая музыка: девушки заведения БДМ «Вера и красота» пробегают в своих белых гимнастических блузах сквозь ряды зрителей на подиум, установленный на свободном месте, и начинают свою гимнастику с обручами, мячами и булавами, показывают нам радостные салки. Все дышит радостью и молодостью, здоровьем и естественной свежестью. Весело раз-

веаются пестрые вымпелы на мачтах подиума, светится песок... Ни один из зрителей не может не поддаться радостному настроению и великолепной картине. Под звуки легкой музыки Моцарта по подиуму проходит первая девушка, она ступает упруго, поворачивается, отбегает на несколько шагов назад и радостно размахивает небольшим жакетом на обратном пути... Одна прекрасная картина сменяет другую» [14. S. 156-157].

Сконструированный в БДМ образ грациозной девушки оказался непригодным для использования женской молодежи в военной экономике. Поэтому в статье Лиз Нёлленбург воспевается выросшее за последние годы «готовое к действию и волевое поколение молодых женщин и девушек, которое сразу после начала войны постаралось реализовать себя на непривычных рабочих местах, когда это стало необходимым». В полном соответствии с оправданиями нацистского правительства по поводу усиления роли в экономике женского труда Нёлленбург утверждала, что «для чисто мужской работы еще достаточно мужчин» и «женщина применяется только для таких целей, для которых ее силы достаточны, а ее качества - подходят». Как пример такой отрасли автор привела самолетостроение, работа в котором требует «главным образом, терпения, ловкости и добросовестности... По оценкам специалистов, женщина для такой работы годится едва ли не лучше мужчины, хотя такие понятия, как токарный станок, сверлильно-расточный станок, монтаж и т.д. делают эту теорию невероятной... Но женщина остается женщиной, а труд на фабрике не наносит ущерба ее естественному жизненному предназначению» [13. S. 4-5].

Таким образом, невозможность нацистского режима сконструировать общепризнанный образ женщины привела к возникновению в БДМ собственного женского идеала. По мере изменения политической и социально-экономической

ситуации в Германии этот идеал претерпевал эволюцию. Сражающаяся, борющаяся за правое дело девушка, соратница юноши и мужчины, превратилась в марширующую, дисциплинированную участницу государственной молодежной организации, верную фюреру и его идеологии. Однако упреки творцов нацистской идеологии и пропаганды, недовольство церкви и верующих, а также малая привлекательность подобного образа привели к некоторому возрождению буржуазного идеала женственности и красоты, прежде подвергавшегося резкой критике руководства ГЮ и БДМ. Наконец, использование во время Второй мировой войны труда сотен тысяч немецких девушек в народном хозяйстве вернуло к жизни образ волевой и готовой к любой работе молодой женщины. Так как изменения совершались только в дозволенных рамках интерпретации гитлеровского мировоззрения, то неизменными составляющими образа немецкой девочки, девушки, женщины оставались верность фюреру и его идеологии, ориентация на будущую роль многодетной матери и домохозяйки, тесно связанной с «народным сообществом». Неизменным внешним атрибутом такого образа оставался «арийский тип» девушки и женщины.

Библиографический список

1. *Кнопф Г.* «Дети» Гитлера. М., 2004.
2. BDM marschier // Wir Deutschen Mädels. Jahrbuch des BDM. 1935. S. 257-258.
3. *Becker L.* Der Bund Deutscher Mädels // Benze R., Grafer G. Erziehungsmächte und Erziehungshoheit im Großdeutschen Reich als gestaltende Kräfte im Leben des Deutschen. Leipzig, 1940. S. 102-109.
4. *Böltken A.* Führerinnen im «Führerstaat»: Gertrud Scholtz-Klink, Trude Mohr, Jutta Rüdiger und Inge Viermetz. Pfaffenweiler, 1995.

5. *Bürkner T.* Der Bund Deutscher Mädel in der Hitler-Jugend. Berlin, 1937.
6. Das Deutsche Mädel. 1933. 15. Dezember.
7. Das Deutsche Mädel. 1938. März.
8. *Hitler A.* Mein Kampf. 620. Auflage. München, 1942.
9. *Jürgens B.* Zur Geschichte des BDM (Bund deutscher Mädel) von 1923 bis 1939. Frankfurt am Main, 1994.
10. *Klaus M.* Mädchen in der Hitler-Jugend. Die Erziehung zur deutschen Frau. Köln, 1980.
11. *Klaus M.* Mädchenerziehung zur Zeit der faschistischen Herrschaft in Deutschland. Der Bund Deutscher Mädel. Frankfurt am Main, 1983. Bd. 1.
12. *Miller-Kipp G.* (Hg.). [«Auch Du gehörst dem Führer». Die Geschichte des Bundes Deutscher Mädel \(BDM\) in Quellen und Dokumenten.](#) Weinheim, München, 2001.
13. *Nöllenburg L.* Zwischen Stahl und Maschinen // Das Deutsche Mädel. 1940. April. S. 4-5.
14. *Paun K.* Die kommende Mode // Wir schaffen. Jahrbuch des BDM. 1942. S. 156-157.
15. *Schirach B.* Die Hitler-Jugend. Idee und Gestalt. Berlin, 1934.

© А.А. Хортов (ЯГПУ)

Образ сербов и югославской армии в западных СМИ в период косовского кризиса

Практически перед каждой крупномасштабной военной информацией в американских средствах массовой информации появляется образ врага для ее идеологической поддержки.

Не является исключением и война, развязанная США и НАТО против Югославии весной-летом 1999 г. Создав из сербов образ врага, а из С. Милошевича – современного Гитлера, СМИ активно и постоянно обеспечивали

эту версию новыми инсинуациями. Их деятельность затруднялась тем, что в общественном мнении возникала альтернативная версия под влиянием информации о страданиях мирных сербов и албанцев, о многочисленных жертвах натовских бомбардировок. Официозные СМИ называли это «побочным ущербом» [1], указывая одновременно, что «демократический Запад, его гуманистические инстинкты коробит варварская жестокость православных сербов» [2].

Информационно-психологическая подготовка к вооружённому вмешательству НАТО в Косово началась в 1998 г. В западных СМИ было инициировано поэтапное нагнетание антисербской истерии и муссирование темы «этнических чисток» в Косово. Результатом регулярной демонстрации на телеэкранах, страницах газет и журналов «сербских зверств» и «страданий албанского народа» стало то, что уже к концу 1998 - началу 1999 гг. общественное мнение Запада было в основном подготовлено к силовому варианту урегулирования косовской проблемы. Опросы общественного мнения, проведённые накануне войны в странах НАТО, показали, что воздушные удары по Югославии готовы поддержать 55-70% населения этих государств [3].

С началом проведения военных действий против Югославии нарастание антисербских настроений усилилось, несмотря на то, что в стране не осталось корреспондентов стран НАТО и США. Жуткие истории о расстрелянных и сожжённых заживо в собственных домах косоварах передавались со слов самих же албанцев, одновременно транслировались выступления госсекретаря США М. Олбрайт, регулярно использовавшей метод навешивания ярлыков, сравнивая события в Косово с истреблением фашистами евреев в годы Второй мировой войны.

Одним из наиболее ярких примеров дезинформации в американских СМИ с целью усиления представления о «зверствах сербов» явились репортажи о «расстреле мирных албанцев в окрестностях села Рачак», основу для которых составил снятый якобы одним из фермеров на любительскую камеру сюжет. Но ни албанцы, ни эксперты не могли объяснить, почему в овраге, где, согласно заверениям западных СМИ, сербская полиция расстреляла 45 гражданских лиц, не было обнаружено следов крови, а на одежде убитых - следов от пуль. Данные факты свидетельствовали о том, что тела были привезены в овраг из других мест, а об их принадлежности к боевикам ОАК говорили следы пороха на руках. Уже после боя убитых переодели в гражданскую одежду. 18 января 2001 г. газета «Берлинер цайтунг» опубликовала материал о том, что сообщения о якобы совершённой сербами 15 января 1999 г. расправе над албанцами в косовской деревне Рачак не находят подтверждения в заключении финских судебно-медицинских экспертов. С данным документом удалось ознакомиться журналистам «Берлинер цайтунг». В докладе отсутствуют доказательства того, что в упомянутой деревне сербские силы безопасности убили 45 мирных жителей. Несмотря на экспертизу международной комиссии, признавшей фальсификацию, многие средства массовой информации по-прежнему утверждали, будто сербы «учинили бойню в селе Рачак».

В Германии министр обороны Рудолф Шарпинг также выдавал недостоверные факты, тиражируемые в СМИ. 28 марта 1999 г. он заявил по поводу косовских событий о геноциде в отношении албанцев, а 29 марта - о существующих в Косово концлагерях для албанцев. Шарпинг настаивал на признании огромного количества жертв «сербского террора» среди мирного албанского населения. 27 апреля 1999 г. глава германского военного ведомства не

только публично живописал ужасы «резни», якобы учинённой сербами в Косово, но даже демонстрировал фотографии. Следует отметить, что натовские сухопутные силы вступили в Косово только в июне 1999 г., а в апреле войска НАТО бомбили Югославию.

В течение нескольких недель тиражировались сообщения о том, что сербская полиция расстреляла всех учителей одной из школ на глазах их учеников. Затем сообщалось о том, что в районе Приштины сербы устроили концлагеря, в которых «творятся злодеяния» против албанцев. Позже данные мифы были развенчаны, но опровержения появлялись мимолётно, поэтому образ сербов как «плохих парней» не пошатнулся.

Только в течение первых двух недель операции в Косово Си-эн-эн подготовила более 30 статей, которые были размещены в Интернете. В среднем в каждой статье не менее 9 раз проходили слова «беженцы», «этнические чистки», «массовые убийства», виновниками которых назывались сербы. Один из аналитиков этой же уважаемой компании заявил о будто бы имевшем место факте использования 700 албанских детей для создания банка крови, предназначенного сербским солдатам. Данная дезинформация, естественно, произвела шоковое впечатление на общественное мнение Запада [4].

Среди множества «ошибок» «сверхточного оружия» одной из самых трагичных стало попадание ракеты, выпущенной самолётом НАТО по колонне беженцев-албанцев, в результате которой погибло 70 человек. Хотя впоследствии НАТО и признал свою вину, некоторые СМИ успели представить эту гибель косоваров как нападение «озверевших сербов». В газете «Коммерсантъ» от 17 апреля 1999 г. приводится пример циничной фальсификации - на Западе фразы беженцев из Косово переводили «мы бежим от эт-

нических чисток», в то время как истинный перевод гласил: «мы бежим от бомбежек».

Основными каналами распространения подобной информации являлись такие издания, как влиятельная американская газета «Вашингтон пост», теле- и радиокomпания Си-эн-эн, английские журналы «Таймс» и «Экономист», компания Би-би-си и немецкая газета «Ди Вельт».

Приводимые в средствах массовой информации данные о потерях при дальнейшем расследовании оказывались значительно преувеличенными. Министерство обороны США заявляло уже не о 100 тыс. албанцев, убитых сербами в ходе этнических чисток, а о 10 тыс.; в косовских горах скрывалось вовсе не 600 тыс. «бездомных голодающих албанцев, которые боялись вернуться в свои селения» или вовсе зарытых сербами в братских могилах.

Важнейшим инструментом информационной войны против СРЮ стала пресс-служба НАТО в Брюсселе во главе с представителем Британии Джемми Шеа. После начала боевых действий штат пресс-службы блока, ранее состоявший всего из шести сотрудников, был резко увеличен. Под руководством направленного в Брюссель пресс-секретаря британского правительства Кемпбелла при ней был срочно сформирован так называемый «военный кабинет» - специальный координационный орган в составе 40 специалистов по связям с общественностью и СМИ (12 представителей Британии, восемь - США, остальные - от ФРГ, Франции и других стран блока).

Задачами данной структуры были анализ сообщений западных, югославских и международных СМИ о ситуации на Балканах; выработка рекомендаций для руководства альянса по определению общей стратегии в отношении освещения в этих средствах хода военных операций; подготовка информационных материалов для пресс-

конференций, брифингов и пресс-релизов штаб-квартиры НАТО [5].

Таким образом, с помощью средств массовой информации было подготовлено и осуществлено одно из самых тяжких преступлений XX в., а истинно пострадавшая сторона – сербы – оказались в образе врага и главного виновника происшедшего.

Библиографический список

1. Американские СМИ против Югославии // www.pravoslavie.ru/analit/americansmi.htm
2. Цит. газеты «New York Times» апреля 1999 г. по Киевская О. Сербия-2000: свержение Милошевича // www.anti-orange-ua.com.ru/index.php/content/view/1249/44/.
3. Сегодня – пятая годовщина атаки НАТО на Югославию // www.newsprom.ru/print.shtml?lot_id=108014465216616.
4. Андреев А., Давыдовыч С. Об информационном противоборстве в ходе вооружённого конфликта в Косово // www.psyfactor.org/warkosovo.htm.
5. Подберёзкин А.И., Стреляев С.П., Ястребов Я.И. Средства массовой информации в развитых демократиях: свободы и несвободы. М., 2004.

© С.А. Бабуркин (ЯГПУ)

Образ путинской России в докладах директора ЦРУ

Среди факторов, под влиянием которых формируется образ России в США, немаловажное значение имеют оценки американской разведки и, в частности, несекретные доклады директора центральной разведки сенатскому комитету по разведке об угрозах безопасности США. Они представляются ежегодно в феврале и содержат анализ процессов и событий предыдущего года, а также прогнозы на предстоящий год.

Характерная черта этих документов – обращение к оценкам предыдущего доклада как точке отсчета и, как правило, косвенное, но иногда и прямое стремление показать развитие отмеченных тенденций. Это создает ощущение динамики и позволяет проследить эволюцию представлений о России, разделяемых и формируемых американской разведкой.

Структура докладов построена в соответствии с классификацией угроз национальной безопасности США, которые выделяет американская разведка. Россия неизменно фигурирует в двух разделах доклада, посвященных транснациональным угрозам и региональным проблемам, точнее странам, способным создать проблемы для безопасности США.

Среди постоянных тем, которые привлекали внимание руководителя американской разведки в первые годы XXI века, – развитие внутривнутриполитической ситуации в России, и, в частности, позиций президента В. Путина, экономическое положение и экономическая политика, ситуация в Чечне и состояние российских вооруженных сил России, внешняя политика России и, прежде всего, ее отношения с Соединенными Штатами, политика на постсоветском пространстве, участие в борьбе с международным терроризмом. Особая и неизменная тема докладов – военнотехническое сотрудничество России с зарубежными странами и состояние российских арсеналов оружия массового уничтожения, Россия как возможный источник военных материалов и технологий ОМУ для других стран, вызывающих опасения США.

Каковы же характерные черты образа путинской России, создаваемого докладами руководства ЦРУ? На рубеже XXI века для него было характерно ощущение неопределенности будущего, связанное с неясностью позиций преемника Б. Ельцина на посту президента страны. Прежде

всего, отмечалось переходное состояние российского общества и российской политики, оказавшихся в точке бифуркации.

В докладе директора ЦРУ в феврале 2000 г. констатировалось: «Мы вступили в «постельцинскую эру» [1]. Перед новым президентом встанет три фундаментальных вопроса: 1) продолжит ли он движение в сторону консолидации «новой демократии» или растущая склонность к твердой руке и требования порядка побудят его замедлить это движение или даже повернуть назад; 2) будет ли он пытаться создать консенсус в отношении ускорения темпов экономической реформы и расширения усилий по интеграции в глобальные рынки... или он будет полагаться на сильное государственное вмешательство для достижения экономических целей; 3) будет ли Москва отдавать приоритет отношениям сотрудничества с Западом или антиамериканские настроения будут нарастать, а Россия будет становиться изолированной, фрустрированной и враждебной, что увеличивало бы риск непреднамеренной конфронтации, особенно опасной, поскольку Россия все больше полагается на ядерное оружие для обеспечения своей безопасности [1].

Ссылаясь на российские опросы общественного мнения, директор ЦРУ отмечал, что В. Путин имеет наибольшие шансы победить на президентских выборах 2000 г. Характеристика Путина уложилась в два слова – «крут и прагматичен» (Putin appears tough and pragmatic), однако, что он будет делать как президент, оставалось для ЦРУ «далеко не ясным». Среди ведущих факторов, которые должны определить ближнесрочную траекторию России, выделялись конфликт в Чечне и состояние экономики. В более долгосрочной перспективе, по мнению директора ЦРУ, новому президенту России предстояло стабилизировать политическую ситуацию, для того чтобы заняться

структурными проблемами российской экономики, а также проблемами преступности и коррупции, которые мешают иностранным инвестициям.

Директор ЦРУ прогнозировал, что на международной арене американо-российские отношения подвергнутся испытаниям по таким вопросам, как активность США и других западных стран в прилегающих к России районах, прокладка нефте- и газопроводов на Кавказе и Средней Азии, деятельность НАТО на Балканах и отношения НАТО с балтийскими странами. Ожидалось, что американо-российские отношения будут осложняться связями России с Ираном и возражениями Москвы против американских планов создания национальной противоракетной обороны. В то же время отмечались и позитивные, с точки зрения ЦРУ, признаки: Путин и другие высказываются за завершение выполнения договора START II и переход к дальнейшему сокращению вооружений в рамках START III, многие российские официальные лица выражают желание интегрировать Россию в мировую экономику посредством продолжающегося сотрудничества с «Большой восьмеркой» или будущего членства в ВТО.

«Одним из моих самых больших опасений, независимо от пути, который изберет Россия, остается безопасность ее ядерных вооружений и материалов, - говорил директор ЦРУ. – У нас нет свидетельств того, что (ядерное) оружие пропадает в России, но мы остаемся обеспокоенными докладами о слабой дисциплине, забастовках, низком моральном уровне и криминальной активности на ядерных объектах» [1].

С течением времени образ путинской России в докладах ЦРУ все более прояснялся, обретая более четкие очертания.

Уже через год, в 2001, у директора ЦРУ не было сомнений относительно направленности политики В. Путина.

«Господин председатель, - обращался глава ЦРУ к председателю сенатского комитета по разведке, - еще одной страной, стремящейся к признанию в качестве великой державы, является Россия. Позвольте мне быть абсолютно откровенным. Мало сомнений в том, что президент Путин хочет восстановить некоторые аспекты советского прошлого – статус великой державы, сильную центральную власть и стабильное, предсказуемое общество – иногда за счет соседних государств или гражданских прав отдельных россиян». Было замечено, что Путин также увеличил финансирование армии. Однако это не вызывало особых опасений, потому что, констатировал Дж. Тенет, «потребуется годы наращивания (таких усилий – С.Б.), чтобы справиться с грузом проблем, накопившихся в вооруженных силах при Ельцине» [2].

Озабоченность вызывали действия России на международной арене. Москва, по мнению директора ЦРУ, восстанавливала подход к внешней политике, основанный на принципе «либо полный выигрыш, либо полный проигрыш», характерный для советской эпохи. Тревогу вызывало и то, что Москва, по оценке ЦРУ, все более использовала продажу оружия и технологий не только как главный источник доходов, но и как инструмент для улучшения связей со своими региональными партнерами - Китаем, Индией и Ираном, рассматривая эти отношения как способ ограничить влияние США в глобальном масштабе. Наконец, констатировалось, что «Путин прилагает усилия для того, чтобы ограничить влияние США в других бывших советских государствах и восстановить положение России как первой державы в регионе» [2].

В докладах директора ЦРУ в последующие годы эта картина прописывается более отчетливо, обретая новые детали. Внутреннее развитие России определяют, с точки зрения американской разведки, следующие процессы:

- централизация власти, усиление контроля над регионами;
- укрепление позиций В. Путина и высокий уровень его поддержки в российском обществе, которое желает порядка и стабильности;
- усиление влияния «силовиков», укрепление вооруженных сил и спецслужб;
- усиление контроля над национальными электронными СМИ, ограничение гражданского общества;
- экономическая стабилизация и экономический рост, решение проблемы внешнего долга;
- усиление государственного вмешательства в экономику и наступление на крупный бизнес;
- борьба с терроризмом, проблема Чечни;
- широкое распространение коррупции и преступности.

Образ России как международного актера определяется в докладах директора ЦРУ следующими чертами:

- укрепление самостоятельности России на международной арене;
- курс на восстановление статуса великой державы;
- усиление влияния на постсоветском пространстве, главным образом, при помощи «мягкой силы»;
- поиск партнеров на Востоке;
- развитие отношений с Западом и США, в частности, в области борьбы с терроризмом и в экономической сфере.

На фоне этих тенденций в эволюции внешнеполитического облика России директор ЦРУ отмечает одну неизменную черту – Россия представляется как обладатель оружия массового уничтожения и технологий его производства. Опасность России, однако, видится не столько в ее способности нанести удар по территории США, сколько в возможности распространения ОМУ из российских источни-

ков в результате слабого контроля над имеющимися арсеналами и мощностями, утечки специалистов, военнотехнического сотрудничества с «проблемными» странами.

В феврале 2004 г., в конце первого президентского срока В. Путина, директор ЦРУ констатировал: «Путин... записал на свой счет несколько заметных достижений. Результаты его экономической политики даже со скидкой на сохраняющиеся высокие мировые цены на нефть впечатляют и в плане роста ВВП, и в отношении развития рыночных реформ. После хаоса, продолжавшегося годы, он принес ощущение стабильности на российскую политическую сцену и восстановил гордость русских за место их страны в мире» [3].

В то же время отмечались и накопление негативных, с точки зрения директора ЦРУ, черт: «теперь Путин доминирует над Думой, а высокие результаты националистических партий и «вылет» либеральных партий (на выборах 2003 г. - С.Б.) могут усилить тенденцию к ограничению гражданского общества, государственному вмешательству в дела большого бизнеса и более жесткой политике в регионе бывшего Советского Союза» [3]. Что касается отношений России с США, то, по мнению директора ЦРУ, они по-прежнему содержали элементы сотрудничества и соперничества, при преобладании первых [3].

В феврале 2006 г. доклад об угрозах безопасности США представлял сенату Директор национальной разведки, к которому, согласно закону о реформе американской разведки 2004 г., перешли полномочия главы разведывательного сообщества США, прежде принадлежавшие директору ЦРУ. Его доклад, хоть и более лаконично, подтвердил основные параметры восприятия России руководством американской разведки.

Характеризуя состояние российского руководства, Дж. Негропonte отмечает: «Высокие доходы от экспорта

нефти и газа и ощущение политических успехов дома и за границей укрепили уверенность Москвы». По мнению директора национальной разведки США, «стремление президента Путина к централизации власти и усилению контроля над обществом, растущий государственный контроль над стратегическими секторами экономики и сохранение широко распространенной коррупции поднимают вопросы о направлении развития страны». ДНР прогнозирует, что в ближайшие годы Россия может стать более замкнутой в себе и более сложным собеседником для Соединенных Штатов. Подобному образу нашей страны соответствует и прогноз директора национальной разведки США относительно перспектив российско-американских отношений: «Россия, возможно, будет работать с Соединенными Штатами над общими интересами, такими как борьба с терроризмом, наркотиками и распространением ОМУ. Однако растущие подозрения относительно западных намерений и желание Москвы демонстрировать свою независимость и защищать свои интересы могут сделать более трудным сотрудничество с Россией в областях, вызывающих озабоченность Соединенных Штатов» [4].

Разумеется, сама тематика докладов предопределяет специфику картины, которая создается в этих документах. Их оценки формулируются с точки зрения угроз интересам национальной безопасности Соединенных Штатов Америки. Соответственно, внимание обращено прежде всего на то, что тревожит американскую разведку в российской внутренней и внешней политике. Тем не менее, в докладах отмечаются и позитивные процессы, и изменения, что создает основу для сбалансированной картины.

Библиографический список

1. Statement by Director of Central Intelligence George J. Tenet Before the Senate Select Committee on Intelligence on

The Worldwide Threat in 2000: Global Realities of Our National Security. 2 February 2000.

http://www.cia.gov/cia/public_affairs/speeches/2000/dci_speech_h_020200.html

2. Statement by Director of Central Intelligence George J. Tenet before the Senate Select Committee on Intelligence on the "Worldwide Threat 2001: National Security in a Changing World" (as prepared for delivery). 07 February 2001.

http://www.cia.gov/cia/public_affairs/speeches/2001/UNCLAS_WWT_02072001.html

3. The Worldwide Threat 2004: Challenges in a Changing Global Context. Testimony of Director of Central Intelligence George J. Tenet before the Senate Select Committee on Intelligence 24 February 2004 (as prepared for delivery).

http://www.cia.gov/cia/public_affairs/speeches/2004/dci_speech_h_02142004.html

4. Annual Threat Assessment of the Director of National Intelligence for the Senate Select Committee on Intelligence. February 2, 2006.

<http://www.odni.gov/WWT%20Oral%20Statement%20UNCLASSIFIED%201%20February%20FINAL%20VERSION.pdf>

НАРОД, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ В ИСТОРИИ РОССИИ

© Ю.С. Крюкова (ЯрПК)

Принцип скромности в российском масонстве второй половины XVIII века

Исследователи, занимающиеся историей тайных союзов, ещё в конце XIX века обосновали беспочвенность причисления масонства к тайным организациям. Тем не менее, некая тайна в масонстве всё-таки имеется. Речь идёт об одном из основных принципов масонства: принципе скромности, или умолчании. Этот принцип выполнял защитную функцию и способствовал выживанию масонского братства на протяжении столетий.

В масонских документах второй половины XVIII в. много внимания уделяется обоснованию принципа скромности. Это не случайно. Период правления Екатерины II был переломным в истории российского масонства. Во-первых, в 80-е гг. XVIII в. происходит значительное оживление деятельности вольных каменщиков, увеличивается количество лож, во-вторых, именно Екатериной Великой был нанесен значительный удар по мероприятиям московских масонов (дело Н.И. Новикова 1792 г.).

Обещание хранить молчание было обозначено в масонских клятвах и присягах после обещания упражняться в страхе Божием и не возмущать любви ближнего. Это свидетельствует о том значении, какое имел этот принцип для вольных каменщиков. Скромность была не просто добродетелью, необходимой истинному масону, а его обязанностью.

В инструкции для братьев “Орденских Директоров”, переведённой с немецкого языка, в разделе о “Наблюдении скромности” обозначено следующее: “Никому в свете не

объявлять о своих начальниках и путеводителе; никогда никакому простому В.К., а ещё меньше профану не объявлять себя Р.К. [1]; ни одного слова не объявлять о местоположении и учреждении работ своего Ордена, о числе членов и практических действиях...; о высших своих степенях не объявлять брату низшей степени” [2] и так далее. Скромность касалась отношений с внешним миром и внутренней “субординации” в масонском братстве. Чем была обусловлена подобная осторожность в отношениях с внешним миром?

Среди масонских бесед, размышлений и писем, хранящихся в фонде С.С. Ланского, есть рассуждение “Нечто о скромности”. В нём среди прочего содержится указание, что масон должен скрывать от посторонних имеющееся в масонстве таинство: “ежели ты дал приметить, что ты нечто большее, нежели добрый человек, то ты изменил тайне, и скромность нарушена”, и далее “неправильно познанная тайна, как бы она ни была для духа сама по себе питательна, ... послужить может к величайшему вреду” [3]. Речь идёт не только об умолчании, но и о некоей внутренней тайне, познать которую дано не каждому. И.В. Лопухин в “Общих правилах духовных рыцарей” говорит о “тайне от мира, не любящего Премудрости” [4]. Отсюда тайна – ни что иное, как знание Премудрости, просвещение, являющееся “ближайшей” целью масонского братства. Масоны отмечали, что лишь тот, кто доброе имеет сердце и употребляет свои познания на благо человечества, достоин просвещения. “Человек с улицы” не дорос до понимания масонской науки, так как в нём пороки берут верх над добродетелью. “Сия высокая наука не может никакой пользы принести тем, кои обыкли смотреть на одни вещи наружности, не проникая в существо их, кои обременены страстями и ищут своё благо в тленности ...” [5], так объяснял братьям сущность тайны “мастер стула” И.И. Пана-

ев. Та же мысль, правда, более образно изложена в нравоучительном наставлении о просвещении: “Мудрость подобна солнцу, которое согревает каждого смертного и светит на всех человеков: но чтобы чувствовать благотворность теплоты его, потребна такая организация тела, которая со степенем его теплоты была соразмерна... Благовонные цветы тщетно благоухают для того, кто не имеет обоняния, и крупичицы от трапезы братства падают не для свиней, в грязи роющихся” [6]. “Премудрость везде и всюду, но видима только ищущим её” [7] и только ими обретается.

Масонская тайна – это тайна нравственного знания, средство рассмотреть понятие и склонность каждого желающего просветиться, чтобы “сии важные науки” не оказались вверенными тем, кто не может их постичь, а также тем, кто может употребить их во зло. Отсюда необходимость “обуздать свой язык” и не разглашать таинство масонского знания. Целям сохранения сокровенного знания от профанов служил и язык иероглифов, иначе говоря, масонский символизм. Непросвещённому, постороннему человеку язык символов представлялся непонятным, в то время как для самих масонов он был исполнен смысла: “все иероглифы, которые непросвещённому оку представляются лабиринтом, суть прямые линии...” [8].

“Защитная” функция символов не являлась основной. Символ у масонов выступал как средство заявить о себе, не открывая сокровенного смысла, сохраняя “внутреннюю тайну”. Это – своеобразный “немой” разговор с внешним миром, голос которого обращён к внутренним переживаниям каждого отдельного человека. Тот, кто не имеет представления о масонской науке, видит лишь изображение – картинку, кто знаком с масонской интерпретацией символов, видит в них её воплощение, и лишь истинный масон понимает настоящий смысл иероглифов.

Символ у масонов – это информация к размышлению, к самопознанию, “преимущественнейшая пища человеческого духа” [9]. Но это - и более совершенный язык, более достоверный способ передачи масонского знания, так как он обращён к сердцу каждого отдельного человека. Это обращение считалось тем более важным, так как “разум человеческий столь любостыжателен или скуп, что он из изученных им истин не желает передать ни одной сердцу для исполнения”. Отсюда необходимость познавать масонскую Премудрость через иероглифы, которые “ударяют прямо на чувства” [10]. В масонском наставлении есть пункт “О языке, который слов не имеет”. В нём указывается, что существует два языка: язык сердца и язык разума, и первый в меньшей степени подвержен обману, чем второй: “Язык сердца мало слов имеет, а говорит много. Язык разума имеет много слов, но часто мало сказывает, чем многословнее язык - тем несовершеннее, ибо тем скорее подвержен он заблуждениям” [11], поэтому основные идеи масонского собратства воплощены в символах. В масонских рукописях сохранились объяснения некоторых из них. В основном символы отражают главную цель масонства – обработку “дикого камня”, то есть самоусовершенствование и постижение Божественной Премудрости. Дикий, неотёсанный камень представляет “грубого невежду необработанной своей нравственности”, для которого чувственность делается законом, а наслаждение – целью [12]. Лопатка – необходимое орудие для обработки дикого камня, впрочем, как молоток, наугольник и циркуль. Наугольник является символом совести, а циркуль означает обязанность каждого измерять свои действия циркулем разума и напоминает о добродетели, которую должно употреблять в масонских работах. Кубический камень – конечный результат масонской работы, можно сказать, произведение “Королевского Искусства”, - улучшенный, добродетельный

человек. Семь ступеней, как и подсвечник с семью ветвями, представляли последовательно истинную премудрость Соломонову и семь даров Премудрости, “которых каждый брат у Бога испрашивать должен” [13].

В масонских символах нашли отражение общественные установки братства вольных каменщиков. Ватерпас изображает путь гражданский, путь религии. Наугольник, треугольник и циркуль представляют соответственно справедливость, правосудие и праводетельность. Красный шнурок, которым связывали руки неопита, символизировал любовь и дружество. Отношение к Богу воплотилось в пламенеющей звезде, олицетворяющей “Божеское дыхание”, а также в трёх свечах, которые ставились на алтаре и символизировали “свет разума, свет природы и свет откровения, три дара Божия, которые Его Святую Троиединицу образованием знаменуют” [14].

Основная масса символов относится к познанию природы: вода, крест, огонь, солнце, луна и другие, но и они порой получают нравственное звучание. Вода служит указанием ученику признать своё невежество, “а чрез то должен быть низжайший и смиреннейший духом”, огонь в “моральном мире” означает разум, крест – четыре темперамента, “кои умом человек должен приводить в умерительность” [15].

По мнению издателей “Магазина свободно-каменщического”, “иносказание самого общества остроумно и занимательно. Предприемлют строить храм, сей есть храм добродетели. Орудия для строения сего суть символы архитектуры сердца...” [16].

Символ в масонстве имел большое значение. В-первых, он скрывал внутреннее таинство, во-вторых, играл роль наглядного пособия для постижения масонской науки. Не случайно масоны отмечали, что “кто знает силу воображения, тот способен производить необычайное” [17].

Итак, принцип скромности в российском масонстве должен был служить сохранению в чистоте некоего внутреннего знания. Он являлся также и воспитательным средством, поскольку лишь тот, кто научится уважать право другого на самоопределение, мог быть удостоен чести именоваться истинным масоном. Ведь каждый сам вправе решать, делать ли достоянием гласности свои внутренние убеждения или же сохранить их в тайне.

Примечания

1. В.К. – вольный каменщик; Р.К. – розенкрейцер.
2. Комментарии на различные Орденские истины для употребления высокопочтенных братьев. О. Директоров// Научно-исследовательский отдел рукописей российской государственной библиотеки (далее НИОР РГБ). Ф. 147. Ед. хр. 179/М.2054/. ЛЛ. 71, 71 об.
3. НИОР РГБ. Ф. 147.Ед. хр. 90(2)/М,1967/. Л. 71.
4. И.В. Лопухин. Духовный рыцарь//Масонские труды: Духовный рыцарь. Некоторые черты о внутренней церкви. М., 1997. С. 38.
5. Речи, говорённые в почтенной ложе Горус...//НИОР РГБ. Ф. 147. Ед. хр. 91/М.1968/. Л.3.
6. НИОР РГБ. Ф. 147. Ед. хр. 281(2). Л. 1.
7. Общие правила духовных рыцарей, или ищущих Премудрости//Лопухин И. В. Указ. соч. С. 39.
8. НИОР РГБ. Ф. 14. Ед. хр. 1287. Л. 1об.
9. Там же. Ф. 14. Ед. хр. 450. Л. 44.
10. Там же. Ф. 147. Ед. хр. 90(2)/М.1967/. Л. 77.
11. Там же. Ед. хр. 281(2). Л. 16 об.
12. Там же. Ед. хр. 90(3)/М,1967/. Л. 197.
13. Там же. Ед. хр. 6/М.1883/. Л. 113 об., 114; Ед.хр. 179/М.2054/. Л. 9.; Ед. хр. 100/М.1977/. Л. 10.

14. Там же. Ф. 147. Ед. хр. 90(3)/М.1967/. Л. 197; Ед. хр. 179/М.2054/. Л. 11. Ед. хр. 100/М.1977/. Л. 10; Ф. 14. ед. хр. 450. Л. 45.
15. Там же. Ф. 147. Ед. хр. 90(3)/М.1967/. ЛЛ. 197, 198.
16. Там же. Ф. 14. Ед. хр. 450. Л. 44.
17. Там же. Ф. 147. Ед. хр. 281(2). Л. 18 об.

**© А.И. Зузульский (ЯГПУ)
«Общество поощрения художников» (1820 г.): меценаты
и крепостные**

Указ Александра I о вольных хлебопашцах (1803 г.), как известно, не сыграл сколько-нибудь значительной роли в освобождении крепостных крестьян. Он лишь разрешал помещикам отпускать своих крепостных с землей на волю за выкуп. За двадцать пять лет свободными хлебопашцами стали лишь 47 тыс. крестьян, что для всей России не имело решающего значения. Но идея освобождения крестьян за выкуп в указе была заложена, и ею воспользовались представители прогрессивно мыслящих слоев дворянства, деятели культуры как возможностью выкупа у помещиков одаренных крепостных, обнаруживших способности к развитию «изящной словесности», ваяния, живописи и других искусств.

Изысканием средств для выкупа художественно одаренных крепостных стало заниматься, в частности, «Общество поощрения художников», созданное в 1820 г. в Петербурге при Академии художеств и просуществовавшее несколько десятилетий. Председателем Общества был выдающийся представитель ярославского дворянства, выходец из известного дворянского рода Мусиных-Пушкиных граф В.В. Мусин-Пушкин-Брюс.

Общество поощрения художников за годы своего существования немало сделало для распространения худо-

жественного образования в России даже в жестоких условиях царствования Николая I. Оно нередко брало под свое покровительство одаренных молодых людей, склонных к искусству, хлопотало об их освобождении от крепостной неволи и способствовало поступлению в Академию художеств.

Помещики обычно откликались на обращения Общества о безвозмездном отпуске крепостных художников на волю, так как такие просьбы, подписанные влиятельными людьми, льстили самолюбию «меценатствующих» помещиков. Небезынтересно отметить, что Общество взяло на свое иждивение и «Первую Санкт-Петербургскую рисовальную школу для вольноопределяющихся». Безусловно, решение многих вопросов в деятельности Общества зависело от позиции его председателя В.В. Мусина-Пушкина-Брюса, которого выдающийся русский художник А.А. Иванов в своей записной книжке характеризует как «самую добрейшую душу, вельможу, робкого и любимого всеми» [1].

Классический, хрестоматийно известный пример освобождения из крепостной неволи талантливого художника – выкуп у помещика П.В. Энгельгардта молодого Тараса Шевченко, ставшего художником-академиком, но больше известным как народный украинский поэт. С переездом Энгельгардта в Петербург Шевченко был отдан в ученики мастеру живописных дел В.Г. Ширяеву. Последний в прошлом тоже был крепостным помещицы А.Г. Огон-Догановской – соседки Энгельгардта по его имению в Смоленской губернии [2]. Ширяев же до организации своей живописной артели был учеником великого К.П. Брюллова в Академии художеств. Учеником его после выкупа у Энгельгардта стал и Т.Г. Шевченко. Аналогичная судьба была у его товарищей по ширяевской артели, бывших крепостных помещицы Е.Ф. Ульяниной из Нижего-

родской губернии, И.К. Зайцева, И.Д. Каширина, а также крепостных помещика Оболенского братьев Федота, Дениса и Григория Ткаченко. Все они оказались в поле зрения Общества поощрения художников и с его помощью стали учениками Академии.

Через Общество пролегал путь в академию и Тараса Шевченко. Причем здесь важно отметить, что председателем комитета, который 4 октября 1835 г. впервые рассмотрел представленные на его суд рисунки Шевченко, был граф В.В. Мусин-Пушкин-Брюс. Он, а также члены комитета Ф.И. Толстой и В.И. Григорович (конференц-секретарь Академии художеств и секретарь комитета, выходец из полтавских мелкопоместных дворян города Пирятина) подписали протокол заседания комитета, в пункте 12-м которого отмечалось: «По рассмотрению рисунков постороннего ученика Шевченко, комитет нашел оные заслуживающими похвалу и положил иметь его в виду на будущее время» [3].

Сходным оказался путь в Академию и известного лишь узкому кругу специалистов друга Тараса Шевченко, выходца из крепостных Ярославской губернии художника-академика Николая Андреевича Лаврова (1820–1875), два портрета кисти которого сегодня экспонируются в Ярославском художественном музее.

Николай Андреевич Лавров родился в селе Юршино Рыбинского уезда. Сохранившиеся архивные материалы позволяют установить родословную художника, а также некоторые штрихи его биографии и творчества.

Дед Николая крестьянин Федор Григорьевич Лавров был крепостным коллежского ассесора Ивана Ларионовича Глебова, владельца вотчины – деревни Верзилово Рыбинского уезда. Село же Юршино принадлежало «из дворян девицам Надежде и Александре Глебовым», «дворовым человеком» которых был отец будущего художника Анд-

рей Федорович Лавров[4], причем по соседству с Юршином находилось поместье Иловна древнего дворянского семейства графов Мусиных-Пушкиных, сыгравших важную роль в обретении художественного профессионализма Николаем Лавровым.

В 1835 г. помещицы Глебовы дали навечно вольную отпускную многодетной семье А.Ф. Лаврова вместе с женой Марией Михайловной и их детьми Николаем, Семеном, Апполоном, Елизаветой и Анной. Семейство Лавровых было причислено «в рыбинское мещанское общество»[5].

Учил грамоте детей Лавровых сельский дьячок. Рано проявившие склонность к живописному искусству вольноотпущенные братья Николай и Семен были затем отданы родителями в обучение в Рыбинской слободе местному живописцу Илье Петровичу Шляхтенкову (в некоторых источниках – Шляхтенко), являвшемуся «дворовым человеком» или, по другим источникам, управляющим имением известного мецената и любителя живописи и одного из директоров Академии художеств того времени графа Владимира Алексеевича Мусина-Пушкина [6] (по другим данным – крепостным графа А.И. Мусина-Пушкина, в то время обер-прокурора Святейшего синода). По некоторым источникам, Шляхтенков обучался живописному делу в мастерской в Рыбинске, принадлежавшей Мусиным-Пушкиным. Известно также, что он принимал участие в росписи храмов в Мологском уезде, в частности в обновлении в 1836 г. иконостаса в каменном храме в селе Борисоглебском.

О незаурядном живописном мастерстве Шляхтенкова можно судить по портрету няни из имения Иловна (холст, масло), сохранившемуся в числе других в фамильной галерее Мусиных-Пушкиных, экспонируемому Рыбинским государственным историко-художественным и архи-

тектурным музеем-заповедником и воспроизведенному в книге-альбоме «Мусины-Пушкины»[7]. В других фондах, в том числе в экспозиции Рыбинского музея, изображенная на портрете дама именуется как престарелая графиня Е.А. Мусина-Пушкина, дочь Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина, в домашнем наряде. Правда, авторство портрета в этой книге приписывается Шляхтенкову со знаком вопроса после имени Иван, как спорного. Однако в других источниках иного местного живописца в Рыбинской слободе в начале XIX в., кроме как Ильи Петровича Шляхтенкова, с такой фамилией не обнаруживается. В то же время архивные документы подтверждают наличие в числе дворовых людей графа В.И. Мусина-Пушкина именно «Шляхтенкова Ильи Петрова» [8].

Но как бы то ни было, вполне вероятно предположить, что как Ширяев в Петербурге, так и Шляхтенков в Рыбинске привлекал к аналогичному виду работ тоже своих учеников и, таким образом, был, фигурально выражаясь, «Ширяевым» Николая Лаврова.

Итак, оба брата – Николай и Семен, как видим, попали в поле внимания Мусиных-Пушкиных, имеющих непосредственное отношение как к Обществу поощрения художников, так и к самой Академии художеств. Общество содействовало тому, что ряд крепостных художников стали свободными людьми.

Очевидно, что не без участия Общества (ибо такой путь в Академию для бывших крепостных становился едва ли не правилом) Николай Лавров в 1840 г., а Семен в 1843-м, успешно выдержав экзамены, были приняты в Академию художеств. Николай посещал класс К.П. Брюллова, где и познакомился со своим соучеником Т.Г. Шевченко. Схожесть судеб, свободолобивые мечты сблизили молодых людей. Оба они обучались в классе «Карла великого», как называли К.П. Брюллова, как и известные впоследст-

вии художники Штернберг, Мокрицкий, Сошенко, Липин, Горбунов, Федотов, Шевченко, Петровский и десятки других, чей путь в Академию пролегал через Общество поощрения художников.

Последний, П.С. Петровский, стал общим другом обоих в недалеком прошлом крепостных Т.Г. Шевченко и Н.А. Лаврова. Неудивительно, что их личные судьбы также пересеклись. Предметом их общего увлечения стала младшая сестра Петра Степановича Прасковья Степановна Петровская. Шевченко одну из первых своих поэм «Тополя» («Тополь») посвящает Пашеньке, а Лавров тогда же, в 1940 г., рисует ее портрет в том же альбоме девушки, в котором Шевченко нарисовал портрет тополя как символ девичьего благородства и чистоты.

Сложной и трудной оказалась судьба всех, причастных к этим эскизам, хранящимся ныне в Киевском государственном музее Т.Г. Шевченко.

Напряженный труд рано подорвал здоровье Петра Степановича. После присуждения ему первой золотой медали за картину «Агар и Изваил в пустыне» (в настоящее время экспонируется в Государственной Третьяковской галерее в Москве) его послали для усовершенствования мастерства в Рим, где он вскоре, в 1842 г., умер от чахотки.

Николай Лавров в 1843 г. окончил курс академии и за успехи в исторической портретной живописи был удостоен малой серебряной медали, получив звание неклассного художника с выдачей аттестата, который давал право «пользоваться с потомством... вечною совершенною свободою и вольностью и вступать в службу, в какую сам, яко свободный художник, пожелает». Он некоторое время жил в Ярославле, где написал значительное число портретов частных лиц. Но вскоре возвратился в Петербург.

Т.Г. Шевченко, как известно, вскоре за участие в тайном Кирилло-Мефодиевском обществе и антикрепостническую поэзию был арестован и сослан в солдаты.

О последующей судьбе Прасковьи Степановны после отъезда Т.Г. Шевченко на Украину, а затем и его ссылки, пожалуй, впервые поведала в печати в начале 70-х годов прошлого века ее правнучка Н.А. Зегжда [9].

П.С. Петровская через четыре года после отправки Т.Г. Шевченко в ссылку вышла замуж за Николая Андреевича Лаврова, ставшего к тому времени академиком живописи. У них родилось шестеро детей. Большую роль в воспитании их в духе прогрессивных традиций семьи Петровских сыграла Прасковья Степановна. Она передала детям свои способности и любовь к искусству, литературе, сумела дать им широкое, всестороннее образование. Два сына Лавровых, Николай и Георгий, стали участниками народо-вольческого движения, за что были сосланы в Сибирь.

Н.А. Лавров, как значится в «Русском биографическом словаре Лабзина – Ляшенко» (СПб., 1914), «писал преимущественно портреты императора Александра II». Его кисти принадлежат иконостасы церковей Воспитательного дома в Петербурге, Успенского кладбища. Лавров писал также иконы для внешнего украшения Владимирского собора в Севастополе. Кроме того, им было составлено 25 эскизов для работ в храме Христа Спасителя в Москве, но смерть помешала ему принять более деятельное участие в этом сооружении.

Николай Андреевич скончался 3 августа 1875 г. в местечке Липицы Царскосельского уезда. Журналы «Голос», «Мир», «Иллюстрированный журнал» поместили о нем некрологи. Его имя и в последующие годы осталось не забыто. Оно упоминается в дореволюционном издании «Материалы по истории Академии художеств. Т. 2 и 3», в «Отчете Академии художеств за 1874–1875 гг.» и других

академических трудах. Произведения его экспонируются и сегодня на выставках музея Академии художеств.

После смерти мужа П.С. Петровская-Лаврова жила в семье дочери Любови Николаевны Лавровой, по мужу Оглоблиной. Умерла она в конце XIX в. и похоронена в Петербурге на Смоленском кладбище.

В XX веке в Ленинграде проживали родственники дочери П.С. и Н.А. Лавровых – Л.Н. Оглоблиной, у которых сохранился семейный архив Лавровых. Свои воспоминания она передала в Государственный русский музей, а незадолго до смерти, в 1934 г., отправила в Киевский государственный музей Т.Г. Шевченко и тот самый девичий альбом матери – Пашеньки с ее портретом, нарисованным молодым Николаем Лавровым, и эскизом тополя, выполненным Тарасом Шевченко. Там эти раритеты хранятся и в настоящее время. В альбоме имеются также другие рисунки с подписью «Н. Лавров».

Приоритет в исследовании дружеских личных и творческих связей братьев по судьбе и творчеству – украинского и русского художников, вышедших из народных глубин, Шевченко и Лаврова, принадлежит правнучке Н.А. Лаврова – Н.А. Зегжде. Нина Алексеевна Зегжда родилась в 1911 г. Кандидат исторических наук, доцент. С 1951 по 1971 работала преподавателем истории в ЛГПИ имени А.И. Герцена.

Сегодня живут в Петербурге и Ленинградской области дети Н.А. Зегжды – сын Александр Федорович Котов (1932 г. р.), дочь Светлана Федоровна Котова и внук Вадим Александрович Котов – потомки бывшего крепостного из Ярославской губернии, художника-академика Н.А. Лаврова.

Библиографический список

1. Столпянский П.Н. Старый Петербург и Общество поощрения художников. Л., 1928. С. 56, 74, 75.
2. Жур П.В. Шевченковский Петербург. Л., 1964. С. 70, 71.
3. ГИАЛО (Государственный исторический архив Ленинградской области). Ф. 448. Оп. 1. Л. 26.
4. ГАЯО (Государственный архив Ярославской области). Ф. 100. Оп. 8. Д. 2168. Л. 1–6.
5. Там же. Д. 2227. Л. 1-2.
6. Мусины-Пушкины в истории России: Сб. докладов международной научной конференции «А.И. Мусин-Пушкин и его потомки в истории России». 25-27 июля 1994 г. Рыбинск, 1998. С. 174.
7. Мусины-Пушкины: Книга-альбом / Сост.: Т.И. Гулина, Г.В. Раздобурдина, М.Г. Шиманская. Ярославль, 1996. Вклейка илл. № 36.
8. ЯГОА. Ф. 100. Оп. 8. Д. 2227. Л. 1,2.
9. Зегжда Н. Кому посвящена шевченковская «Тополя» // Литературная Украина. 1971. № 55. 13 июля (на укр. яз.).

© Е.Л. Сараева (ЯГПУ)

Участие западников в дискуссии о влиянии французского языка на развитие русской культуры

Неизбежным следствием европеизации страны XVIII – первой половины XIX вв. стало *заимствование иностранных слов*. Деятели русской культуры в первые десятилетия XIX в. дали диаметрально противоположные оценки изменениям в русском языке. Если сторонники самобытного развития России отстаивали необходимость сохранения чистоты народного языка, то «русские европейцы», доказывавшие необходимость межкультурного взаимодействия, объясняли неизбежность расширения лексики русских людей за счет усвоения иностранных слов. Ди-

лемма засорения или обогащения языка в результате широкого использования иностранных слов приобрела долговременную перспективу находиться в центре обсуждения проблем о последствиях европеизации страны, так как процесс перехода России от традиционности к либерализму затянулся и имел противоречивые результаты. Дискуссия о направлениях развития языка стала частью спора о судьбе России. Изучение мнений классических западников о взаимовлияниях языков углубляет понимание взглядов этого круга мыслителей на соотношение национальных начал и элементов инокультур в жизни страны общества.

В.Г. Белинский, среди классических западников 40-х гг. XIX в. уделивший наибольшее внимание проблемам развития языка, воспринял и дал свою интерпретацию некоторых идей, изложенных в блестящей работе Н.И. Надеждина «Европеизм и народность, в отношении к русской словесности», опубликованной в 1836 г. в «Телескопе». Однако во мнениях двух литературных критиков просматриваются и существенные различия.

Надеждин и Белинский акцентировали внимание на «сотворении» языка. До начала XVIII в., полагали оба критика, творцом языка был народ. С эпохи Петра I стал формироваться новый язык, сначала путем насаждения правительством иностранных терминов, а затем под влиянием изучения европейских языков. Воспринимавший все события с позиции признания непрерывности развития всего сущего, Белинский положительно оценивал обогащение форм и содержания русского языка в XVIII – начале XIX вв. Язык, по выражению критика, пошел вперед благодаря содействию Карамзина, Жуковского, Батюшкова, Гнедича, Крылова, Пушкина, Лермонтова. Как видно, решающую роль в прогрессе языка Белинский отводил русским поэтам и писателям. Своим литературным талантом, по его мнению, они открывали новые средства для выражения своих

чувств и мыслей. И пока в России не перестанут появляться великие писатели, выражал уверенность Белинский, будет продолжаться творение русского языка.

Острую полемику в литературной критике вызвал вопрос об отношении к заимствованиям иностранных слов. Основную причину заимствования слов из чужих языков Надеждин, как и многие его современники, видел в подражании европейской цивилизации. «Цивилизация нашего высшего общества родилась не сама собой, а взята готовая с чужого образца; она вытвержена наизусть с чужого голоса» [б. С. 425]. Белинский также признавал существование периода мертвой подражательности европейской жизни, но особенность его воззрения на развитие языка заключалась в том, что он отмечал и процесс органического вхождения иностранных слов в лексику высшего общества.

Важным обстоятельством, обусловившим усвоение иностранных слов, Надеждин считал отсутствие в русском языке понятий для выражения идей, с которыми ранее не было знакомо русское общество. Относительная бедность языка, по мнению Надеждина, свойственна всем народам без исключения. Критик не считал предосудительным заимствование отдельных слов, так как процесс взаимного обогащения языков происходит непрерывно. Однако состояние русского языка у него вызывало опасение. Отставание России, с его точки зрения, выразилось и в недостатке слов для выражения общих, мировых идей, которые принадлежат всему человечеству. Поскольку Россия заимствовала знания из Европы в кратчайшие сроки, она восприняла их на европейских языках.

Белинский разделял мнение Надеждина о бедности русского языка в начале XVIII в., который не мог выразить новые идеи и общественные отношения. Основную причину развития языка он видел в изменении жизни общества. С появлением слоя образованных людей, интересующихся

науками и искусством, язык народа «сделался для общества слишком бедным и неудовлетворительным» [4. С. 605-609]. Новое содержание общественной жизни требовало появления и новой литературы, которая не могла развиваться в традиционных формах устного народного творчества. «Однообразные формы нашей бедной народной поэзии были достаточны для выражения ограниченного содержания... полупатриархальной жизни старой Руси; но новое содержание не шло к ним, не улеглось в них; для этого необходимы были и новые формы» [5. С. 189].

Развитие русской литературы в период «европеизма» Белинский характеризовал как органическое сращивание народных и новых элементов. Эволюция литературы этого периода, по мнению критика, шла сначала путем усвоения новых форм через мертвую подражательность к живому началу самобытности.[5. С. 189]. Поэты, особенно Пушкин, способствовали выработке языка для выражения явлений природы и чувств. И это не удивительно, так как по своим свойствам русский язык обладает исключительно богатыми возможностями для передачи всех оттенков эмоционального состояния и естественных явлений.

Однако, как верно отметил Белинский, русский язык был беден для выражения научных знаний и общественной жизни, «словом, всего отвлеченного, всего цивилизованного, глубоко и тонко развитого, даже ежедневных житейских отношений!» [4. С. 608]. Причину бедности языка для выражения этих сфер мысли и созерцания Белинский искал в историческом развитии русского народа. Если большинство европейских языков образовалось из обломков латинского (эта мысль ранее выражена в работе Надеждина. – Е.С.), то в русской цивилизации до Петра Великого даже не было понятий о многих явлениях жизни, а тем более науки. Европеизация многих сфер жизни русского общества вела к заимствованию слов из иностранных языков. Бе-

линский привел ряд слов, удачно переведенных на русский язык и получивших в нем право гражданства: правительство, промышленность, предмет, личность, отношение, заключение и др. Таким образом, общество, воспринимая идеи, ранее ему неизвестные и чуждые, стало употреблять и новые слова, выражающие эти идеи. Белинский характеризует эти заимствования как обогащение русского языка [4. С. 610].

Белинский был категорически не согласен с «так называемыми патриотами» русского языка, осуждавшими употребление соотечественниками иностранных слов и разговоры в высшем свете на французском языке. Он в использовании французского языка видел не презрение к родной речи, а отсутствие в русском словаре многих слов, необходимых для выражения идей, развиваемых в европейской цивилизации. «Наше высшее общество, вдруг столкнувшись, так сказать, с Европою, увидело, что для его новых потребностей, идей и общественных отношений русский язык беден и недостаточен, хотя для своего общества (до времен Петра Великого) он, как и естественно, был не только удовлетворителен, но еще и очень богат» [4. С. 610]. По мысли Белинского, главной причиной обращения русского общества в XVIII в. к французской литературе было то, что ему читать по-русски было нечего. «Что же касается до равнодушия прежнего общества к родной литературе, - оно было неизбежно: общество не читало по-русски, потому что нечего было читать: два-три писателя, хотя бы и с замечательною силою таланта, но писавшие на не установившемся еще языке, далеко не могли наполнить всех досугов и удовлетворить всем умственным потребностям людей, перед которыми отверсты были неистощимые сокровищницы богатых и созревших литератур Европы» [1. С. 226]. Критик, хорошо знавший круг чтения образованного общества, отметил, что оно прочло все лучшее,

появившееся на русском языке, поэтому нет оснований упрекать публику в невнимании к русской литературе. На рубеже XVIII – XIX вв. русская литература была еще не способна наполнить досуг общества. Белинский выразил убеждение, что когда русская литература будет предлагать читателям столько же хороших произведений, сколько и французская, то образованное общество будет больше и читать, и говорить по-русски, чем по-французски. Белинскому представлялось, что язык книги вырабатывает «язык общества и жизни». Как видно, главную причину широкого использования обществом французского языка Белинский видел не столько в стремлении подражать европейской жизни, сколько в ограниченных возможностях русского языка для передачи социальных, политических, исторических, эстетических идей. «Если образованное русское общество не говорило и не читало по-русски, этому была причина: тогда был только книжный да простонародный язык и не было разговорного русского языка; следовательно, не на чем было и говорить образованному обществу, хотя бы оно и само желало говорить по-русски» [1. С. 225-226].

Мысль о постепенной замене французского языка русским в высшем обществе по мере приспособления родного языка ко всем нововведениям высказал еще Надеждин в 1835 г. [6. С. 425]. Но, в отличие от Белинского, он в целом отрицательно оценивал влияние французского языка и литературы на состояние русской словесности, которая восприняла французский дух и формы. Пагубность доминирования французского языка и литературы он видел в единогласном признании их классическим типом совершенства и подражании им, которое Надеждин назвал «чужездством». Это привело к разделению русского языка на народную речь и книжное литературное слово [6. С. 417]. Надеждин считал губительным для русского языка обще-

ние в высшем обществе на французском языке. Он видел в использовании французского языка подражание, зашедшее так далеко, что все русское оказалось не востребованным в высшем свете. Как видно, по мнению Надеждина, процесс приобщения к европейской культуре в России носил характер подражания, а не творческого усвоения; это ярко проявилось в состоянии русского языка.

Белинский более оптимистично характеризовал развитие русского языка и литературы под влиянием иностранной словесности. Для понимания его мысли о взаимодействии языков важна оценка им языка как гения, имеющего свои законы, свойства, дух, характер, физиономию. Заимствование иностранных слов не меняет свойств функционирования языка. Оно расширяет его выразительные возможности. Следует ли бояться искажения русского языка заимствованиями? По мнению Белинского, живой язык живет по своим законам, он не покорится злоупотреблениям, отвергнув их и сохранив все полезное [4. С. 615]. Преобладание французской речи в дворянском обществе не помешало, по выражению Белинского, выработке общественного и разговорного русского языка, не препятствовало росту чувства патриотизма в 1812 г., когда офицеры, разговаривая по-французски, лили кровь и умирали за свое отечество [1. С. 226]. Таким образом, Белинский доказывал примерами из русской истории, что знание французского языка не противоречило истинному патриотизму. По замечанию критика, литературный русский начал складываться лишь с XVIII в. и непрерывно обогащался путем включения новых понятий. Не двинется вперед язык, [2. С. 368], что французская литература не только не погубила русскую словесность, а способствовала обогащению ее идеями, Белинский находил в появлении талантливых произведений, вызвавших огромный интерес у читающей публики. «Теперь все

классы образованного и даже полубразованного общества больше прежнего читают по-русски, потому что, сравнительно с прежним, русская литература представляет больше пищи для чтения, хотя и также далеко не уменьшает потребности в иностранных литературах» [1. С. 226]. Важна мысль Белинского о том, что развитие русской литературы не вытеснит из круга чтения книги европейских авторов. Нельзя довольствоваться только русской литературой только потому, что она наша. Чтение литературы на разных языках расширяет кругозор, представления о мире. Изучение литературы других народов не уменьшает значения развития национальной культуры, а увеличивает ее богатство. Белинский привел и другой интересный аргумент в пользу своей мысли: не было противостояния литератур – французской и русской. Французскую литературу и язык лучше всего знали в высшем обществе, а все талантливые русские писатели и поэты либо происходили из высшего общества, либо были связаны дружескими отношениями со многими его представителями. Белинский развивал значимую идею о том, что имеет место тенденция взаимодействия литератур, науки, искусства: *«В науке и искусстве также резко проявляется теперь это стремление к единству путем взаимного соприкосновения разнородных элементов»* (курсив мой – Е.С.) [1. С. 227].

Положительную оценку Белинским развития русского языка под влиянием русских писателей и европейских языков следует признать плодотворной. Необходимо выделить его мысль о том, что приобщение русского общества к европейской жизни, науке и искусству повлияло на изменение картины мира образованных людей, обогатило их лексику. Взаимодействие языков стало одним из условий цивилизации общества, жизнь которого приобрела большее многообразие (например, появилась традиция чтения журналов и обсуждения опубликованной литерату-

ры), расширения круга понятий и идей, приобщающих к научному познанию.

Таким образом, Белинский проследил одно из важных направлений культурной модернизации России в процессе ее европеизации. В исторической литературе, на наш взгляд, недооценено отстаивание мыслителем необходимости обогащения русского языка иностранными словами как средства приобщения к западной культуре, восприятия достижений европейской цивилизации. Использование высшим обществом в основном французского языка в процессе общения зачастую и современниками Белинского, и историками оценивалось негативно как проявление отрыва от народной жизни, потери интереса к русской культуре. Белинский не отрицал, что владение иностранными языками в высшем обществе было данью моде, общепринятому мнению необходимости воспроизводить европейский образ жизни. Он отмечал формирование в сознании представителей великосветского общества установки походить на иностранцев: «Вследствие реформ Петра Великого у нас все русское неизбежно должно было обыностраниться» [4. С. 612-613]. Однако изучение французского языка, по верному наблюдению Белинского, стимулировалось в значительной степени интересом к французской литературе. Увлечение французской литературой Белинский объяснял особенностями характера и сознания французов: они понимают и любят жизнь, умеют применять все успехи науки и искусства к общественной жизни. Значение французской литературы Белинский видел также в том, что она учила мыслить и чувствовать образованного человека.

Как видно, Белинскому принадлежит глубокое объяснение причин исключительной популярности французской литературы в России в конце XVIII – первой половине XIX вв. Он не удовлетворился распространенным мнением о желании русских походить на французов. Хотя это ут-

верждение во многом соответствовало реальности, он предложил и другое видение искреннего интереса многих людей к романам: их главным содержанием была любовь к человеку. «Немец любит знание о человеке; француз любит человека». Белинский, прекрасно знавший русскую и европейскую литературу, развивал мысль об отражении в художественных произведениях особенностей душевного склада народа, его мировосприятия, традиций. Мировое значение литературы во многом определяется духовными силами народа.

Другую причину приобретения французской литературой всемирно-исторического значения Белинский видел в значении идей, развиваемых мыслителями этого народа, и его вкладе в цивилизацию человечества. Общественная жизнь французов была многообразной и интересной для многих народов. Чтение французской литературы русским публикой, по замечанию Белинского, было проявлением интереса к общественной жизни, пониманием ее достоинств. Весь образованный мир читал произведения французских писателей, и нигде, кроме как в России, это не рассматривалось как неуважительное отношение к национальной культуре.

Библиографический список

1. Белинский В.Г. История Малороссии. Николая Маркевича // Белинский В.Г. Собрание сочинений в девяти томах. М.: Художественная литература, 1976-1982. Т. 5. С. 223-242.
2. Белинский В.Г. Сказка за сказкой. Т. II // Там же. Т. 5. С. 362-370.
3. Белинский В.Г. Грамматические разыскания. В.А. Васильева // Там же. Т. 7. С. 605- 618.
4. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года // Там же. Т. 8. С. 182-221.

5. Надеждин Н.И. Европеизм и народность, в отношении к русской словесности // Надеждин Н.И. Литературная критика. Эстетика. М.: Художественная литература, 1972. С. 394-444.

© Т.В. Куперасова (ЯГПУ)

Нигилистические черты в народническом движении 1870-х гг.

Важным этапом в процессе формирования радикальной интеллигенции в России явилось народничество 1870-х гг. Оно получило достаточно обширное освещение в историографии. Его изучение основано на разнообразных источниках. Многие исследователи в поисках причин возникновения и развития народничества 1870-х годов обращают внимание на социально-экономические, политические предпосылки, анализируют идеи предшественников. Однако в русле исторических работ незначительное внимание уделяется такому предвестнику народничества, как нигилизм, который сыграл значительную роль в становлении радикальной интеллигенции в целом и оказал непосредственное влияние на народническую интеллигенцию в частности.

В эпоху реформ 1860-х гг. нигилистами стали называть радикально настроенную молодежь, признанным «властителем дум» которых был Д.И. Писарев. Писаревщиной и нигилизмом окрашена вся вторая половина эпохи шестидесятых годов. Термины «нигилизм» и «нигилисты» вошли в разговорную речь после появления романа И.С. Тургенева «Отцы и дети», написанного в 1861 г. [1].

Нигилизм, не будучи массовым явлением, оказал значительное влияние на все сферы народнического движения. Не случайно молодых народников нередко называли «нигилистами». Сами народники также зачастую отождествляли себя с нигилистами, используя это название в своих мемуарах, хотя они и не являлись подлинными нигилистами по своему мировоззрению.

Нигилизм нашел яркое отражение в духовной сфере мира радикальной интеллигенции 1870-х годов. Это было обусловлено тем, что почти все социалисты-семидесятники, будучи еще подростками, испытали на себе огромное воздействие произведений Д.И. Писарева. «Статьями его захлебывались, мысли его воспринимались с благоговением», - вспоминал «чайковец» С.Л. Чудновский [2]. Сочинения Д.И. Писарева имели огромный успех среди значительной части подрастающей молодежи.

Сторонник рационализма, Д.И. Писарев в своих статьях («Реалисты», «Схоластика XIX века», «Бедная русская мысль», «Мыслящий пролетариат» и др.) подвергал осмеянию и критике все общественные авторитеты, казавшиеся ему не основанными на разуме. В его глазах господствовавшие религиозные и эстетические понятия были лишь обветшалой рухлядью, тянущей человека «к царству рутины, умственного бессилия, вреда и мрака»[3]. Кроме того, Д.И. Писарев являлся противником любых ограничений прав личности. «Самое драгоценное достояние человека – его личная независимость, его свобода», - утверждал он [4].

Все эти идеи Д.И. Писарева как нельзя более соответствовали возрасту 14 -17 лет – времени становления личности и пробуждения мысли. Индивидуалистический и бунтарский пафос его статей был необычайно созвучен подростковому максимализму его читателей и на некоторое время удовлетворял их умственные запросы.

Но в дальнейшем пути Д.И. Писарева и радикалов 1870-х гг. резко разошлись. Согласно Д.И. Писареву, всякий аскетизм и жертвенность, ради каких бы то ни было идеалов и целей, сковывают развитие личности и приносят ей только вред. По его мнению, природная доброта человека и потребность в разумном самоуважении, соединенные с высоким умственным развитием, приведут к тому, что каждая отдельная личность из расчета собственной пользы будет действовать во имя идей общечеловеческой любви и общечеловеческой солидарности. Единственной же целью деятельности нового, разумного человека должно быть, в соответствии со взглядами Д.И. Писарева, только просвещение, причем прежде всего в так называемых образованных слоях общества.

Радикальная молодежь 1870-х гг. отвергла эти идеи. Народники не согласились с крайним индивидуализмом Д.И. Писарева, с его теорией разумного эгоизма. В сознании юных радикалов его программа была воплощением умеренности и аккуратности, не оставлявшей места никаким героическим и жертвенным порывам. Как правило, достигнув 18-19 лет, будущие социалисты 1870-х гг. уже не признавали Д.И. Писарева своим учителем. На смену ему пришли другие «властители дум» молодого поколения – П.Л. Лавров, М.А. Бакунин, П.Н. Ткачев, Н.К. Михайловский. Несмотря на признание важности личностного, индивидуального развития, народники подчинили свою жизнь общественным идеалам и ценностям.

Так называемая «кружковщина» начала 1870-х гг., для которой было характерно отрицание лидерства, любых проявлений централизма, диктаторства и дисциплины, также является результатом влияния нигилизма. В народническом подполье сложилось негативное отношение к созданию четко структурированных, централизованных организаций. «При одном лишь упоминании об «организации», а

тем более «централистической», многим из нас уже рисовалась мистификация Нечаева» [5], - вспоминал Л.Г. Дейч. С понятием о строго централизованной, дисциплинированной организации непосредственно связывалось представление о бесконтрольности и обмане одних по отношению к другим. В связи с этим деятельность «чайковцев», к примеру, регламентировалась исключительно силой общественного мнения, признавалось полное равенство в несении административных обязанностей, отсутствовало какое-либо принуждение или давление, каждый выбирал себе дело по своим склонностям. Отдельные «кружковцы» могли совсем отстраняться от всяких дел, а затем вновь включаться в работу. В показании от 14 апреля 1874 г. А.В. Низовкин сообщал, что среди «чайковцев» нет ни старших, ни младших, а все «равнозначащи, и каждый действует соответственно обстоятельствам» [6].

Нигилистические идеи ярко проявились в решении женского вопроса в народнический период. Женщины заняли прочные позиции в противостоявшей правительству народнической среде, что воспринималось крайне враждебно общественным большинством. Сами же семидесятники считали отношения на равных и подчинение всех единым организационным нормам наиболее целесообразными для успеха общего дела. По словам П.А. Кропоткина, в радикальной среде отрицали те «мелкие знаки внешней вежливости, которые оказываются так называемому слабому полу», приоритетными подпольщики считали товарищеские отношения [7]. Эмансипация женщин и их активное участие в народническом движении являются производными нигилизма 1860-х гг.

Огромное влияние нигилизм оказал на образ жизни и внешний облик молодых народников. Чувствуя себя не столько носителями определенной политической идеи, сколько творцами новой культуры, молодые революционе-

ры воспринимали мир через призму этой культуры и соответствующим образом стремились организовать свой быт. Революционная бунтарская среда 1870-х гг. выстраивала свою повседневную жизнь по-нигилистически. Небрежность костюма, неупорядоченный образ жизни являлись общими для большинства бунтарей того времени. Л.Г. Дейч писал в своих воспоминаниях о том, что «многие из нас тогда редко прибегали к ножницам и гребню, почему наши волосы находились в “живописном беспорядке”», и появление на людях «в нечесаном и растрепанном виде» было, по наблюдению Н.А. Морозова, отличительной чертой «нигилизма» [8].

Среди народников сохранялись в моде неотъемлемые атрибуты нигилистического костюма: плед и синие или темные очки, которым преимущественно отдавали предпочтение сочувствовавшие движению студенты и курсистки. По словам В.Г.Короленко, общий вид студенческой среды тех лет представлял собой большое количество «длинных шевелюр, очков и пледов» [9].

Отход от внешних атрибутов нигилизма происходил постепенно и достаточно болезненно. Лишь практические потребности и необходимость конспирации в городской среде заставили народников к концу 1870-х гг. отказаться от нигилистических атрибутов одежды и неупорядоченного образа жизни. Для народников переломным в этом отношении явился 1876 г., когда их движение стало приобретать более определенные формы, на месте нигилистических «общих квартир» начали возникать политические организации. Новое состояние подпольного мира требовало нового типа людей, а привычки, образ жизни, круг ценностей большинства семидесятников во многом не соответствовали этим потребностям времени. Поэтому на первый план вышли наиболее рационально мыслявшие представители движения – такие как, например, Г.В. Плеханов или

А.Д. Михайлов, который обратил внимание на элементарные требования конспирации, отказался от обычного «нигилистического» наряда и выдвинул идею организованного централизма [10].

Таким образом, нигилизм как общественное явление 1860-х гг. имел существенное влияние на народничество 1870-х гг. Народническая интеллигенция унаследовала от нигилистов веру в самостоятельность и независимость личности, отрицание традиционных, общепринятых норм и ценностей, признание социального равенства. В то же время крайности нигилизма были преодолены народниками в процессе деятельности. Они постепенно отказывались от неупорядоченности и неорганизованности, вызванных крайним нигилизмом.

Библиографический список

1. См.: Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли: В 3 т. Т.2. М., 1997. С.179.
2. Чудновский С.Л. Из давних лет. М., 1934. С.8.
3. Писарев Д.И. Сочинения. Т.3. М., 1956. С.61
4. Писарев Д.И. Сочинения. Т.2. М., 1955. С.62.
5. Цит. по: Калинин С.В. Психологический фактор в деятельности «Земли и воли» 1870-х годов // Вопросы истории. 1999. №3. С.49 .
6. Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. 1. М., 1964. С.247.
7. См.: Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1988. С.89.
8. Морозов Н.А. Повести моей жизни. Т. 1. М., 1947. С.87, 90; Дейч Л.Г. Роль евреев в русском революционном движении. Т. 1. М. – Л., 1926. С.201; он же. Г.В. Плеханов. Материалы для биографии. С.6.
9. Короленко В.Г. История моего современника. М., 1965. С.309.

10. См.: Калинин С.В. Психологический фактор в деятельности «Земли и воли» 1870-х годов // Вопросы истории. 1999. №3. С.51.

© Г.В. Карандашев (ЯГПУ)

О некоторых последствиях введения казенной винной монополии в губерниях Центрально-промышленного района России

Одним из наиболее заметных мероприятий царского правительства в области питейного дела было введение казенной винной монополии, затронувшей финансовые и бытовые интересы огромного государства. Постепенно, с 1894 г., охватывая всю страну, монополия должна была обеспечить солидные поступления в бюджет и ограничить народное пьянство. Проект казенной винной монополии получил внедрение благодаря активной деятельности министра финансов С.Ю. Витте [1].

В начале XX века казенная продажа вина была введена практически на всей территории Российской империи, за исключением ее отдаленных и малонаселенных мест. В Центрально-промышленном районе России, в который входили Владимирская, Костромская, Московская, Нижегородская, Тверская и Ярославская губернии, монополия начала действовать с 1 июля 1901 г. Акцизным управлениям и полиции, которая была обязана следовать инструкциям Министерства финансов, был поручен контроль над правильной постановкой и ведением казенной продажи питей[2].

Заготовка спирта для казенной винной операции осуществлялась по разверстке между винокуренными заводами, с торгов, хозяйственным способом. Владельцы водочных заводов для выделки водочных изделий были обязаны приобретать спирт у государства. Продажа спирта и вина (40 %) на местное потребление стала составлять исключительное право казны и производиться из казенных мест продажи на вынос в запечатанной посуде. Но частным торговцам было позволено приобретать казенное вино на комиссионных началах, так же, как водочные изделия, пиво, виноградные вина не государственных заводов поступали в продажу в казенные винные лавки. Законодательно были установлены предельные цены и крепость очищенного вина (в современном понимании - водки) – не ниже 40 %. Казенные места продажи делились на оптовые склады и винные лавки, а частные лица могли содержать оптовые склады пива, меда, русских виноградных вин, коньячные склады, трактиры, винные лавки, погреба для продажи русских виноградных вин и ренсковые погреба, а также временные выставки для продажи пива, меда и русского виноградного вина[3].

Производившийся спирт поступал на казенные винные склады. В Костромской губернии, например, было организовано четыре казенных винных склада: в Костроме, Галиче, Юрьевце и Ветлуге. Костромской казенный очистной склад № 1, самый крупный в губернии, занимал на Злауустовской улице целый квартал[4].

В Ярославской губернии ректификация производилась на заводе вдовы тайного советника Шубиной-Поздеевой в Ярославле, а в Рыбинске – на ректификационном отделении винного склада. В Ярославле также был построен казенный винный склад, который, по мнению современников, отличался своими размерами и был «самым грандиозным предприятием из числа когда-либо бывших в

области казенных хозяйств»[5]. Совместный оборот двух складов в 1913 г. составил 7,54 млн. литров водки 40°[6].

С введением казенной монополии в губерниях были учреждены попечительства о народной трезвости. С помощью этих организаций правительство стремилось «распространять среди населения здравые понятия о вреде неумеренного потребления крепких напитков»[7]. В целом в этом выразилась основная забота государства о народной нравственности.

Надзор за постановкой питейной торговли оказался неэффективным, но мероприятия по отвлечению от пьянства собирали много народа. Населением центральных губерний довольно охотно посещались чтения с туманными картинками, но к деятельности попечительств народ относился равнодушно[8].

Кроме благоприятных для правительства финансовых результатов (в 1903 году валовой доход казны составил 541 млн. руб., а чистая прибыль равнялась 387 млн.; в 1913 году – соответственно 893 и 675 млн. руб. [9] и улучшения качества водочных изделий, казенная винная монополия имела отрицательные стороны.

Одним из неблагоприятных последствий введения казенной продажи вина в Центрально-промышленном районе стало развитие уличного пьянства. Для пьяниц-бедняков посещение трактиров было неприемлемым из-за того, что требовалось покупать пищу, а, кроме того, их туда не всегда пропускали. Крестьяне, приезжавшие на базар, также распивали вино на улице, а потом направлялись в чайные, где приобретали пищу и чай. В Костроме нередким было явление, когда крестьяне в чайной Попечительства о народной трезвости заказывали пищу, затем на улице, после посещения казенной винной лавки, распивали водку, а потом возвращались в чайную и закусывали[10].

Примеров отрицательного влияния питейной реформы на нравственность населения Центрально-промышленного района довольно много. Так, в Нижнем Новгороде на улице Миллионной, которая и до монополии имела дурную славу благодаря обилию трактиров и гостиниц низшего сорта, с введением казенной продажи все безобразия, творившееся в стенах этих заведений, вышло наружу. Босяки и не имевший занятий люд обоего пола был вытеснен из насиженных мест. Всякий проходящий по ней видел толпу пьяных, расположившихся вдоль улицы в районе казенной винной лавки. Целыми рядами там сидели торговки, вместе с закусками предлагая стаканчик. Одиозное преследование группового распития спиртных напитков на улицах в Костромской губернии его несколько снизило, но новой особенностью здесь стало то, что вино по-прежнему потребляли вне дома, но в одиночку, из посуды в 1/100 и 1/200 ведра[12].

Отсутствие мест распития при казенных винных лавках приводило к непомерному развитию уличного пьянства, усугублявшегося тем, что народ пил на голодный желудок. Но следует отметить, что зажиточный крестьянин мог позволить себе ежедневную чарку вина и дома, что особенно не сказывалось на его материальном благополучии[13].

Введение казенной винной монополии привело к развитию тайной продажи вина – шинкарству. Периодика того времени пестрела сообщениями о его вреде. В статье под названием «Деревенское зло», опубликованной в «Нижегородской земской газете» в 1909 г., сообщалось, что огромный вред деревенским жителям приносила нелегальная продажа вина. В некоторых селениях спиртное можно было купить почти в каждом доме.

В базарных селах шинкарили почти во всех чайных. Бакалейные лавки также торговали водкой. Достать спирт-

ное можно было в любой час дня и ночи. Шинкари закупали водку в казенных винных лавках – крупные чуть ли не целыми возами. Доход варьировался от нескольких копеек до 10 руб. в сутки, смотря по смелости торговца и его популярности. Особенно бойкая торговля в шинках замечалась накануне праздников и вообще в то время, когда винные лавки были закрыты.

Результатом деятельности шинков было развитие хулиганства, усиление разврата, вовлечение в пьянство женщин и детей и т.п. Особенно вредны они были тем, что в них водку отпускали не только на деньги, но и на вещи, до хлеба и одежды включительно. В них пропивался не только домашний скarb, но и целые постройки. В шинках нередко принимали и отлично прятали концы ворованного. Таким образом, тайная торговля вином служила одной из причин обнищания населения и преступности [14].

При этом в Министерстве финансов прекрасно осознавали, что резкие ограничения в торговле спиртными напитками приводят к развитию шинкарства. По ходатайству С.Ю. Витте, в Нижнем Новгороде (особенно на ярмарочной территории, во время большого скопления народа), помимо предполагавшихся к открытию казенных винных лавок, следовало сохранить простонародные распивочные заведения (по старому - кабаки). Полное устранение или даже чрезмерное сокращение их числа в данной ситуации привело бы к «возникновению притонов разгула и бесчинства», борьба с которыми силами полиции и акцизного надзора, как показала предыдущая практика, была крайне неудачна[15].

Введение казенной продажи питей привело к возникновению ряда противоречий между местным самоуправлением и центральной властью.

Во-первых, были прекращены сборы в пользу земств с патентов на заводы и заведения для изготовления

и продажи питей (25% патентного сбора шло в пользу земств). Все же правительство постановило давать временное вознаграждение, соответствующее среднему поступлению этих сборов за пятилетие 1896-1900 гг. [16].

Во-вторых, отклонялись различные ходатайства земств об улучшении положения в питейном деле, например, прошение ярославского губернского земского собрания о передаче в ведение земства попечительства о народной трезвости, плохо справлявшегося со своими обязанностями [17].

В-третьих, вследствие введения монополии понесли убытки сельские общества, получавшие выплаты от содержателей питейных заведений. Эти доходы служили важным подспорьем в покрытии различных расходов, в том числе, в устройстве и содержании школ, народных библиотек. Они стали покрываться специальными подушными податями и поземельными сборами [18].

В-четвертых, большинство ходатайств сельских обществ о прекращении питейной торговли на своих территориях (независимо от истинных целей приговоров), нередко поддержанных земским начальством, в связи с финансовыми интересами правительства, не утверждались [19].

Валом [19] осуждалась политика обогащения государственной казны за счет спаивания населения. Так, в Ярославской губернии земской Комиссией по разработке предложений о преобразованиях в связи с предстоящим введением народного представительства в России было предложено в 1905 году «...рассмотреть вопрос о производящей повсеместно в губернии свободной торговле ядами, иначе говоря, о существенных мерах борьбы с народным пьянством, уничтожающем человеческое достоинство населения» [20], и « о борьбе с народным невежеством путем обращения на этот предмет значительных государственных средств (не менее 100 млн. рублей)» [21].

Таким образом, с введением монополии власть не справилась с двумя официально поставленными задачами: получением прибыли от продажи алкоголя и одновременно защитой народной нравственности. Заинтересованность казны в получении наибольшего дохода препятствовала как правительственным учреждениям, так и общественным организациям в деле борьбы с народным пьянством и на территории Центрально-промышленного района, и по всей России в целом.

Библиографический список

1. Краткий очерк 50-летия акцизной системы взимания налога с крепких напитков и 50-летия деятельности учреждений, заведующих неокладными сборами. СПб, 1913. С. 113.
2. Там же. С. 119-121.
3. Свод законов Российской империи. Свод Уставов об Акцизных Сборах. СПб, 1904. Ст. 525, 532, 553, 554, 555, 567.
4. Ковалева Л. «...Не отпускать ни одной капли!..» // Родина. 1999. № 11. С. 71.
5. Данилова М. Когда в октябре 17- го в Питере брали власть, в Ярославле – пьянствовали // Северный край. 1998. 7 октября.
6. Государственный архив Ярославской области (далее ГАЯО). Ф. 485. Оп. 1. Д. 830. Л. 30.
7. Свод законов Российской империи. Устав Попечительств о народной трезвости. СПб, 1904. Прил. к ст. 524.
8. ГАЯО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 830. Л. 64-67, Ф. 140. Оп. 1. Д. 644. Л. 63.
9. Грановский Л. Алкоголизм и кооперация. 3-е издание. М, 1919. С. 10.
10. Ковалева Л. «...Не отпускать ни одной капли!..» // Родина. 1999. № 11. С. 71-72.

11. Государственный архив Нижегородской области (далее ГАНО). Ф. 63. Оп. 268/1. Д. 149. Л. 446-447.
12. Ковалева Л. «...Не отпускать ни одной капли!..» // Родина. 1999. № 11. С. 71-72.
13. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. 6629. Л. 57.
14. Деревенское зло // Нижегородская земская газета 1909. № 47. 3 декабря.
15. ГАНО. Ф. 718. Оп. 221а. Д. 6. Л. 2.
16. ГАЯО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 830. Л. 203-207 об.
17. Там же. Л. 211.
18. Там же. Л. 10-10 об.
19. ГАНО. Ф. 63. Оп. 268/1. Д. 384. Л. 1-48; ГАЯО. Рф. Ф. 217. Оп. 1. Д. 27. Л. 1-54.
20. ГАЯО. Ф. 485. Оп. 1. Д. 823. Л. 30-31.
21. Там же. Л.31.

**© М.А. Шелоумов (Рос. Академия Правосудия
при Верховном Суде РФ)
Вклад Н.П. Карабчевского в развитие
дореволюционной адвокатуры**

Становлению современного института адвокатуры способствует использование накопленного профессионального опыта дореволюционной адвокатуры. Видное место среди ее лучших представителей занимал Николай Платонович Карабчевский.

Как адвокат, известный своими демократическими взглядами, он участвовал в процессах «193-х» (1877-1878), «Мултанском деле» (1895–1896), «О Кишиневском погроме» (1903), Г.А. Гершуни (1904), Е.С. Сазонова (1904), «Деле Бейлиса» (1913) и др. Целый ряд громких уголовных процессов, например, Мироновича (1884), Имшенецкого (1885), Ольги Палем (1895), братьев Скитских (1900) прошел при его талантливой поддержке. С 1878 до 1917 г., как

правило, он вел политические дела либо один, либо во главе группы адвокатов. В 1895 г. Карабчевский был избран членом Совета присяжных поверенных Петербургской судебной палаты. После смерти Ф.Н. Плевако в 1908 г. он – признанный лидер российской адвокатуры. С 1913 г. – бессменный председатель Петербургского совета присяжных поверенных.

Н.П. Карабчевский был очень разборчив в выборе клиентов: отказался защищать пользовавшегося дурной репутацией журналиста В.П. Буренина, летом 1917 г. – балерину М.Ф. Кшесинскую.

Он никогда не делал записей текстов своих выступлений и поступал так по принципиальным соображениям, поскольку считал, что «только недостаток прилежания, труда или времени может привести адвоката к необходимости беспрестанного возбуждения своей памяти путем заглядывания в книги, заметки и т.п. Внешний прием, свидетельствующий о том, что адвокат, выступая в суде, «держит все нужное в своей голове», доказывает только, что он вполне овладел своим предметом и что в дальнейшей подготовке «на скорую руку» он больше не нуждается. Это такая оригинальность для всякого умственного работника, претендующего на общественное значение и внимание»[1.С.89]. Он принадлежал к числу тех немногих истинных мастеров устного слова, которым было бы даже немного стыдно, и, во всяком случае, очень скучно повторять заранее написанное. Когда встал вопрос об издании его сборника речей, известный адвокат попал в затруднительное положение, так как, по собственному признанию, «по складу своего темперамента и по характеру он не относится к числу ораторов, заранее пишущих произносимые ими затем речи»[2.С.2].

С 1869 по 1905 гг. Карабчевский состоял под негласным надзором полиции как «неблагонадежный». В

1878 г. жандармы инкриминировали ему участие в анти-правительственной панихиде, в 1899 г. - сбор средств в пользу нелегального Красного Креста, в 1900 г. и 1903 г. - "неуместные суждения о действиях администрации" на судебных процессах.

В конце 1903 г. директор Департамента полиции А.А. Лопухин по поручению министра внутренних дел В.К. Плеве вызвал Карабчевского и потребовал от него под угрозой административной ссылки отказаться от публичных разоблачений жандармского беззакония. Лопухину не удалось добиться этого.

В 1904 г. Карабчевский участвовал в общественных кампаниях против карательной политики самодержавия, подписал протест 112 литераторов и ученых (В.Г.Короленко, В.И. Семевскова, П.Ф. Якубовича и др.) императору Николаю II (декабрь 1904 г.) против расправы полиции с участниками студенческой демонстрации 28.11.1904 г. на Невском проспекте в Петербурге. В марте 1905 г. он один из создателей Всероссийского союза адвокатов. Считая себя только судебным, но не политическим деятелем, Карабчевский не примкнул ни к одной политической партии, писал едкие эпиграммы на кадетов, эсеров и социал-демократов.

Как человек активной жизненной позиции, он не мог стоять в стороне от общественной жизни, от событий, имеющих судьбоносное значение для всего народа. В декабре 1904 г. Карабчевский учредил особый благотворительный фонд для молодых адвокатов.

В марте 1906 г. он баллотировался под номером 4 в депутаты Государственной Думы от внепартийного комитета Спасского района г. Петербурга.

В сравнительно короткое время он успел создать себе прочное положение среди лучших русских присяжных поверенных и приобрести широкую известность.

Будучи председателем Чрезвычайной комиссии по расследованию германских зверств и нарушений правил и обычаев ведения войны (1914-1918), он готовил издание материалов комиссии, встречался с министром внутренних дел князем Г.Е. Львовым, принял участие в двух концертах-митингах, устроенных с благотворительной целью для нужд военнопленных. Труды комиссии были переведены на французский язык и разосланы всем союзным дипломатам.

Летом 1917 г. Карабчевский выехал в Швецию для сбора сведений о положении русских военнопленных. Октябрьскую революцию он воспринял как разрушительную «крайность» и на родину не вернулся: эмигрировал в Норвегию, затем переселился в Данию, в Италии примкнул к легитимистскому движению и стал официальным генеральным представителем великого князя Кирилла Владимировича. В 1921 г. он организовал в Риме «интимный театр» «Русская ласточка», а попытка издания популярной библиотеки «Русское право» не имела успеха, как и попытка перенесения русского права на эмигрантскую почву. Тогда же он написал и опубликовал в эмигрантских изданиях литературные работы «Тени прошлого» (о Достоевском, Тургеневе, Толстом, Чехове). Умер он 6 декабря 1925 г. в г. Риме и похоронен там.

Нельзя обойти стороной пристрастие Н.П. Карабчевского к литературе. Приблизительно ко времени окончания Петербургского университета (1875г.) относится написание одного из первых его известных литературных произведений — неопубликованная драма «Жертва брака». В 1874—1879 гг. он сотрудничал в газете «Неделя», выступая с заметками публицистического и юридического характера. С середины 80-х гг. печатал юридические статьи в журналах «Вестник Европы», «Право», «Русская мысль»,

«Северный вестник», «Наблюдатель», «Русское богатство». Успех у читателей имели повесть Н.П. Карабчевского «Приподнятая завеса» (1892 г.), автобиографический роман «Господин Арсков» (1893 г.), в котором критически изображена петербургская адвокатура.

Дружба Карабчевского с адвокатом С.А. Андреевским, который к тому же был успешным литератором, способствовала соперничеству этих двух людей и в итоге стимулировала литературную деятельность Николая Платоновича, убежденного в том, что «от адвоката-оратора требуют серьезной... общелитературной подготовки, живого, наблюдательного ума и значительной дозы творческого инстинкта»[З.С.27].

Мемуары Карабчевского «Что глаза видели в детстве» (ч.1-2), изданные в Берлине в 1921 г., – ценный источник по социально-политической истории России конца XIX- начала XX вв., не лишённые, правда, элементов идеализации, как впрочем, и любые детские воспоминания.

Стремясь поднять правовую культуру России, Карабчевский писал статьи о французской адвокатуре, редактировал материалы английских судебных процессов.

В юности он играл на любительской сцене, среди его ролей — Гамлет, Чацкий. Страстный театрал (играл в любительских спектаклях с А.И. Южиным), меломан, меценат, Карабчевский дружил с К.А. Варламовым, Л.В. Собиновым, В.Ф. Комиссаржевской, О.Л. Книппер-Чеховой и другими деятелями культуры, был близко знаком с А.П. Чеховым. В домашнем театре Карабчевского В.Е. Мейерхольд поставил пантомиму «Влюбленный» на музыку К.Дебюсси (1912 г.).

В своем доме Карабчевский устраивал концерты и спектакли в пользу благотворительных учреждений с участием лучших артистов и музыкантов, неоднократно выступал в его доме известный тенор страны Л.В. Собинов.

Яркими, незабываемыми были эти вечера, такими они и остались в памяти драматической актрисы, педагога, жены талантливого артиста В.И. Качалова Е.И. Тим (1884-1968). «В Петербурге в то время был один очень богатый дом, особняк на Знаменской улице, выстроенный архитектором Растрелли, который широко принимал артистов. Приглашение в этот дом подчеркивало степень популярности молодого выдвигающегося артиста. И вот мы с мужем были туда приглашены. Посетители платили огромные деньги за билеты, так как могли увидеть в интимной обстановке и в необычайной, часто шуточной программе всех знаменитостей города. Этому вечеру-концерту предшествовали репетиции. По субботам собирались артисты всех профессий; радушные хозяева угощали великолепным ужином; было весело и непринужденно» [5.С.174].

Карабчевский не жалел сил, времени и денег на общественную и благотворительную деятельность. В Государственном архиве РФ в его фонде сохранилось большое количество квитанций, подтверждающих это.

И даже бывая на отдыхе, Николай Платонович не отгораживался от проблем кипучей действительности. Так, будучи в Ялте в августе 1901 г., он занимался устройством литературного вечера, вырученные деньги от которого должны были пойти на помощь бедным чахоточным больным, приехавшим в Ялту на лечение. Карабчевский привлек к участию в вечере А.П.Чехова и О.Л. Книппер-Чехову, с которой он познакомился на обеде, устроенном петербургскими писателями артистам Московского Художественного театра 4 марта 1901 г.

Проведенное исследование позволило прийти к выводу, что деятельность Н.П. Карабчевского была многогранной. Его творческое наследие включает стихи, прозу, переводы (в том числе У. Шекспира, Г. Гейне), критику, судебные очерки и речи, а также удачно выигранные дела.

Его статьи и судебные речи явились отражением общественного настроения, царившего в определенной части русского общества в тот период, и в этом их несомненная ценность. Большое значение имела его общественная благотворительная деятельность, которая способствовала формированию его имиджа. В силу своих личностных качеств и будучи неординарным и талантливым человеком, он всегда стремился быть полезным обществу и отдельным людям.

Библиографический список

1. Карабчевский Н.П. Около правосудия. Статьи, сообщения и судебные очерки. СПб., 1902. С. 89.
2. Карабчевский Н.П. Речи. 1882-1902. Изд. 2-е доп. СПб., 1902. С. 2.
3. Карабчевский Н.П. Современная французская адвокатура и новая школа судебного красноречия. СПб., 1891. С. 27.
4. Карабчевский Н.П. Тени прошлого (о Достоевском, Тургеневе, Толстом, Чехове) // Жизнь искусства. 1921. 9-12 апреля.
5. Собинов Л.В. Статьи, речи, высказывания. Воспоминания о Л.В. Собинове. Т.2. М. 1970. С. 174.

© О.В. Дубичев (ЯГПУ)

К вопросу о разработке Нового лесного кодекса в 1910-е гг.

В конце XIX века в России развитие лесной промышленности привело к тому, что масштабы лесодобычи увеличивались быстрыми темпами. Для того, чтобы упорядочить процесс вырубki леса и предотвратить хищниче-

ское использование данного вида ресурсов, правительство приняло ряд законов по охране лесов и регламентации деятельности в них (прежде всего речь идет о законе от 4 апреля 1888г.). Позднее вводили новые распоряжения и законодательные акты, но уже к началу 1910-х годов началась разработка Нового лесного устава, проект которого широко обсуждался в печати и обществе в 1912 – 1913 гг. Существовала ли необходимость в таком проекте, или ситуацию можно было решить в рамках существующего законодательства?

Для ответа на данный вопрос следует выяснить, насколько деятельность лесоохранительных комитетов соответствовала реальным нуждам охранной деятельности, какие меры предпринимало правительство по поощрению лесоохранной деятельности со стороны населения, насколько эффективно пресекались попытки нарушения законодательства.

Одна из главных задач, стоявших перед правительством в этот период, заключалась в сохранении лесных ресурсов страны, особенно в ее западных и центральных губерниях. Этому должны были способствовать *лесоохранительные комитеты*, на которые возлагалась ответственность за исполнение Положения о сохранении лесов от 4 апреля 1888 г., а также Лесного устава. Всего в России было создано 67 комитетов, в состав которых входили 656 членов, но только 147 лиц из этого числа непосредственно заведовали надзором и охраной 55,5 млн. дес. лесов (в среднем по 377,5 тыс. дес. на чел.). Наряду с чинами лесоохранительных комитетов, в состав местного лесоохранительного надзора входили еще 5 150 лиц [1]. В основном это были низшие чины полиции и земские начальники, которые исполняли дополнительно возложенные на них обязанности «по мере своих сил». Таким образом, кадровый вопрос изначально стоял очень остро, и в таковом состоя-

нии не удивительно, что деятельность лесоохранительных комитетов во многом носила бумажный характер.

Особое место в данных законодательных актах отводилось сбережению защитных лесов, роль которых в сохранении экологического баланса была значительна. Так, в такого рода лесах запрещалась любая рубка деревьев и вводились серьезные ограничения на пользование этими территориями.

В то же время за период 1886 – 1906 гг. доходность лесного хозяйства возросла в четыре раза (с 14,3 до 58,2 млн. руб.), а чистый доход – в пять раз. За первые семь лет XX века вывоз леса за границу в сыром виде вырос на 125%, а обработанного – на 65%. Правда, рост этих показателей происходил не за счет интенсификации использования лесных ресурсов (по доходности лесов – 16 коп. на дес. – Россия стояла на одном из последних мест в Европе, так как этот показатель в Германии, например, составлял 16 руб.), а за счет увеличения вырубki лесов. В конечном итоге, это привело к обезлесиванию центра и юга России, где процент лесистости колебался от 1,6 до 28,3. Данные статистики (с 1887 по 1907 г. площадь лесов сократилась с 90 млн. до 81,8 млн. дес., т.е. более чем на 8 млн.) и выводы специалистов того времени говорят о том, что убыль лесов в центральных районах шла теми же примерно темпами как до, так и после введения в жизнь лесоохранительного закона, но «более половины лесов убывает на законном основании – с разрешения лесоохранительных комитетов»[3].

Таким образом, многие положения лесоохранительного закона, прежде всего в сфере организации лесоохранительного управления, требовали доработок и пересмотра.

Кроме мер по сохранению лесных ресурсов правительство большое внимание уделяло мероприятиям, направленным на поощрение развития лесного хозяйства и

лесоводства, к которым оно относило премии, налоговые льготы и мелиоративный кредит.

В Своде законов была статья о *выдаче листов и медалей* за особые заслуги в деле лесоразведения или «за труды и успехи в сельском хозяйстве»[4]. Так, по линии лесного департамента предусматривалась ежегодная выдача 291 премий; на нее могли рассчитывать жители 27 губерний, большая часть из которых находилась в южных и центральных районах России[5]. На практике дело с выдачей премий обстояло плачевно. Как свидетельствует статистика лесного департамента, за 25 лет существования закона с 1876 по 1902 из 1456 премий было выдано только 69, или 4.7% [6].

Одна из статей Лесного кодекса предусматривала освобождение от земских и государственных земельных сборов не только защитные леса, но и *искусственные лесонасаждения* в течение 30 лет со времени посадки [7]. В действительности же лесовозобновление имело место только на 57% от общей площади лесосек в 42 губерниях, причем около $\frac{1}{3}$ засеянных культур оказалась неудачной. В итоге относительный показатель лесовозобновления становился еще ниже и составлял 37,6%. Ситуацию не могли исправить даже казенные средства, которые выделялись на облесение. Размер этих сумм в 90-е гг. XIX века был мизерным для такой страны, как Россия, и выражался в 150 – 200 тыс. руб. в год, что составляло 0,49% от общего дохода лесного департамента (для сравнения: в Пруссии этот показатель был 7,5%)[8]. Следовательно, если и можно говорить о лесовозобновлении в тот период времени, то только о естественном, при котором возобновлялись в первую очередь малоценные породы. В результате происходило не только количественное, но и качественное ухудшение лесных богатств страны.

С конца 90-х гг. правительство стало использовать в качестве поощрительной меры *мелиоративный кредит*, который выдавался на срок от 20 до 30 лет на «осушительные, обводнительные или оросительные работы... укрепление берегов рек... лесоразведение... расчистку неудобных земель»[9]. Но, как свидетельствуют работы А.П. Корелина и Н.А. Проскуряковой, из кредита общим объемом 10,9 млн. руб. на собственно мелиоративные цели было использовано только 4,9 млн. (45%)[10]. Главными заемщиками являлись частные землевладельцы, по большей части крестьяне, центрально-черноземного и нечерноземного районов.

Проблемами осушки, укрепления песков и расчистки неудобных земель занимались землеустроительные органы и земство, но их успехи были более чем скромными. Так, во Владимирской губернии за 11 лет (1907-1917) было укреплено летучих песков 1655 из 20190 дес. (8%), причем $\frac{2}{3}$ этих работ было произведено в 1914 – 1917 гг. [11] В Ярославской губернии силами землеустроительной комиссии за 1909 – 1915 гг. было осушено и раскорчевано 2960,75 и 191 дес. земли соответственно[12]. Эти данные говорят о том, что хотя объемы работ по данному направлению с каждым годом увеличивались, но они не отвечали реальным потребностям страны. Среди главных сдерживающих причин можно выделить недостаток ассигнуемых средств, недостаток специалистов и отсутствие определенного плана работ как в масштабах отдельных губерний, так и страны в целом.

Таким образом, по данному направлению государство в своей законотворческой и практической деятельности больше надеялось на инициативу граждан, чем проводило целенаправленную политику по интенсификации и модернизации сельского хозяйства. Если государство и оказывало помощь в этих вопросах, то она была недоста-

точной и в большей степени ориентировалась на зажиточные слои землевладельцев, так как именно они могли претендовать на мелиоративные кредиты.

Отдельные статьи «Свода законов...» посвящены *вопросам взыскания и наказания за нарушения закона*, которые представлены как в самих Уставах (лесном и о сельском хозяйстве), так и в специальном разделе «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями». Данные статьи можно разделить на две группы: 1) статьи о проступках против общественного благоустройства; 2) статьи о проступках против чужой собственности.

К первой группе относились такие нарушения, как засорение рек и каналов, браконьерство, рубка растущего леса, пастьба скота в лесу, самовольная расчистка леса. К проступкам против чужой собственности относились самовольная охота на чужой земле, похищение из леса деревьев и другие [13].

Наказания за такого рода нарушения предусматривались в виде штрафа в размере от 5 до 300 руб. или ареста сроком от одного до шести месяцев. Последний вид наказания применялся в случае проведения буровых и подземных работ или похищения леса [14]. Как правило, за повторное нарушение штраф увеличивался вдвое. В целом, большинство статей ограничивалось штрафами в пределах 25 – 50 руб. При сравнении штрафов с российскими ценами на продовольствие и другие товары в начале XX в. (хлеб – 6-12 коп., сахар – 50 коп., мясо – 20-45 коп., водка(1 л) – 30 коп., сапоги – 7 руб., корова – 45-60 руб., лошадь – 30-60 руб.) становится очевидным, что для значительной части населения они были достаточно существенными [15].

На основе анализа Отчетов по лесному департаменту по Европейской территории России на протяжении почти 20 лет, с 1890 по 1908 г., можно сделать вывод о том, что основной была тенденция к увеличению количества

нарушений законодательства по главным показателям - незаконные порубки леса и пастьба скота. Общее количество дел за означенный период выросло почти в 2,5 раза. В основном это происходило за счет незаконных вырубок леса. К началу 1910-х гг. лесоохранительные комитеты не справились со своей главной задачей – охраной леса, так как потребность в лесных ресурсах год от года возрастала, а законодательство и комитеты оставались на том же уровне, что в начале 1890-х гг.

Таблица 1

Абсолютные и относительные показатели нарушения лесного законодательства на территории Европейской России в 1890-1908 гг. [16].

Вид нарушения	1890	1893	1896	1899	1902	1905	1908
	абс.	абс.	абс.	абс.	абс.	абс.	абс.
порубки	78390	116738	81290	161264	141831	131485	211305
пастьба	18031	27731	17693	34960	3680	19576	32945
пожары	3466	2704	3007	3857	1373	2923	3948
кол-во дел	99887	147173	101990	200081	146884	153984	248198

Итак, к началу 1910-х гг. необходимость в пересмотре законодательства (Устава лесного и закона от 4 апреля 1888 г.) по вопросам природопользования и охраны отдельных видов природных ресурсов (прежде всего лесных) стала очевидной не только для передовых представителей общества, но и для правительства, что и нашло свое отражение в разработке проекта нового Лесного устава.

Библиографический список

1. Зайцев Д.М. Лесное законодательство (комментарии к проекту нового Лесного устава). СПб., 1913. С. 14-15.
2. Зайцев Д.М. Государственное лесное хозяйство в связи с аграрной реформой и нуждами промышленности. СПб., 1910. С. 10.
3. Там же. С. 16
4. Свод законов..., Т. XII. Устав сельскохозяйственный. Ст. 35. С. 220.
5. Там же. Т. VIII. Устав лесной. Прил. к ст. 721. С. 95.
6. Краткий обзор деятельности казенного лесного управления за 1898 – 1902 гг. СПб., 1903. С. 171.
7. Там же. Ст. 810. С. 69.
8. Зайцев Д.М. Государственное лесное хозяйство в связи с аграрной реформой и нуждами промышленности. СПб., 1910. С. 24.
9. Там же. Т. XII. Устав сельскохозяйственный. Ст. 68. С. 223.
10. Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М., 1988. С. 40; Проскуракова Н.А. Земельные Банки Российской империи. М., 2002.
11. Труды 2-й конференции по изучению производительных сил Владимирской губернии. Доклад Д. Жулида «Лесомелиоративные (песчано-овражные) работы во Владимирской губернии за 1907 – 1917 гг. и перспективы возобновления их в ближайшее будущее». Владимир, 1926. С. 3.
12. Землеустройство в Ярославской губернии за 1914 и 1915 г. Ярославль, 1916. С. 54-57.
13. Свод законов..., т. XV. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Ст. 52-57. С. 189-190; Ст. 146-158. С. 200-201.
14. Там же.

15. Новейшая история Отечества. XX век: Учебн. для вузов / Под ред. А.Ф. Киселева. М., 1999. С. 32.

16. Таблица составлена на основе Отчетов по Лесному департаменту Министерства земледелия и государственных имуществ за 1890, 1893, 1896, 1899, 1902, 1905, 1908 годы.

© Г. Н. Кочешков (ЯГПУ)

Большевики и частные земельные собственники: первые конфискационные мероприятия

Перед вновь организовавшейся властью стояла колоссальная по своей трудности задача: проводить аграрную политику в условиях стихийного крестьянского движения, игнорировать которое было невозможно – всякое правительство, пошедшее против него, было бы неизбежно сметено. Власть могла принадлежать правительству, взгляды которого соответствовали бы крестьянской психологии. Большевики пришли к власти не потому, что у них была «новая» версия революции, а потому, что они предложили радикальный способ решения аграрного вопроса.

Первые земельные законы исходили из необходимости «временного» союза большевиков с крестьянством. Декрет о земле, принятый 26 октября 1917 г., как раз и предполагал привлечь на сторону большевиков крестьянство как временного союзника, оторвав его от частных земельных собственников. Согласно декрету, «помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные со всем их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов впредь до Учредительного собрания» [1], причем Советам крестьянских депутатов вменялось в обязанность принять все меры к соблюдению строжайшего порядка при конфискации имений и недопущению какой-либо порчи конфискованного имущества.

В основу Декрета о земле был положен крестьянский наказ 242-х, подготовленный фракцией трудовиков. Чем же объяснить, что В. И. Ленин, фактически отказавшись на время от аграрной программы большевиков, предложил утвердить в качестве закона документ, опровергав-

ший ряд марксистских догм? Это блестящий тактический маневр, осуществленный вождем большевизма, с целью привлечения гигантской крестьянской массы на свою сторону. Игнорировать требования крестьян, действия которых были бы на руку большевикам, было крайне неразумно. С помощью крестьян большевики мечтали укрепить свои политические позиции; для этого необходимо было пойти на уступки крестьянству. Крестьянский наказ заранее, до созыва Учредительного собрания, предопределял ход решения аграрного вопроса, хотя эту функцию (правовую) мог взять на себя только законодательный орган. Согласно наказу, «право частной собственности на землю отменяется навсегда; земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т. д. отчуждается безвозмездно, обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней» [2]. Одновременно с землей, как сказано в ст. 5 Наказа, весь хозяйственный инвентарь, живой и мертвый, «переходит в исключительное пользование государства или общины, в зависимости от величины и значения их, без выкупа» [3].

В крестьянском наказе важное место занимали положения, определявшие порядок распределения конфискованных земель между крестьянами. Основная идея: «Право пользования землею получают все граждане (без различия пола) Российского государства, желающие обрабатывать ее своим трудом, при помощи своей семьи или товариществом, и только до той поры, пока они в силах ее обрабатывать. Наемный труд не допускается» [4]. Землепользование должно быть уравнительным, т. е. земля распределяется между крестьянами по трудовой или потребительской нор-

ме. Распределение земли поровну между всеми желающими ее обрабатывать своим трудом было безусловным требованием крестьян. Но что характерно: крестьянский наказ признавал свободу всех форм пользования землей (подворную, хуторскую, общинную, артельную и пр.). По существу, крестьянский наказ не выступал против капитализма, так же как и не являлся активным проводником социалистических идей. Провозглашая отмену частной собственности на землю, он допускал существование основных элементов капиталистической структуры сельского хозяйства России в лице местных товаропроизводителей – хуторян и отрубников. Это не устраивало большевиков, однако В.И. Ленин не пошел на конфликт с крестьянством, крестьяне ему были еще нужны: «Крестьяне хотят оставить у себя мелкое хозяйство, уравнительно его нормировать, периодически снова уравнивать... Пусть. Из-за этого ни один разумный социалист не разойдется с крестьянской беднотой. Если земли будут конфискованы, значит, господство капитала подорвано, - то при господстве пролетариата в центре, при переходе политической власти к пролетариату, остальное приложится само собою» [5].

После принятия Декрета о земле большевики организовали широкую кампанию по претворению в жизнь земельного закона. В деревни направлялись тысячи эмиссаров из городов, которые поднимали бедноту на борьбу с частными землевладельцами. Порядки наводили в деревнях быстро и решительно, ставя во главе Советов крайне радикальных элементов, плохо знакомых с сельским хозяйством, но зато готовых пойти на решительные меры по искоренению и уничтожению частного собственника. Большевик М. В. Головачев вспоминает, что, приехав в ноябре 1917 г. в одно из сёл Дмитровского уезда Орловской губернии, он решил навести в деревне большевистский порядок: собрал сельский сход, рассказал крестьянам о собы-

тиях в Петрограде и предложил организовать Советы. Несмотря на противодействие крестьян-собственников, Совет был избран во главе с солдатами – большевиками. Это послужило сигналом для других сел волости. Вскоре на волостном съезде был дан бой земцам, и вся их деятельность, направленная на защиту помещичьих земель, была решительно осуждена [6].

Но не всегда крестьяне безропотно шли за радикальными элементами. Так, в Тростянской волости Самарской губернии в январе 1918 г. собралось объединенное заседание для решения вопроса о власти. Столкнулись два подхода: один – за власть Советов, другой – за земство и Учредительное собрание. Спорили долго, до хрипоты, не обошлось и без давления со стороны эмиссаров. В результате постановили: «путем прямого, тайного и равного голосования 133 против 71 голоса – признать власть Советов и народных комиссаров. Всякие же другие власти считались гибельными» [7]. Советы побеждали, поскольку большевики обещали дать бедноте землю, отняли ее у частных собственников. Декрет о земле позволял им это сделать, хотя с точки зрения закона и права он не мог быть юридическим документом, ибо, как сказано в крестьянском наказе, «вопрос о земле, во всем его объеме может быть разрешен только всенародным Учредительным собранием» [8]. Земельческих земель шла повсеместно, часто с применением насилия к владельцам имений. В октябре – декабре 1917 г. разгромы имений имели место в землях Курской, Орловской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Симбирской, Уфимской, Нижегородской, Тверской, Тульской, Рязанской, Смоленской и других губерний. При этом разрушались материальные ценности, созданные поколениями тех же крестьян, ценности, которые должны были перейти во владение всего народа. Стихия захлестнула крестьянские

массы, в стремлении ухватить побольше, не опоздать к делу разграбленного крестьяне активно шли на противоправные насильственные действия против частных собственников. Как отмечал лидер большевиков, «народ с плеча рубит крестьянским и рабочим топором буржуазию» [9]. Помещичьи усадьбы пылали в огне пожарищ. Чернский уездный комиссар 2 декабря 1917 г. официально докладывал Тульскому губернскому комиссару: «Положение дел во вверенном мне уезде на минувший ноябрь месяц представляется в следующем виде: разгром частновладельческих имений продолжается с возрастающей силой... Борьба с этими погромами, при отсутствии физической силы, является абсолютно невозможной. Остановить погромное движение, вылившееся в форму стихии, можно только при содействии достаточной и надежной силы» [10].

В деревне столкнулись две линии, два направления в проведении политики аграрных преобразований. Губернские и уездные земельные комитеты, действовавшие еще при Временном правительстве, пытались противодействовать конфискации частновладельческих земель, брали имения под свою защиту, оправдывая свои действия тем, что только Учредительное собрание вправе взять на себя решение аграрного вопроса. Это не могло не вызвать противодействия со стороны бедноты, у которой был свой защитник – Советы крестьянских депутатов, где господствующие позиции занимали лица, близкие по духу к большевикам. Разрушительная стихия вызывалась как поощрительными действиями Советов, так и закрепительными актами земельных комитетов прежнего состава, пытавшимися помешать захватам частновладельческих имений. В ответ на это крестьяне еще больше распухали. Многогочисленные сообщения о погромах в деревне, большевики все же попытались остановить процесс всемерного уничтожения материальных ценностей.

Но как это сделать? Естественно, что большевики не могли использовать военную силу против крестьян, в противном случае пришлось бы воевать с тем социальным слоем населения, на которое большевики сделали ставку, – с беднотой. К тому же большевики сами подтолкнули крестьян на массовые погромные действия, стремясь провести конфискацию помещичьих имений в кратчайший срок и непременно до созыва Учредительного собрания. Единственное средство, которое осталось у большевиков, – убеждение словом. В ответ на запрос председателя Острогожского Совета, как поступить с ценностями разгромленных крестьянами помещичьих имений, В. И. Ленин потребовал: «Составить точную опись ценностей, сбережь их в собранном месте, вы отвечаете за их сохранность. Имена - достояние народа. За грабеж привлекайте к суду. Сообщайте приговоры суда нам» [11]. Вот только вопрос, что там можно было сохранить: помещичьи имения были уже разгромлены.

К сожалению, мы не имеем общих сводных данных о количестве конфискованных имений в первые месяцы большевистского правления по всем губерниям Европейской России. По данным Т.В.Осиповой (ею были проведены статистические исследования по 19 губерниям), к февралю 1918 г. было конфисковано 75 % помещичьих имений и часть крупнокрестьянских хозяйств [12].

Исследования П.Н.Першина по 4 губерниям: Тверской, Рязанской, Московской, Костромской – позволяют сделать вывод о конфискации 79,4 % частновладельческих экономий [13].

Как проходили конфискации имений: стихийно, насильственно или организовано, мирно? Ряд исследователей склоняется к тому, что этот процесс шел организовано, и если разгромы имели место, то были крайне редки. Так, исследователь Е.А. Луцкий насчитал всего 62 случая

разгромов имений в Рязанской губернии за ноябрь – декабрь 1917 г. и за январь 1918 г., в то время как организовано были приняты на учет 766 имений [14]. Таким образом, по подсчетам историка, разгромленные имения после Октября составляли всего 8% по отношению к учтенным по анкетам приемки. В Тверской губернии, по подсчетам Н.С. Журавлевой, в октябре – декабре 1917 г. разгромы имений произошли в 33 случаях. В то же время организовано было принято на учет 810 имений [15].

Вышеприведенные цифры трудно подтвердить и трудно опровергнуть. Сомнения в точности приведенных данных остаются, оснований для этого достаточно. Известно, что в ряде губерний советская власть установилась далеко не сразу после Октябрьских событий. Опросные листы Наркомзема и Мособлисполкома, разосланные весной 1918 г. по губерниям Европейской России, позволяют сделать вывод о том, что в большинстве уездов советская власть установилась в основном в январе – феврале 1918 г. Исследования С.Л. Макаровой по Тверской губернии свидетельствуют: в 48 волостях из 61 советская власть утвердилась именно в эти месяцы. Возможно ли после этого говорить о том, что в ноябре – декабре 1917 г., до установления советской власти, конфискация имений в Тверской губернии происходила организовано, под руководством Советов крестьянских депутатов? В Рязанской губернии в 85 волостях из 91 Советы образовались в январе – марте 1918 года [16]. Кто же брал на учет конфискованные имения? Старый состав волостных комитетов? Однако известно, что земельные комитеты нередко отказывались брать на учёт частновладельческие имения до созыва Учредительного собрания и только после известной депеши Н. Ракитникова (от 20 ноября 1917 г.) в целях предотвращения разгромов земельные комитеты стали брать под свою защиту владельческие экономии, что, в свою очередь, вызвало ярость

бедноты. Зная позицию большевиков в аграрном вопросе - брать землю немедленно, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, крестьянская масса пыталась как можно быстрее и радикальнее решить земельный вопрос. Никто не мог помешать крестьянам в осуществлении своих давних планов: старые земельные комитеты оказались бессильны противостоять мощной стихии, новые органы власть ещё не были созданы. Застрельщиками погромов нередко являлись солдаты, дезертировавшие с фронта. Трудно поверить, чтобы столь радикальная масса разговаривала с помещиками мирно и интеллигентно. Как отмечал А. Устинов, «совершалось неизбежное, то неизбежное, в котором повинно было Временное правительство Керенского, не давшее развиваться здоровым творческим силам революции и расковавшее тем самым стихию разрушения, которую нельзя было уже ввести в русло никакими декретами. Приходилось полагаться на время, на интенсивное строительство из центра, которое справилось бы с течением времени с разбушевавшейся на низах стихией» [17]. Однако стихия праздновала победу: массы успокоились только тогда, когда имение уничтожалось дотла.

Библиографический список

1. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М. – Л., 1928. С. 25.
2. Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 18 -19 августа.
3. См.: Там же.
4. Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 18 – 19 августа.
5. Ленин В. И. Из дневника публициста // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 115.
6. За власть Советов. Сборник воспоминаний. Орел, 1957. С.107 – 111.

7. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Самарской губернии. Документы и материалы. Куйбышев, 1957. С. 185.
8. Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. 1917. 18 – 19 августа.
9. Ленин В.И. Заключительное слово по докладу Совета народных комиссаров // Полн. собр. соч. Т. 35. С.283.
10. Октябрь в Туле. Сборник документов и материалов в борьбе за власть Советов в Туле и губернии в 1917 г. Тула, 1957. С.280.
11. Ленин В.И. Телеграмма председателю Острогожского совета // Полн. собр. соч. Т. 50. С.17.
12. Осипова Т. В. Развитие социалистической революции в деревне в первый год диктатуры пролетариата// Октябрь и советское крестьянство. 1917 -1927. М., 1977. С.50.
13. Першин П.Н. Аграрная революция в России. Историко-экономическое исследование. Кн. 2. Аграрные преобразования Великой Октябрьской социалистической революции (1917 – 1918 гг.). М., С. 206.
14. Луцкий Е.А. К истории конфискации помещичьих имений в 1917 – 1918 г. // Известия АН СССР. Сер. истории и философии. М., 1948 г. Т. V. С. 510.
15. Журавлева Н.С. Конфискация помещичьих имений в Тверской губернии в 1917 – 1918 гг. // Исторические записки. М., 1949. № 29. С.52.
16. Подсчитано по таблицам в статье: Макарова С.Л. О ликвидации помещичьего землевладения (по материалам опросных листов Наркомзема и Мособлисполкома // Октябрь и советское крестьянство. 1917 – 1927. М., 1977. С. 124 – 130.

**© А.А. Борисенко, В.В. Селифонтов (ЯГПУ)
Современный рабочий класс (конкретный мониторинг)**

Проблемы изучения социальной структуры общества, характеристики отдельных его социальных слоев всегда занимали большое место в трудах российских социологов. После ряда демократических преобразований, произошедших в России в начале 90-х гг., этот вопрос стал особенно актуальным. Изменения, проходившие в политической сфере общества в этот период, повлекли за собой и изменения в социальном составе населения. Новые экономические реформы, изменение структуры и форм общественного производства также способствовали этому процессу: в частности, стало возможным формирование новых социальных слоев и, наоборот, размежевание на более мелкие группы основных классов советского общества.

В результате во второй половине 1990-х гг. социальные исследования позволили получить довольно сложную реалистичную картину социальной дифференциации и стратификации российского общества. Так, например, к верхнему слою сегодня относятся политическая и экономическая элита, высшая бюрократия, генералитет; к среднему – мелкие и частные предприниматели, представители бизнес-профессий, финансисты, интеллигенция, работники торговли, квалифицированные рабочие; к нижнему – технические служащие. Несмотря на то, что в этой классификации занимают важное место, количество проводимых исследований этого класса в последние годы резко сократилось, в связи с чем особую актуальность в настоящее время приобретает вопрос изучения облика, черт, основных социальных характеристик современного рабочего.

В последние годы экономические реформы, проводившиеся в стране, уменьшили численный состав рабочего класса, тем не менее именно он остается сегодня значительной силой, обеспечивающей общественное производ-

ство. Большой вклад в этот процесс вносят женщины – рабочие, трудящиеся преимущественно в легкой промышленности.

Проведенное социологическое исследование среди 300 работниц – женщин ткацких фабрик «Корд» и «Красный Перекоп» г. Ярославля выявило следующие результаты.

Большинство опрошенных работниц (более 60%) – это женщины среднего и старшего возраста, имеющие среднее образование. Доля молодых работниц (18-30 лет) и женщин, имеющих высшее образование, незначительна, 10% и 8% соответственно. При этом основная часть из них (более 84%) не меняла места работы последние 15-20 лет, то есть еще с доперестроечных времен продолжает трудиться на фабриках. Несмотря на то, что многие из них (более 50%) недовольны своей должностью, характером работы (и прежде всего из-за низкого уровня заработной платы, который отмечают около 70%), только 20% опрошенных женщин планируют в ближайшем будущем поменять сферу своей профессиональной деятельности, найти новую работу. Эти факты, на наш взгляд, свидетельствуют о низком уровне адаптации женщин-работниц к новым социально-экономическим условиям, сложившимся в стране за период реформ. Об этом прямо заявляют более 52% опрошенных, отмечая, что никогда или нескоро смогут приспособиться к переменам, произошедшим в стране в течение последних 10-15 лет.

Низкий уровень доходов женщин, трудящихся в легкой промышленности, позволяет обеспечивать только минимальные потребительские нужды, считают 48% опрошенных, несмотря на то, что более половины их них (56%) замужем и могут рассчитывать на поддержку семьи.

Таким образом, полученные данные позволяют сделать вывод о том, что современные женщины-работницы

текстильных предприятий – это, как правило, женщины среднего и старшего возраста с низким уровнем адаптации к новым социальным условиям, низким уровнем доходов, работающие в легкой промышленности последние 10-30 лет. Сокращение объемов производства, почти полное прекращение притока молодых кадров, падение престижа и жизненного уровня рабочих-женщин приводит к необратимым последствиям. Улучшить ситуацию поможет только коренное реформирование отечественной промышленности и, прежде всего легкой, текстильной отрасли производства.

В результате социологический опрос выявил, что на предприятиях легкой и текстильной промышленности работают в основном женщины. На предприятиях машиностроения и металлообработки состав смешанный. Проведенные исследования на предприятиях г. Углича Ярославской области дали следующие результаты.

Социологическому опросу были подвергнуты 268 рабочих Угличского часового завода «Чайка», фабрики Берсона и ЭМЗ НПО «Углич». Вопросы анкеты включали в себя состав рабочих по возрасту, материальному положению, политической ориентации, отношению к местной власти и политике, проводимой государством. Результаты исследований выявили следующее.

Возрастной состав опрошенных рабочих варьируется от 18 до 64 лет, при этом средний возраст рабочих на предприятиях, образованных еще до рыночных преобразований (ЭМЗ «Углич» и часовой завод «Чайка»), составляет 43 и 42 года у мужчин и женщин соответственно. И только на фабрике Берсона, возникшей в 90-х гг., преобладают рабочие молодого возраста. На наш взгляд, эти данные доказывают неспособность значительной части рабочих к адаптации и мобильности в условиях рынка.

Уровень доходов рабочих, занятых на предприятиях г. Углича, достаточно низкий, что заставляет около 30% опрошенных иметь дополнительный заработок. Следствием этого является и низкий уровень политического участия рабочих. Занятые решением проблем собственного физического выживания в трудных экономических условиях, 84% из них не ассоциируют себя ни с какими политическими партиями и движениями, действующими в России. Оставшаяся политически активная часть опрошенных рабочих отдает свои голоса партиям «Единая Россия» (9,3 %), КПРФ (5%) и ЛДПР (1,7%).

Несмотря на отсутствие явного интереса к политике и действиям власти, 86% опрошенных рабочих недовольны решениями, принимаемыми местной властью, считая, что основные проблемы социальной политики, государственной поддержки промышленным предприятиям так и остаются нерешенными. Экономические преобразования, проводимые федеральным центром, также не встречают одобрения у значительной части рабочих. Об этом прямо заявляют более 70% опрошенных, которые полагают, что на сегодняшний день государство не может предложить рабочим эффективных способов решения их проблем, прежде всего социальных.

Кроме того, проведенные исследования позволили выявить и проблему нехватки молодых квалифицированных кадров для работы на производстве. Так, сегодня на машиностроительных предприятиях по сравнению с 1990 годом трудится лишь половина рабочих, при этом только электроэнергетика увеличила численный состав работников в 1,5 раза.

Однако рост деловой активности и появление новых технологий заставляет руководство многих предприятий принимать все меры для привлечения квалифицированных кадров. Кроме повышения требований к профессиональной

квалификации принимаемых на работу, на самих предприятиях проводятся тренинги и обучающие мастер-классы, помогающие рабочим максимально быстро адаптироваться к новым современным технологиям и способам производства.

Таким образом, переход промышленности на рыночные рельсы привел к существенным сдвигам в структуре рабочих кадров, в изменении их численности и качественного состава. В связи с сокращением производства существенно сократилась численность рабочих. Тем не менее, повысился интерес к новой технике, передовым технологиям, что требует привлечения на производство высококвалифицированных кадров. Только при эффективной политике руководства предприятий и поддержке со стороны государства возможны значительное улучшение материального положения рабочих, приток молодых высококвалифицированных кадров, повышение объемов производства и выход из кризиса отечественной промышленности.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© А.А. Турыгин (ЯГПУ)

К истории критики “билефельдской школы” социальной истории Г.-У. Велера

В одном из своих многочисленных интервью известный германский историк Ганс-Ульрих Велер, стоявший в 60-70-е гг. XX в. у истоков критически ориентированной социальной истории и остающийся даже после выхода на заслуженный отдых “неутомимым домашним тружеником” [1], заявил, что “не собирается так быстро сдаваться” [2]. Что заставило влиятельного билефельдского историка сделать подобное заявление? Какие обстоятельства стали тем труднопреодолимым барьером, который оказался помехой на пути у целого направления исторических исследований, им возглавляемого в 60-70-е гг. в исторической науке Германии, на фоне её кризиса, влекущего за собой смену парадигм или, по словам Й. Рюзена, “дисциплинарной матрицы” [3], развернулась широкая дискуссия о теоретико-методологических основах истории. В то время свой взгляд на пути реформирования историографии ФРГ, постоянно ссылаясь на её интегративную связь с другими науками, предложили историки, принадлежащие к новому поколению ученых, родившихся в период между 1930 и 1940 гг. Эта радикально настроенная группа историков, одним из лидеров которой был Г.-У. Велер, “хотела изменить не только содержание и методы исторической науки, но и учредить другой научный стиль, который бы основывался на частых дискуссиях и на равном дискурсе, вместо профессорского выступления за кафедрой” [4]. Заявив о необхо-

димости пересмотра теоретико-методологической платформы традиционной исторической науки, молодые историки обратились к социально-исторической проблематике, долгое время остававшейся в тени политической истории. При этом под социальной историей, с одной стороны, они понимали историю социальных структур, процессов и коллективных действий, а также историю классов, сословий и социальных слоев, историю объединений, союзов, урбанизации и т. д. С другой стороны, социальная история понималась ими в качестве определенного способа рассмотрения, позволяющего интерпретировать историю человеческого общества. В этой связи социальную историю довольно часто позиционировали как “историю общества” [5], предметом которой являлось общество “в совокупности социальных, политических, экономических, социокультурных и духовных явлений, скрепленных в определенные общественные формации” [6].

Ввиду порой резкой полемической формулировки своих собственных позиций не было неожиданностью то, что критически ориентированная социальная история Г.-У. Велера и его билефельдских коллег очень скоро испытала на себе противодействие со стороны представителей других направлений исторических исследований.

В истории критики основных положений, развиваемых “билефельдской школой” социальной истории, условно можно выделить определенные этапы. Хронологически их можно представить следующим образом: период с середины 1970-х до 1980-х гг. был отмечен противоречиями социальных историков с представителями нарративной истории (Т. Ниппердей, А. Хилльгрубер, Г.-Г. Змарзлик, Л. Галл и др.); с 1980-х гг. критика ведется с позиций микроистории - в начале 1980-х гг. представителями истории повседневности и исторической антропологии, и позже, в конце 1980-х – начале 1990-х, – с позиций “новой культу-

рой истории”. Предложенные для классификации этапы критики можно существенно дополнить персонифицированной критикой в адрес отдельных представителей “билефельдской школы”, исходящей с позиций исторической семантики (Р. Козеллек), клиометрии (К. Ярауш) и т. д.

В середине 1970-х гг. последовал “вызов”, предназначенный “билефельдской школе” Г.-У. Велера, со стороны влиятельного критика, мюнхенского историка Т. Ниппердея. Отдавая должное стремлению Г.-У. Велера привлечь в область исторических исследований методы других, прежде всего, социальных наук и поставить новые исследовательские вопросы, Т. Ниппердей подвергает анализу понимание им критической функции исторической науки, полагая, что в том случае, если история, как это показал Велер, превращается в суд над предками из-за крайности критических суждений исследователя, то объект её изучения, прошлое, предстает исключительно с негативных сторон. Такое отношение к прошлому, из которого историк стремится извлечь только лишь уроки, учитывая при этом любые погрешности и ошибки, в свою очередь, влечет апологетику современного общества, к которому он апеллирует. Настаивая на том, что “история должна быть объективной” [7], как и на “разграничении мотивов, интересов и политических воззрений ученого” [8], Т. Ниппердей подвергает критике презентизм Г.-У. Велера, апологетику современности и его морально-политические импликации. Несмотря на упреки в предубеждении практического политического применения, исходившие от Т. Ниппердея и его сторонников, Г.-У. Велер настаивал на критике традиций, что создавало иммунитет от ошибок прошлого. Т. Ниппердей также подвергает критике тезис Г. У. Велера о континуитете, полагая, что не стоит концентрироваться на только лишь одной линии преемственности, что, в свою очередь, может привести к “деформации исторического суж-

дения” [9]. История Германии, по мнению Т. Ниппердея, продемонстрировала опыт не одной, а сразу нескольких линий преемственности, чем преемственность между империей Бисмарка и национал-социалистским государством, подчеркнутая в произведениях Г.-У. Велера. В качестве примера Т. Ниппердей предлагает линию континуитета между Веймарской республикой и ФРГ. Его критика открывает еще один важный момент, суть которого состоит в соотношении анализа теоретических структур и нарратива. В роли “большого модуля неоисторизма” [10], как, по замечанию самого Т. Ниппердея, назвал его Г.-У. Велер, Т. Ниппердей отдавал предпочтение историческому нарративу, следуя тем самым традициям немецкого историзма. В стремлении противопоставить “сухим, безликим” структурам и процессам индивидуализирующий принцип традиционной германской историографии Т. Ниппердей обратился к объективности и справедливости аргументированного современностью признания исторических личностей и их действий.

Другой критик школы Г.-У. Велера, А. Хильгрубер, настаивал на том, что политика, в особенности международная, обладает достаточной степенью автономности и не может быть уменьшена до того, чтобы полностью вписываться, например, в концепцию индустриального общества [11]. Представители нарративной истории также были убеждены в том, что “мужчины”, по крайней мере, некоторые из них, при определенном стечении обстоятельств все же творят историю. Озабоченность билефельдских историков изучением структур, надындивидуальных процессов, в этой связи, искажала истинную картину прошлого [12]. Г.-У. Велер и его коллеги, в свою очередь, не только отклонили такую критику, но и сочли её неуместной, блокирующей рецепцию исторической науки, добавив эпитет “неоконсервативная” для обозначения группы историков, придерживающихся традиций германской историографии [13].

С началом 80-х годов критика стала вестись от относительно гетерогенной группы англо-американских социальных историков, публиковавших свои работы на немецком и английском языках, – А. Митчелла, Д. Шихана, К. Баркина, К. Ярауша, О. Пфланце, Д. Рёля и др. Объект ее критики – теоретические конструкции “билефельдцев”, требовавшие, по их мнению, либо доработки, либо полного пересмотра. Так, например, развиваемый билефельдскими социальными историками тезис об “особенном пути” развития Германии, по мнению англо-американских историков, нельзя было рассматривать в отрыве от истории Западной Европы и Америки, так как Германия на рубеже XIX – XX вв. фактически не отличалась качественно от других стран. Критика также не ограничилась требованием пересмотра развитых билефельдцами концепций. Многочисленных представителей исторической антропологии, истории повседневности и чуть позднее “новой культурной истории” принципиально объединяло требование учесть в историческом процессе индивидуальные, субъективные моменты.

В качестве одного из лозунгов новых критиков можно привести слова гамбургского историка Ф. Ульриха: “От изучения государственной политики и анализа глобальных общественных структур и процессов обратимся к маленьким жизненным мирам, к повседневной жизни обыкновенных людей”[14]. Одним из первых критиков (на страницах журнала “История и общество”) стал Г. Медик, который “упрекал представителей социально-исторической науки в том, что в своем взгляде на модернизацию и прогресс исторических субъектов они, определенно, могут пренебречь этими субъектами, их опытом и категориями действительности”[15]. Г. Медик, А. Людке, а также поддержавший их Д. Гро образовали группу “более левых” социальных историков, стремящихся написать социальную историю “сни-

зу”, изнутри, с периферии. Историки повседневности обрели поддержку у представительниц феминистской истории А. Кун, К. Хаузен, У. Даниэль, Г. Бок и др., призывавших к тому, что предмет социальной истории – история рабочих, крестьян, горожан, это, прежде всего, история женщин и мужчин.

Г.-У. Велер, в свою очередь, полагал, что обращение к истории повседневности нарушит общую конструкцию истории, размоет её границы, лишит смысла. Он был убежден в том, что история как наука базируется на идее единой истории, которая стоит над массой бесчисленных индивидуальных историй-рассказов и за их пределами. Идея всеобщей взаимосвязи причин, действий и результатов, по мнению Г.-У. Велера, есть как раз то, что позволяет нам охватить как различия, так и связь между прошлым, настоящим и будущим [16]. В своем стремлении воссоздать единый ход истории, теоретически обоснованный рамками концепции истории общества, Г.-У. Велер вместе со своими коллегами, сторонниками сциентизации исторической науки, подвергают критике историю повседневности, ввиду отсутствия у её представителей “пристрастия к теории” и каким бы то ни было теоретическим обобщениям. С целью получения “знания о том, как взаимосвязаны вещи”[17], по мнению этих историков, наука должна стремиться к целостному восприятию действительности, отраженному в надлежащей теории. Ориентация на “теорию” традиционно отличала германскую историографию, поэтому упрек за невнимание к ней не являлся неожиданностью, а, напротив, обнаруживал некоторые точки соприкосновения традиционной и новой социальной истории Г.-У. Велера и Ю. Кокки, возникшей на волне критики старой историографии. В свете постмодернистских тенденций критики и неприятия рационалистической концепции науки, заложенной еще в эпоху Просвещения, когда, собственно, и

был обоснован “научный подход к истории”, история повседневности казалась более “привлекательной”, поскольку не вписывалась в традиционные рамки историографии.

Критика, исходящая со стороны социальных историков, состояла в нелегитимности постановки “больших вопросов” и притязаний истории повседневности на тотальность [18]. Несмотря на то, что, с одной стороны, само понятие “тотальности” оставалось методологически неопределенным и что социальные историки не предложили собственного подхода к интерпретации истории - с другой, “школе” Г.-У. Велера пришлось считаться с мнением уже достаточно влиятельного блока молодых историков, чьи взгляды расходились со взглядами представителей историко-критической социальной науки.

С начала 90-х гг. разногласия между представителями макро- и микроподходов к истории развернулись в полную силу и продолжают по сегодняшний день. Основные дебаты развиваются между старшим поколением социальных историков и молодыми “новыми культурными историками” [19], испытавшими определенное влияние идей французских постмодернистов М. Фуко и Ж. Деррида.

Г.-У. Велер полагает, что историкам нового направления не хватает теоретической ориентированности и стремления к обобщениям, чему, собственно, они могли бы поучиться у “социальных историков” [20]. Тем не менее, историк соглашается с необходимостью представления в историческом процессе субъективного опыта, но понимает этот процесс по-своему, исходя с позиций учения М. Вебера. В одной из статей Г.-У. Велер пишет о том, что важно внести историзм в само допущение “формирующей роли сверхиндивидуальных сил”, то есть “тотально-социетальных структур и процессов” [21]. Его интересует, прежде всего, исследование определенным образом структурированного результата деятельности группы индивидов,

опыта большинства, что, собственно, характеризует степень допущения индивидуальных моментов в его понимании истории.

Вызов культурной истории оказался довольно серьезным, поскольку от адекватного ответа на него зависело дальнейшее существование историко-критической социальной науки, которая могла стать достоянием прошлого в германской историографии 60-70-х гг.

Критикуя новую культурную историю, Г.-У. Велер ссылается на неопределенность центральной категории этого направления исследований – культуры, так как в этом вопросе среди её представителей не наблюдается никакого единства. Несмотря на то, что “само понятие культуры зачастую остается аморфным и балансирует между всевозможными значениями” [22], Г.-У. Велер различает два подхода к её определению. Защитники одного из них, по его мнению, стремятся осмыслить область применения понятия “культура” при помощи анализа смысловых значений и картин мира, ритуалов и символов, языковых структур и индивидуального опыта [23]. Сторонники другого, широкого понимания этой центральной категории “при помощи взятого из этнологии понятия “культура” стремятся ввести понятие тотального общества. При этом они нередко впадают в заблуждение, стремясь охватить иллюзию тотальности, вместо того, чтобы всецело сконцентрироваться на доказательстве того, в чем могла бы состоять польза от того самого тотального общества”[24]. Отмечая скепсис культурных историков к идее прогресса и их стремление рассматривать культуру как уникальное явление, Г.-У. Велер вслед за М. Вебером настаивает на том, что в качестве одной из сфер общественной жизни культура рационализировалась наравне с экономикой, политикой, социальной структурой и т. д. “Осуществление рационализации”, применительно к культуре, выражалось в “подъеме науки, се-

куляризации и “расчистке” мира, расширении мышления о цели и средствах инструментального знания”[25].

В той степени, в которой речь будет вестись о продуктивной дискуссии, амбивалентной оценке уже приобретенного опыта, перспективах возможной интеграции, это будет решать вопрос о преодолении существующих разногласий и новой ориентации германской историографии, с учетом произошедших изменений. В настоящее время в работах Г.-У. Велера присутствуют идеи, касающиеся возможности интеграции опыта социальной и культурной истории, хотя многое остается весьма спорным. Руководствуясь аксиомой, что “невозможно адекватно охватить общество без культуры и культуру без общественного влияния” [26], Г.-У. Велер старается понять, каким образом можно интегрировать микро– и макроисторию, несмотря на различие их методологических подходов. Он соглашается с необходимостью учитывать индивидуальный опыт исторических субъектов, но вместе с тем полагает, что это должен быть суммированный опыт “большинства”. В свою очередь, новая культурная история обращается к тому, как “большинство”, представленное группой индивидов, формирует свой опыт, по-своему переживая расширение товарного производства, усиление власти государства и бюрократии. В этой связи Г.-У. Велер ставит вопрос о том, действительно ли представления о больших контурах исторической жизни, о процессах и структурах совпадают с опытом большинства? [27]. Для ответа на этот вопрос можно обратиться к современным исследованиям суммированного опыта “серого” большинства, который посредством исследований микроистории обнаруживает вполне конкретные очертания и достаточно широкий спектр оттенков “серого”.

Примечания

1. Frankfurter Allgemeine Zeitung, 24. X. 1991.
2. Interview mit Prof. H. – U. Wehler zum Thema „Die Bielefelder Schule und ihre Einflüsse auf die deutschen Historiographie in den 1960/70 Jahren“. Bielefeld, 24. 06. 2005.
3. Rürup R. Zur Einführung, in: Historische Sozialwissenschaft. Beiträge zur Einführung in die Forschungspraxis. Goettingen, 1977. S. 6.
4. Nolte P. Historische Sozialwissenschaft. In: J. Eibach, G. Lottes (Hg.) Kompass der Geschichtswissenschaft. Goettingen, 2002. S. 57.
5. Kocka J. Sozialgeschichte und vergleichende Gesellschaftsgeschichte in Berlin seit 1945 (2005). Berlin, 2005.
6. Geschichte und Gesellschaft, H.1, Vorwort. S.5.
7. Iggers G. G. Neue Geschichtswissenschaft. Von Historismus zur Historische Sozialwissenschaft. Ein internationaler Vergleich. München, 1978. S. 143.
8. Nipperdey Th. Wehlers Gesellschaftsgeschichte// Geschichte und Gesellschaft. 1988. S. 403.
9. Ibid. Iggers G. G. Neue Geschichtswissenschaft. S. 143.
10. Ibid. Nipperdey Th. Wehlers Gesellschaftsgeschichte. S. 403.
11. Hillgruber A. Politische Geschichte in modernen Sicht//Historische Zeitschrift. 1973, №216.
12. Fletcher R. Recent developments in West Germany historiography. P. 469.
13. Ibid. P. 470.
14. Ulrich V. Entdeckungsreise in den historischen Alltag //Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. 1985. H. 6. S.403.
15. Ibid. Nolte P. Historische Sozialwissenschaft. S. 65.
16. Lüdtke A. Was ist die Alltagsgeschichte? Ihre Errungenschaften und Perspektiven in Deutschland. // Jahrbuch für Sozialgeschichte. 1998/99.
17. Kocka J. Sozialgeschichte. Goettingen, 1986. S. 168-169.

18. Lüdke A. Alltagsgeschichte, Mikro-Historie, historische Anthropologie// Goerz H. – J. (Hg.). Geschichte. Ein Grundkurs. Reinbek, 1998. S. 557.
19. “Новая культурная история – одно из новейших направлений в историографии, ... возникшее в 70-е годы XX века, ... представители которого стремятся исследовать внутренний мир людей, изучать свойственные им представления и взгляды”. В Германии получило распространение в конце 80-х – начале 90-х годов XX века в работах А. Людке, У. Даниель, Т. Мергеля и др.
20. Wehler H. – U. Die Banernbandit als neuer Heros // Die Zeit. 1981. 18. 09.
21. Wehler H-U. Koenigsweg zu neuen Ufern oder Irrgarten der Illusionen? Die Westdeutsche Alltagsgeschichte: Geschichte “von innen” und “von unten” // “Geschichte von unten - Geschichte von innen” – Kontroversen um die Alltagsgeschichte/ Hrsg. F.-J. Bruggemeier, J.Kocka. Fernuniversität Hagen, 1986.
22. Wehler H. – U. Historisches Denken am Ende des XX Jahrhunderts 1945-2000, Goettingen, 2001. S. 65.
23. Wehler H. – U. Die Herausforderung der Kulturgeschichte, München 1998. S. 147.
24. Ibid. S. 148.
25. Wehler H. – U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 1 (1700-1815): Vom Feudalismus des alten Reiches bis zur defensiven Modernisierung der Reformära, München, 1987. S.14.
26. Wehler H. – U. Rückblick und Ausblick – oder: arbeiten, um überholt zu werden? In: Perspektiven der Gesellschaftsgeschichte. Hrsg. von P. Nolte., München 2000. S. 165.
27. Wehler H-U. Koenigsweg zu neuen Ufern oder Irrgarten der Illusionen? S.142, 307-312.

Построение всеобщей истории в трудах Р.Ю.Виппера

Реконструкция воззрений Р.Ю.Виппера на всемирную историю позволяет глубже понять смысл позитивистских исканий в области философии истории в российской исторической науке конца XIX - начала XX вв. Сам автор причислял себя к сторонникам положительного знания в стадии «теоретико-познавательного критицизма» [1.С.61]. В определенной мере это подтверждается его неприятием глобальных субстанциональных схем в построении всемирной истории. Виппер не считал научным тот подход, по которому признавались закономерность и порядок развития всего человечества как единой системы. Ядром позитивистской критики глобальных субстанциональных схем всемирно-исторического процесса стала трактовка человечества как абстрактного целого. Мысль о необходимости по-новому взглянуть на всемирную историю пришла к Випперу в результате изучения философско-исторической литературы последних двух столетий, в частности, интерпретации теории прогресса. Наиболее яркое воплощение эта задача получила в работе «Общественные учения и исторические теории XVIII и XIX веков в связи с общественным движением на Западе».

Виппер, критикуя взгляд на человечество как на органически целое историческое тело, называет его «современной фикцией» и постулирует противоположный тезис об отсутствии единого всемирно-исторического развития [4. С.194]. Он доказывает, что попытки конструирования некоего целого из разнообразных элементов возможны только посредством мысли. Эмпирические исследования способны рассмотреть только отдельные части, представляющие научную ценность только в известных сопоставлениях и соединениях. Ученый рассуждает, что социаль-

ные группы и общества как части умозрительного целого в реальной действительности функционируют самостоятельно, живут «для себя», часто не имея ничего общего между собой, лишь вступая время от времени в диалог.

Почему нет всемирной истории в ее прежнем понимании? Ответ на этот вопрос Виппер связывает с утратой веры в социальный прогресс, долгое время объединяющей исторический материал в единое целое. Сам же термин «всемирная история» остался в научном обороте скорее в значении всеобщего обзора смены самостоятельной жизни народов. Главным для позитивистски настроенного мыслителя считается не стремление достичь понимания конечной цели истории человечества, а проанализировать непосредственный механизм развития человеческого общества в его пространственно-временных рамках. Здесь остро чувствуется интеллектуальная связь Виппера с воззрениями его университетского учителя Ключевского. Знаменитый профессор всем своим творчеством убеждал, что смысл научного знания представляет собой не столько поиск источников и направлений исторического процесса, сколько форм и условий его развития, что исследователя более всего может интересовать вопрос «как?», а не «откуда?» и «куда?» [5. С.61]. Сам Виппер отстаивает так называемую «национальную» точку зрения в истории, предполагающую расчленение исторического материала на множество социокультурных процессов. Вот почему он считает плодотворным изучение всемирной истории сквозь призму национальной истории, через множество «разделенных коллективных жизней», что не исключает, а наоборот, делает возможным выявление общих закономерностей и позволяет исследователям «заметить факты повторяемости исторических явлений в определенных рядах» [4. С.199].

В системно-хронологическом виде всемирная история Виппера носит характер четверичной периодизации,

где каждая эпоха - древняя, средняя, новая и новейшая - характеризуются, с одной стороны, как совокупность одно-временных социальных процессов, находящихся между собой во взаимодействии, с другой - как самодостаточный элемент живой и многообразной ткани всемирно-исторического процесса. Заметим, что Виппер был в числе первых исследователей тех, кто связал Реформацию XVII в. и капитализацию Европы с началом Нового времени, а события Первой мировой войны и обеих революций 1917 года в России - с наступлением новейшей эры. Последнее, по мнению Виппера, привело к небывалому в истории «распаду великого государства» и гибели европейской культуры [З. С.585].

Историческая типология Виппера во многом напоминает методологические поиски Н.И.Кареева и В.О.Ключевского. Каждая эпоха в его творчестве выступает как феномен, включающий в себя совокупность эволюций отдельных народов. Исследователь определяет для себя набор характерных черт, обнаруживающихся в большинстве культур (государственное устройство, экономическую жизнь, социальные взаимоотношения, идейные построения), а затем на этой основе ищет особенности, проявляющиеся наиболее отчетливо или в эволюции сообществ, или в истории одного народа, или в развитии его какого-либо отдельного периода, или жизнедеятельности определенной сферы общества. Весьма показательна в этой связи випперовская интерпретация Древнего мира. История Востока здесь представлена как жизнь сменяющих друг друга цивилизаций в исторически обусловленной последовательности: шумерская «телеологическая коммуна», бронзовая цивилизация Вавилона, железная цивилизация Ассирии, персидская держава Двуречья и Нила, империя Александра Македонского. В результате всех этих геополитических изменений ранее единая культура, по мнению

Виппера, начинает делиться на восточный и европейский мир [1. С.55].

Культурным источником развития человечества Виппер считает Вавилон. Так исторически сложилось, что цивилизационные достижения этого самодержавного бюрократического государства с его монархической формой правления, духовными традициями, податной системой, судопроизводством, канцелярией и ревизией, даже его символами – короной, двуглавым орлом и дворцовым церемониалом – все это, по мнению Виппера, долгое время тиражировалось во все края света. Двуречье, как никакая другая культура, было постоянным театром военных действий и желанной добычей завоевателей. С известного момента край стал неудержимо идти к разорению. Виппер с нескрываемым сопереживанием описывает, как безвозвратно погибали сады, плодородные земли, как нищало население и разбегалось с насиженных мест. Но еще страшнее, на его взгляд, оказалось психическое и моральное воздействие войн, которое стимулировало поиск новых форм существования в условиях идейной и нравственной разобщенности. Полностью охваченный идеей «света с Востока», Виппер берется даже изобразить четыре «культурных волны», векторно-направленных к Западу: первая – иудейство в его религиозно-торговой колонизации на север и запад; вторая – эллинизм в эпоху завоеваний Александра Македонского Европы и Средней Азии; третья – христианство, захватившее всю Европу; четвертая – ислам как «последнее произведение Вавилона» [2.С.244]. Опираясь термином «культурное излучение», Виппер рисует картину того, как Восток «отдал» Западу запас своих материальных и духовных богатств, как в разное время последовательно слоями «ложились на европейскую дикость черты вавилонской культуры» [2. С.251]. Символическими знаками этой передачи и послужили греко-римская цивилизация,

иудейство, христианство и ислам как продукты обширной колонизации и культурного заимствования. Согласно випперовской интерпретации, Восток долгое время являлся оригиналом, а Европа – его ученицей.

Как же происходит процесс оформления национальной культуры? Как нам кажется, Випперу удалось раскрыть этот механизм на историческом материале Европы. Выглядит это весьма впечатляюще: после целых столетий пассивного заимствования культурных ценностей чужие товары и идеи постепенно акклиматизируются на новой почве и становятся «национальными», способствуя появлению собственной инициативы в народе; далее «эмансипировавшиеся ученики» начинают считать себя равноправной силой, нацией, культурой и о настоящем происхождении своего богатства стараются «забыть» или искренне забывают; если старая культурная метрополия приходит в упадок, преемники пытаются даже завладеть ею и «начинают гореть заимствованным светом». Именно так обстояло дело в истории взаимоотношений древних цивилизаций, когда Восток сначала колонизировал, а Запад заимствовал, временами отвечая «захватом» (Александр Македонский, римские императоры, крестовые походы). По мере того, как народы расходились из одного источника, проявлялись идеи «национальной исключительности» и «религиозной нетерпимости» [2. С.257]. В итоге культура Вавилона дряхлаела, а ее старые «дары» – астрология и вера в небесных заступников - окончательно разрушились к XVI веку, когда Европа вступила в эпоху научно-технической модернизации.

Как видим, историческая типология Виппера одновременно и традиционна, и своеобразна. С одной точки зрения, в трудах автора представлена общепринятая периодизация всемирной истории, в частности ее древней страницы. С другой стороны, Виппер делает смелые внут-

рикультурные срезы и в этом случае получает некую «сквозную» периодизацию с принципиально другим смыслом: древняя, «вавилонская» и новая, «европейская». В последнем случае Випперу удастся отчетливо показать взаимную связь и исторически обусловленную систему взаимоотношений Востока и Запада, подчеркнуть до известной степени их «общую историю». В такой интерпретации европейская цивилизация проходит в своем развитии две стадии: заимствования и национального становления, где источником послужила вавилонская культура, а поворотным пунктом истории и началом отсчета нового времени стали преобразования XVI века.

Отказываясь от изучения общего процесса развития человечества, Виппер предпочитает следить за самостоятельным развитием отдельных обществ. Однако его нельзя отнести к сторонникам теории локальных культурно-исторических типов, поскольку своими историософскими построениями автор отрицает изоляцию народов и смело допускает историческое влияние и заимствование. Специалист по всемирной истории убежденно доказывает, что полной замкнутости культуры никогда не было и быть не могло по определению, ибо жизнь людей есть постоянная коммуникация в виде обмена, торговли, колонизации, передвижения, идейной пропаганды. Безусловно, на местах шла и самостоятельная работа, многое достигалось одновременно в разных географических рамках самобытными усилиями, но чаще всего, по мнению автора, переход от одной ступени развития к другой осуществлялся в виде культурного скачка как результата своеобразного урока, воспринятого и разученного «с чужого голоса».

Вызывает особый интерес авторское видение самой Европы. Она рисуется как цивилизация третьего поколения [после вавилонской и греко-римской – Е.М.]. Европа Нового времени выглядит как цельный социокультурный орга-

низм, состоящий из трех самостоятельно функционирующих систем. Первая группа- «передовые страны» - Испания, Франция, Голландия и Англия, внутренне сплоченные и экономически развитые за счет открытия ими новых океанических путей; вторая - «страны середины» – Германия и Италия, ранее сильные, но пришедшие к упадку и раздробленности в связи с падением значимости внутренних промышленных и торговых путей; третья - «военно-крепостнические страны» - Австро-Венгрия, Пруссия, Польша, Московское государство. Виппер заходит так далеко, что к последним относит даже Швецию и Турцию, объясняя это странное «соседство» схожестью интересов. Что же понимает автор под «схожестью интересов» таких столь разных стран? Ответ очевиден – это военно-земледельческая колонизация и система крепостничества. Действительно, геополитическое положение государств Восточной Европы не располагали к формированию интенсивной экономики: города и торговля развивались слабо, отсутствовала обширная индустрия, главным занятием оставалось экстенсивное земледелие. В связи с оторванностью от главных торговых морских путей правительства этих стран стремились расширяться за счет пустовавших или слабо заселенных областей, то есть за счет территорий самой же Европы. Таким образом, «океаническим» странам была свойственна внешняя колонизация в новых частях света, а восточноевропейским – по-прежнему только внутренняя.

Этим Виппер объясняет специфику сложившегося общественного и политического строя. Постоянно чувствуя нужду в земле для своего избыточного земледельческого населения, восточноевропейские государства совершали захваты и вели войны за приобретение новых территорий. Так, Австрия присоединила Венгрию и польские земли, Пруссия – северо-восточные территории, Швеция – Бал-

тийское побережье, Московское государство - Поволжье, Северный край, Приуралье. Постоянные завоевания вырабатывали также и особую военную систему. Если Франция и Голландия, например, защищали границы поясом крепостей и держали свое войско на денежном вознаграждении, то в Австрии, Польше, Московии этот вопрос решался по-другому: здесь устраивали широкие полосы военных границ, поселяя на вновь захваченных землях вооруженных людей. К примеру, служилого дворянина в Московском государстве не держали на жалованьи, не нанимали на определенный срок, его просто наделяли участком земли с определенным доходом, по возможности, недалеко от возможного театра военных действий.

Составляя подобные исторические «картинки», Виппер мастерски связывает воедино все внешние (экспансия и колонизация) и внутренние (земельный вопрос, торговля, промышленность) условия развития различных стран. Тем самым он пытается подойти к решению главного для него вопроса - о механизме внутреннего развития каждого народа. Наиболее рельефным способом погружения «в глубь» событий выглядит пример из исторической практики российского общества. Здесь уже с конца XVII в. стала назревать двойная проблема – «крестьянский вопрос» и «вопрос об отношении дворянства к верховной власти» [З.С.243]. В конце концов, перед государством остро встал вопрос о том, кого следует поддерживать - крестьян как работающее население, приносящее доходы, или дворян как основную военную и административную силу страны. Если в Польше и отчасти в прибалтийских странах разрешение этих вопросов привело к торжеству землевладельцев, то в России интересы дворянства и монархии были примирены практически на два века в виде неограниченной власти государей, которые правили «по милости дворянст-

ва», истребовавшего себе важнейшие уступки по распоряжению землей и крестьянами.

Отечественная история и русский народ имплицитно присутствуют во всем творчестве Виппера, так как исследователя в первую очередь интересуют те события и образы, которые ассоциируются с современными проблемами российской действительности. Мы уже убедились, что Россию Виппер видит частью западноевропейской цивилизации, уходящей своими корнями в глубину традиций вавилонской культуры. Этим он отличается от своих старших коллег по перу, Кавелина и Кареева, утверждавших, что Россия только после петровских реформ вышла в своем развитии на одну дорогу с Европой. Виппер неоднократно подчеркивает, что культурные формы вавилонского государства, особенно его самодержавность, бюрократия, символы древневосточной государственности и дворцовый церемониал, с одинаковыми усилиями воспроизводились правителями римскими и византийскими, германскими и московскими [1. С.24].

Согласно замыслам Виппера, Россия повторяет общеевропейскую традицию культурной преемственности: от восточного мира через античность к современности. Гораздо сложнее, на взгляд Виппера, обстоит дело с вопросом о значении этого культурного заимствования. Всегда ли оно приносило успешные плоды? История взаимоотношения Запада и России приводит к противоречивым выводам. С одной стороны, прогрессивным является военнотехническое заимствование, положившее начало непосредственному диалогу европейской и русской культур. Факт использования европейских научно-технических достижений Виппер ставит в особую заслугу Ивану IV и всем последующим московским правителям. С другой стороны, в безудержном копировании ему видится скрытая угроза нравственного падения московской власти, проявившаяся в

презрении к собственной культуре и преклонении перед западной. Наиболее отчетливо эта мысль звучит в его работе «Круговорот истории» (1923), написанной под впечатлением последствий Первой мировой войны и установления диктатуры пролетариата.

Творчество Виппера свидетельствует, что российский историк поддержал и оригинально развил новую для своего времени идею типичности развития отдельных народов, согласно которой они рассматриваются как неповторимые звенья всемирной истории и одновременно как самодостаточные национальные культуры. Автор неизменно подчеркивал бесконечную сложность и изменчивость комбинаций их развития. В первом приближении даже создается впечатление, что он был близок к отрицанию единства и структурности исторического процесса, особенно в свете критики прогресса. Однако Виппер всегда учитывал целостную картину человеческого прошлого, связующим звеном в которой служила для него идея культурной преемственности народов. Выразительно подчеркивая индивидуальность каждой национальной культуры, исследователь избегал крайностей. Его конструкция всемирной истории не похожа на мозаику самостоятельно функционирующих частей, наоборот, она представляет стройную систему исторических эпох, связанных между собой идеей культурного заимствования. Каждое государство в исторической панораме имеет свое лицо, выраженное двойственной сущностью: как оригинальный организм, но встроенный в систему мирового сообщества.

Всемирная история Виппера выглядит как единство экономики, человеческой психологии, политики, социальной статистики и динамики в непрерывном становлении и многообразии. Автор пытается реконструировать все стороны жизни ушедших поколений на основе принципа многофакторного детерминизма. Политические, географиче-

ские, экономические, социологические, психологические, антропологические, археологические, этнологические, лингвистические факторы – все идет в помощь исследователю человеческого прошлого. Он обращается не к абстрактному человечеству, лишенному примет места и времени, а к культуре отдельной страны, сообщества или эпохи. В итоге получается синтетическая характеристика эпохи, рельефная картина мира, одновременно и цельная, и индивидуальная.

Ход рассуждений Виппера отражает дух позитивизма и может быть сведен к следующему тезису: мы ничего не можем сказать о прошлом как таковом, как «вещи-в-себе»; история человечества всегда в чем-то объективирована, поэтому мы можем изучать только социокультурные формы людского организма – продукты его предметной деятельности, социальную статику и динамику, властные отношения, искусство, верования, психический склад людей прошлого и т.д., опираясь при этом на ярко выраженные экономические, социологические, политические и психологические тенденции общественного развития.

В историософских построениях Виппера, в духе сложившейся традиции «московской школы» Ключевского, имманентно раскрываются два процесса: государствообразование и национальное становление. На материале отечественного опыта первый процесс выглядит исключительно как складывание империи в ее классических характеристиках - экспансия, единовластие, насилие, подчинение, отсутствие индивидуализма, второй – как рост национального самосознания на фоне общеевропейского развития. Однако роль власти звучит более определенно, чем роль общества. Российский народ характеризуется автором как «многоспособный, но не успевший набраться энергии» в связи с затянувшимся становлением индивидуального начала [1. С.4].

Будучи сторонником позитивистского подхода в осмыслении всемирной истории, Виппер отказывается от признания ее субстанциональной целостности и на практике конструирует процесс становления множественности разнообразных культур. Но, в отличие от предшественников, он не ограничился признанием преимущественно социальных и психологических закономерностей в развитии отдельных народов, а говорил о культурном заимствовании, проявляющемся в равной степени как в духовной, так и в материальной сфере.

Библиографический список

1. Виппер Р.Ю. Гибель европейской культуры. М., 1918.
2. Виппер Р.Ю. Две интеллигенции. М., 1912.
3. Виппер Р.Ю. Новая история. 7-е изд. М., 1918.
4. Виппер Р.Ю. Общественные учения и исторические теории XVIII - XIX вв. в связи с общественным движением на западе. 3-е изд. М., 1913.
5. Ключевский В.О. Методология русской истории //Соч. в 9-ти тт. Т.6. М., 1989.

© М.В. Талашев (ЯГПУ)

Русь и хазары: синтез культурной и государственной традиции (историографические аспекты проблемы)

История восточных славян была тесно связана с Хазарским каганатом со 2-й половины VIII столетия. По данным русских летописей, дань хазарам платили племена северян, вятичей, радимичей и полян. Последние уже в начале IX в. завоевали политическую самостоятельность, выйдя из сферы влияния своего южного соседа. Вассальная зависимость других восточнославянских племен длилась дольше и окончательно ушла в прошлое только в 965 г., когда

удачный поход Святослава Игоревича создал предпосылки для включения вятичей в состав Киевской Руси.

В отечественной историографии существует широкий спектр мнений по поводу характера славяно-хазарских отношений. Большинство отечественных историков дореволюционного времени склонялись к позитивным оценкам хазарского владычества на славянских землях (Г. Эверс, В.О. Ключевский, П.В. Голубовский, М.С. Грушевский и др.) [1]. В вассальной зависимости от хазар видели благоприятный фактор формирования древнерусской государственности и социально-экономического развития восточных славян. Данный подход был заимствован советскими исследователями 20-х – 40-х гг. XX в. (В.П. Пархоменко, В.В. Мавродин) [2]. Однако в отличие от предшественников советские хазароведы значительно преувеличили влияние “хазарского фактора” на эволюцию восточнославянского общества: в соответствии с их концепциями не только экономический, культурный прогресс в славянской среде, но и генезис древнерусской государственности обуславливался хазарским влиянием, Киевская Русь становилась правопреемницей каганата, формируясь на его обломках. Конец 40-х – начало 50-х гг. XX столетия стали поворотной точкой в развитии российского хазароведения. “Борьба с космополитизмом” привела к жесткой критике исторических взглядов В.П. Пархоменко, В.В. Мавродина и ряда видных советских ученых, преувеличивавших значение хазарского влияния на судьбу восточных славян. Ее результатами явилось временное прекращение исследований, связанных с внутренними проблемами исторического развития Хазарии, невнимание к ее культурному наследию, господство негативных оценок роли “хазарского” фактора в отечественной истории [3]. В рамках данного подхода каганат рассматривался в качестве главного препятствия для дальнейшей политической и социально-экономической эволю-

ции восточнославянского общества. В Хазарии видели мелкое “паразитирующее” образование, лишенное производящей экономики и существующее за счет таможенных пошлин и сбора дани. При такой оценке уровня развития каганата зависимость восточнославянских племен от хазар либо считалась кратковременной (Б.А. Рыбаков), либо приобретала эксплуататорский характер (П. Иванов). Либерализация общественной и научной жизни в период “хрущевской оттепели” способствовала некоторому смягчению характеристик славяно-хазарских отношений, однако в целом позиции историков по данному вопросу не претерпели существенных изменений. В 60-х – 70-х гг. XX в. была разработана концепция “хазарской химеры” Л.Н. Гумилева, в рамках которой каганат по-прежнему рассматривался в качестве паразитического государства, беспощадно эксплуатировавшего подчиненные этносы. Степень их эксплуатации историк ставил в непосредственную зависимость от иудаизации хазарского социума, объясняя крушение каганата противоречиями на конфессиональном уровне [4]. Попытку отказаться от преувеличенно негативных оценок славяно-хазарских отношений в конце 80-х – начале 90-х гг. предпринял А.П. Новосельцев, однако в его исторических построениях хазары продолжали выступать в качестве “завоевателей”, а “хазарская угроза” признавалась важнейшим фактором становления и развития Киевской Руси [5].

К серьезным подвижкам в изучении славяно-хазарских отношений отечественными специалистами привели исследования зарубежных хазароведов, в своих воззрениях во многом продублировавших исторические построения советских ученых 1-й пол. XX столетия. В их работах вновь зазвучал тезис о доминирующем хазарском влиянии на генезис государственных институтов у восточных славян. Так, в 40-х гг. прошлого века на основе автор-

ского анализа арабо-персидских источников к выводу о заимствовании руссами традиционной для хазар бинарной модели властвования пришел турецкий исследователь З.В. Тоган. По его мнению, “русы определенно скопировали хазарскую систему двойного правления”, поскольку “хазары были наиболее процветающим и культурным народом из всех, с которыми... имелся территориальный контакт...”. В 70-е гг. того же столетия данное положение было воспринято Артуром Кестлером, работа которого “Тринадцатое колено” получила широкую известность за рубежом [6]. В 1982 г. израильский хазаровед О. Прицак выступил с теорией основания хазарами Киева, вызвав ожесточенную критику отечественных историков, обративших внимание на спекулятивность выводов ученого, лишь частично подтверждаемых источниками [7].

Исследования зарубежных специалистов показали, что проблема славяно-хазарских отношений изучена на поверхностном уровне, механизм взаимодействия двух этносов не раскрыт, хазарское наследие в русской культуре и государственности не определено.

В последнее время благодаря заслугам отечественных археологов стало возможным более объективно взглянуть на проблему заимствования хазарской бинарной модели властвования восточными славянами. Круг источников по данной теме известен давно и за последние годы существенно не изменился. Он включает в себя “Записку” (“Рисале”) арабского дипломата Ибн Фадлана, направленного халифом Багдада в Волжскую Булгарию с целью распространения мусульманства в стране, “Бертинские анналы”, содержащие первое в западноевропейских источниках упоминание о государстве руссов в Восточной Европе, сочинения митрополита Иллариона (“Слово о законе и благодати” и “Исповедание веры”), “Слово о полку Игореве”,

а также настенное граффито 2-й пол. XI в. в киевском соборе св. Софии.

Доводы зарубежных историков, указывающих на хазарские корни древнерусской государственности, основываются на описании быта русских царей в сочинении Ибн Фадлана. По свидетельству последнего, царь руссов предстает абсолютно свободным от бремени правительственных забот, все свое время проводя в окружении наложниц и преданной дружины: “И он не имеет никакого другого дела, кроме как сочетаться (с девушками), пить и предаваться развлечениям. У него есть заместитель, который командует войсками, нападает на врагов и замещает его у его подданных” [8]. Если довериться источнику, быт русских царей действительно аналогичен таковому у хазарских каганов, находившихся в состоянии сакральной изоляции, а потому отстраненных от решения государственных дел. Административные и военные функции, налогообложение и выбор претендентов на титул кагана Хазарии возлагались на младшего правителя, бека, положение которого находит частичное соответствие во властных полномочиях “заместителей” русских владык. Более того, летописные предания о смерти Игоря и Олега могут рассматриваться как доказательства распространения на Руси практики жертвенных убийств верховных властителей, привычной для хазарской государственно-правовой системы [9].

Вместе с тем, внимательное изучение текста русских летописей, хазаро-еврейских и арабо-персидских источников позволяет усомниться в тождестве юридического и социального статуса верховных владык у руссов и хазар. Каганы Хазарии, выполнявшие своеобразную роль талисмана, посредника между богами и людьми, оказывались заложниками собственной святости, будучи отстраненными от государственных дел и потому абсолютно пассивными как во внутренней, так и во внешней политике, всецело

находившейся в руках беков. Совершенно иным было положение русских князей, наделенных всей полнотой верховной власти. Олег, Игорь и Святослав принимают самостоятельные решения, выступают активными участниками военных действий, инициаторами преобразований, операций по сбору дани и т.д. Нельзя признать удовлетворительными попытки уподобить хазарским царям-заместителям русских воевод, занимавших престижное положение при киевских правителях. Ближайший советник Игоря, Святослава и его старшего сына Ярополка, Свенельд никогда не претендовал на первые роли в государственной жизни страны, оставаясь в тени своего сюзерена даже в период усобицы 972-978 гг., поводом к которой послужили интриги сановника, пользовавшегося исключительным расположением великого князя.

Значительную актуальность представляют вопросы, связанные с заимствованием тюркского титула *каган* главами Киевского государства. Вполне очевидно, что термин использовался в международной практике для придания дополнительного веса и престижа русским князьям. Каганами именовались Владимир Святославич и Ярослав Мудрый. Некоторые отечественные исследователи объясняют данный феномен влиянием аваров, в VI в. подчинивших значительную часть восточных и южных славян [10]. Эта версия вызывает несколько возражений: во-первых, Аварский каганат погиб задолго до образования Древнерусского государства (2-я четв. VII в.), во-вторых, народная память сохранила лишь отрывочные и весьма неприятные воспоминания о господстве аваров на славянских территориях. С этой точки зрения заимствование тюркского термина представителями северной, варяжской династии Рюриковичей кажется маловероятным. Логичнее предположить, что *каганами* русские князья стали называться под воздействием тесных контактов с хазарами. По мнению В.Я. Петрухина,

“претензии первых князей на престижный титул *каган* были связаны прежде всего с их политическими амбициями, направленными “вовне” и демонстрируемыми при дворах византийского и франкского императоров” [11]. Нельзя забывать, что Хазария препятствовала объединению славянских племен под властью Киева, будучи заинтересованной в сохранении даннической зависимости северян, вятичей и радимичей. Это не могло не вызвать ожесточенной политической конкуренции между двумя крупнейшими державами Восточной Европы. Вместе с титулом, предназначенным для верховного правителя, в древнерусский язык входит понятие *болярин* или *боярин*, использовавшееся по отношению к представителям высшей знати, старшим дружинникам великого князя и, по всей видимости, также принятое у хазар во время восточного похода Святослава Игоревича.

Именно дружина, полиэтничная в своем составе, стала основным проводником хазарского влияния на культурную жизнь восточных славян. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют археологические находки. Конская упряжь, отдельные виды вооружений, поясные наборы салтовского типа получили распространение на Руси, а затем и в Северной Европе. Серьезную трансформацию пережил погребальный обряд, что особенно ярко проявилось в подкуранных захоронениях на Черниговщине (Черная могила, Гульбище, “княжна Черна”) [12]. Данные факты свидетельствуют о том, что выходцы из Хазарии принимали непосредственное участие в сооружении курганов и проведении погребальных ритуалов, наряду с варягами являясь членами великокняжеской дружины.

На наш взгляд, влияние хазар на формирование древнерусской культуры и государственности не было определяющим. Его нельзя преувеличивать, но и отрицать полностью невозможно. Восточные славяне не восприняли

бинарной модели управления, присущей хазарскому обществу, заимствуя лишь отдельные элементы государственно-правовой и социальной лексики. Более серьезное воздействие кочевники оказали на сферу быта, военное дело и систему религиозных представлений в дружинной среде, чему способствовали миграция населения и развитие торгово-экономических связей с каганатом. Необходимо признать, что проблема славяно-хазарских отношений остается малоизученной и сохраняет свою актуальность для отечественных и зарубежных специалистов.

Библиографический список

1. Голубовский П. Болгары и хазары, восточные соседи Руси при Владимире Святом // Киевская старина. 1888. Т. XXII. Вып. 7 (Июль). С. 26-68; Грушевский М.С. Киевская Русь. Т. I. Введение. Территория и население в эпоху образования государства. СПб., 1911; Его же. Иллюстрированная история Украины. М., 2001; Его же. История украинского народа. М., 2002; Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. В 3-х кн. Кн. 1. Ростов н/Д, 2000; Эверс Г. Предварительные критические исследования для Российской истории. М., 1826. С. 218-219, 277.
2. Мавродин В. Древняя Русь (Происхождение русского народа и образование Киевского государства). Л., 1946; Его же. Образование древнерусского государства. Л., 1945; Пархоменко В.А. У истоков русской государственности (VIII – XI в.в.). Л., 1924.
3. Иванов П. Об одной ошибочной концепции // Правда. 1951. 25 дек. № 359 (12196). С. 3; Рыбаков Б.А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // СА. 1953. № XVIII. С. 128-150; Его же. Русь и Хазария // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. Сборник статей. М., 1952. С. 77-88.
4. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 2001;

- Его же. Зигзаг истории // Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. М., 2001. С. 251-362; Его же. Сказание о хазарской дани (опыт критического комментария летописного сюжета) // Там же. С. 221-241; Его же. Трагедия на Каспии в X в. и “Повесть временных лет” // Там же. С. 242-250.
5. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа - www.kulichki.com/~gumilev/NAP/nap0153.htm#nap015para02
 6. Кестлер А. Тринадцатое колено. Крушение империи хазар и ее наследие. Спб., 2001. С. 95. См. также: Zeki Validi Togan A. Ibn Fadlan`s Reisebericht // Abhandlungen Fur Die Kunde Des Morgenlandes. Leipzig, 1939. Band 24. Nr. 3; Zeki Validi Togan A. Volkerschaften Des Chasarenreiches Im Neunten Jahrhundert. Korosi Csoma-Archivum, 1940.
 7. Golb Norman, Pritsak Omelyan. Khazarian Hebrew documents of the tenth century. London, 1982.
 8. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956. С. 146.
 9. Фроянов И.Я. Древняя Русь. М.-Спб., 1995. С. 55, 290.
 10. Коновалова И.Г. О возможных источниках заимствования титула “каган” в Древней Руси // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 108-135.
 11. Петрухин В.Я. К вопросу о сакральном статусе Хазарского кагана: традиция и реальность // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. М., 2001. С.74.
 12. Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX – XI веков. Смоленск – М., 1995. С. 99-100.

© Е.Н. Стремоусова (ЯГПУ)

**Некоторые аспекты отечественной историографии
проблемы участия рабочего класса в управлении
производством в СССР в годы нэпа**

История новой экономической политики – это фактически история эволюции форм и принципов хозяйствования, история эволюции системы управления, которая формировалась в сложных конкретно-исторических условиях, что и вызывает интерес к ней. Многие отечественные историки, освещая проблему управления предприятиями, ставили вопрос об участии рабочего класса в производственных совещаниях. Показательными в этом отношении являются работы Э. Б. Генкиной, И.П. Остапенко и Ф.В.Самохвалова.

Э.Б. Генкина в статье «Возникновение производственных совещаний в годы восстановительного периода (1921-1925)» отмечала общий для исследователей недостаток, заключающийся в рассмотрении производственных совещаний как одного из этапов в подготовке массовых социалистических соревнований, и определила их как постоянную форму производственной активности советского рабочего класса, связанную с общей проблемой социалистических принципов управления промышленностью и ролью рабочего класса в организации социалистического производства[1].

Широко используя в своей работе труды В.И.Ленина, автор подчеркивает, что ленинское определение принципа демократического централизма в управлении промышленностью основывалось на сочетании централизованного планового руководства со стороны государственных и хозяйственных органов – сверху и широкой инициативы, широкого вовлечения в управление миллионных масс трудящихся – снизу[2]. В результате вся система управления производством на предприятиях представляется хорошо продуманной со стороны государства.

Раскрывая вопрос об организации производственных совещаний и их составе, Э.Б.Генкина отметила, что на первоначальном этапе их деятельность отличалась пестро-

той и разнообразием форм организации. При этом анализ состава производственных совещаний, приведенный в исследовании, показывает, что уже в первые годы своей деятельности они стали наилучшей формой вовлечения рабочих в управление промышленностью, объединяя и организуя новый широкий актив рабочего класса [3]. Председателями производственных комиссий фабзавкомов, возглавлявших производственные совещания, избирались обычно самые квалифицированные кадровые рабочие, а всю деятельность фабзавкомов и производственных комиссий возглавляли и направляли партийные организации.

Характеризуя производственные совещания как форму контроля снизу, со стороны широких масс рабочего класса, Генкина признавала принципиальной ошибкой рассмотрение их как возврат к рабочему контролю над производством первых месяцев после победы Октябрьской революции.

Исключительно с положительной стороны оценив деятельность производственных совещаний, автор тем не менее выделила в ней ряд существенных недостатков. К последним исследователь отнесла в некоторых случаях сравнительно небольшой охват рабочих, слабое вовлечение инженерно-технических работников, отсутствие необходимой плановости, увлечение общими вопросами или, напротив, только незначительными проблемами производства[4].

В целом же автор подчеркивала, что именно производственные совещания сыграли большую роль в подготовке новых руководящих кадров хозяйственников для социалистической промышленности, так как проводили большую работу по выдвижению рабочих.

И.П. Остапенко начинает свое исследование с характерного для советской историографии утверждения о том, что опыт ведения хозяйства в СССР и в странах на-

родной демократии показывает, что социалистическое государство выступает как организатор и руководитель хозяйственной деятельности общества[5]. Тем самым историк предвосхищает вывод о доминирующей роли государства в организации производственных совещаний и других хозяйственных органов.

И.П.Остапенко настаивает на том, что управление народным хозяйством было для трудящихся делом нелегким, в особенности в начальный период социалистического строительства. Историк объясняет подобное явление отсутствием у рабочего класса опыта управления крупным хозяйством и непосредственно отсутствием необходимых подготовленных для этого кадров. Отсюда автор заключает, что задачей Советского государства было формирование собственных кадров и привлечение широких масс к управлению производством.

Раскрывая сущность принципа единоначалия в управлении предприятиями, И.П.Остапенко подчеркивает значительную «моральную поддержку» рабочих масс руководства предприятиями, которая в большей степени заключалась в вовлечении трудящихся в управление производством и организации производственных совещаний. Будучи совещательным органом, эти массовые организации активно выявляли мнения рабочих и служащих, способствовали улучшению хозяйственных дел предприятий. Таким образом, по мнению автора, принципы единоначалия сочетались с осуществлением контроля снизу [6]. Особое внимание исследователь обращает на личностные качества советского хозяйственника, подчеркивая его ответственность за работу вверенного ему предприятия. Классовый подход прослеживается в оценке автором работы советских хозяйственников в сравнении с подобной деятельностью иностранных хозяйственных управленцев, не стремящихся защитить интересы трудящихся: «на капиталистических

предприятиях не может быть человеческих отношений между эксплуататорами и эксплуатируемыми»[7].

В целом И.П. Остапенко делает вывод о том, что производственные совещания являются реальным выражением участия рабочего класса в управлении производством.

Следует отметить, что автор ставил своей целью не только раскрыть содержание работы производственных совещаний, оказавшей, по мнению исследователя, большое влияние на повышение производительности труда, но и осветить вопрос возникновения производственных совещаний, их перестройку и разнообразие форм, а также показать роль производственных совещаний как наиболее массовой формы привлечения трудящихся к управлению производством. Делая вывод о значительной роли производственных совещаний в восстановительный период в силу их способности достигать более высоких производственных показателей и тем самым приносить немалую экономическую выгоду, И.П.Остапенко все же выделяет в их деятельности существенные недостатки. К ним, по мнению автора, относятся нерегулярный созыв совещаний, перегрузка повестки дня второстепенными вопросами, а также выполнение совещаниями не свойственных им функций[8]. Тем не менее, в целом автор делает вывод о том, что производственные совещания завоевали право на существование и превратились в постоянно действующий орган.

Ф.В.Самохвалов, также рассматривая важнейшие формы привлечения рабочих к управлению, подчеркивает значительную роль производственных совещаний в управлении предприятием. Говоря о начальном этапе функционирования производственных совещаний, историк делает вывод об отсутствии необходимого их единства в организации работы в данный период времени: «В некоторых случаях производственные совещания ограничивались заслу-

шиванием общих докладов администрации о ходе выполнения производственной программы. На совещании также рассматривались отдельные производственные вопросы, по которым принимались предложения, передававшиеся администрации для проведения в жизнь. Однако эти предложения далеко не всегда осуществлялись, так как роль производственных совещаний в системе управления производством не была еще определена»[9]. Однако, по мнению автора, в конце восстановительного периода именно производственные совещания стали важнейшей формой привлечения рабочих к управлению производством. Более того, исследователь подчеркивает их особую значимость как стимулирующего фактора. Подобный вывод может следовать не только из свидетельства о значительном повышении энтузиазма рабочих масс, но и из того факта, что сами администраторы выдвигались из рабочих и трудящихся масс, а соответственно, лучше, чем кто бы то ни было, знали чаяния последних.

Раскрывая вопрос о развитии форм привлечения рабочих к управлению производством, историк обращает внимание на возросшую с 1927 года оперативную самостоятельность промышленных предприятий, что было связано с изменением функций директоров предприятий, получивших больше свободы в осуществлении тех или иных действий. Перечисляя функции директора по Положению о трестах от 29 июня 1927 года, Самохвалов делает вывод о повышении роли промышленных предприятий и их директоров в системе управления промышленностью. [10]. В целом автор заключает, что указанные изменения оказали положительное влияние на работу фабрик и заводов и полностью отвечали потребностям развития социалистической промышленности.

Современная отечественная историография проблемы в большей степени отличается критикой тех или иных

тезисов, выдвинутых в советской исторической науке. Тем не менее, существуют работы, раскрывающие актуальные аспекты рассматриваемой проблемы. Характерной работой перестроечного периода является диссертационная работа В.В. Калмыкова, посвященная вопросу о становлении и развитии общественных органов управления производством в восстановительный период [11]. Данное исследование интересно еще и тем, что освещает региональный аспект поставленной проблемы. В.В. Калмыков на конкретном историческом материале губерний Верхнего Поволжья анализирует процесс становления общественных органов управления.

Рассматривая процесс управления производством на промышленных предприятиях Верхневолжья, Калмыков не делает вывода о решающей роли рабочего класса в управлении, но, выделяя характерные черты последнего, называет одной из них совершенствование демократических начал, лежавших в основе организации и деятельности общественных органов, формировавших условия для возрастания роли трудящихся в управлении.

В целом Калмыков приходит к выводу, что развитие общественных начал в управлении производством могло дать эффективные результаты лишь при соответствующей перестройке организационной, воспитательной работы. Данное замечание автора вполне справедливо, так как вполне очевидна невозможность существования извечных организационных форм управления, которые были бы годны для всех этапов развития экономики.

Необходимо заметить, что в целостности своей отечественная историография представлена достаточно широким спектром мнений, касающихся новой экономической политики в целом и поставленной проблемы в частности, сводящихся в основном к выводу об исключительно важ-

ной и целесообразной роли рабочего класса в управлении производством.

Библиографический список

1. См.: Генкина Э.Б. Возникновение производственных совещаний в годы восстановительного периода // История СССР. 1958. №3. С. 64.
2. Там же. С.65.
3. Там же. С.77.
4. Там же. С.87.
5. См.: Остапенко И. П. Участие рабочего класса СССР в управлении производством (Производственные совещания в промышленности в 1921-1932гг.). М., 1964. С.4.
6. Там же. С.5.
7. Там же. С.6-7.
8. Там же. С. 39.
9. См.: Самохвалов Ф.В. Советы народного хозяйства в 1917-1932. М., 1964. С.166.
10. Там же. С.217.
11. См.: Калмыков В.В. Становление и развитие общественных органов управления производством в переходный период в условиях восстановления народного хозяйства (на материалах губерний Верхневолжья): Автореф. дис... канд. ист.наук. Ярославль, 1988.

© О.Н. Глявина (ЯГПУ)

Источники по истории изучения партизанского движения на Брянщине в годы Великой Отечественной войны

В современной исторической литературе наблюдается стремление критически переосмыслить ряд узловых проблем героической борьбы советского народа с фашизмом. К сожалению, наряду с серьезными монографически-

ми исследованиями по истории Великой Отечественной войны встречается популярная литература, которая крайне поверхностно освещает трагические события 1941-1945 гг. В то же время историки по-прежнему уделяют слишком большое внимание чисто военным аспектам истории Великой Отечественной войны, незаслуженно отодвигая на второй план народную борьбу советских людей в тылу врага. Особенно «не повезло» партизанскому движению. Вплоть до конца 80-х гг. эта тема была довольно популярной, в то время как с 90 - гг. XX в. количество публикаций по проблеме значительно сократилось. За последнее десятилетие можно выделить лишь одно обобщающее исследование, «Партизанское движение по опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» [1], и немногочисленные работы краеведов [2]. Не так много внимания уделяется и изучению новых источников по данной теме. Так, авторы сборника «Партизанское движение по опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.» признают, что «отечественная историческая наука накопила большое количество материалов и документов, характеризующих народную борьбу во вражеском тылу, выработала определенные методы ее исследования» [3], но в действительности эта тема далеко еще не раскрыта. Современные историки-краеведы, как правило, пересмотрев общий подход к проблеме, отходя от чрезмерного возвеличивания роли Коммунистической партии, продолжают использовать уже введенные в научный оборот источники и традиционные методики их исследования. Отсюда в их работах наблюдается преобладание фактологического описания над анализом материала.

В этой связи актуальным становится рассмотрение комплекса источников по проблеме партизанского движения, который по сравнению с советским временем периодически пополняется новыми рассекреченными документами и более полными переизданиями. Особую важность

приобретают исследования по партизанскому движению в отдельных областях, регионах, позволяющие уточнить и дополнить картину общей борьбы советского народа в тылу врага. Целью данной статьи является рассмотрение с использованием новых исследовательских методик всей совокупности источников, посвященных движению народного сопротивления на Брянщине, одного из наименее изученных (по сравнению с Украиной и Белоруссией) районов партизанской борьбы.

Документы по истории Великой Отечественной войне неоднократно подвергались цензуре и фальсификациям, сознательному исключению из обихода исторической науки. Рассекречивание ряда архивов в связи с распадом СССР открывает новые возможности для исследователей. Однако до сих пор некоторые документы недоступны ученым. Так, в Государственном архиве Брянской области (ГАБО) остаются закрытыми для широкого пользования копии списков работников полиции Орловской области, материалы о расстрелянных за измену Родине, копии приказов «Народной армии» по личному составу, отдельная корреспонденция и пр. [4]. Отсутствие этих и ряда других документов в научном обороте мешает восстановлению полной картины жизни и борьбы советского народа в тылу врага. Тем не менее, имеющаяся в распоряжении исследователей источниковая база по данной проблеме довольно обширна и позволяет раскрыть некоторые ее аспекты, такие как военные действия партизанских соединений, организация политической работы в тылу врага, героизм советского народа, зверства немецких оккупантов и ответные действия партизан.

Опубликованные документы включают в себя несколько видов источников. Довольно значительную группу составляют воспоминания участников партизанского движения на Брянщине [5]. Авторы детально повествуют о своем пребывании в партизанских отрядах, участии в бое-

вых действиях, рассказывают о любопытных происшествиях на войне и в быту, описывают зверства фашистов и акты возмездия за них. К сожалению, мемуарам партизан присущи все недостатки, типичные для данного жанра. Их литературные достоинства перевешивают научную объективность и достоверность в изложении фактов. Воспоминания партизан следует читать с большой осторожностью: они наполнены неверными описаниями действий и характеров людей, возвышают одни поступки и преуменьшают другие, приписывают некоторым людям те заслуги, которые на самом деле им не принадлежат. Большинство из этих воспоминаний написаны спустя годы после окончания войны, поэтому на излагаемые факты накладываются оценки, взятые из научной литературы. Происходит некоторая модернизация истории, когда личные переживания описываемого автором периода подменяются их интерпретацией. Воспоминания подвергались и значительной цензурной обработке, что предопределило большую тенденциозность, субъективизм мемуаров и демонстрацию многими авторами своей приверженности коммунистической идеологии. Аналогичные недостатки присущи сборникам воспоминаний партизан Брянщины «Лесные богатыри» и «Взрывы на большаке»[6]. Необходимо отметить, что публикации мемуарных произведений о народной борьбе в тылу врага практически завершились в конце 1980-х гг. и в современный период переизданий не осуществлялось. Тем не менее, данная группа источников дает определенное представление о мировоззрении участников партизанского движения, содержит сведения, которые не всегда совпадают с официальной точкой зрения советской историографии. Так, например, командир второго полка брянской партизанской бригады «За Родину» кандидат исторических наук И. А. Ильиных в своих воспоминаниях утверждает, что большинство отрядов заранее готовилось к приближению врага

и заранее уходило на подготовленные базы. Но были отряды, возникшие в период оккупации, главной задачей которых являлась организация и добыча боеприпасов [7]. В то же время в сборнике документов и материалов о брянском партизанском движении говорится о том, что «на Брянщине партизанское движение развернулось сразу же после вторжения оккупантов на территорию Орловской области (до июля 1944 г. территория нынешней Брянской области входила в состав Орловской – О. Г.), но подготовка к борьбе с врагом в его тылу началась значительно раньше – после директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил на борьбу с германским фашизмом и выступления по радио 3 июля 1941 года председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина» [8]. Таким образом, если официальная историография говорила об организованности партизанской борьбы, то в воспоминаниях И.А. Ильиных содержится информация о стихийном характере народного сопротивления. Директива, на которую ссылаются авторы научного сборника, не упоминала о создании партизанских соединений; централизованная организация вооруженной борьбы в тылу врага началась только в 1943 г. с создания Центрального штаба партизанского движения.

В советский период была проделана большая работа по публикации архивных документов о партизанском движении. Она нашла свое отражение в сборниках «Партизаны Брянщины», «Брянску 1000 лет» и др. [9] Авторы-составители делали подборки источников для доказательства тезиса о ведущей роли Коммунистической партии в партизанском движении: «С самого начала народную войну на временно оккупированной гитлеровцами территории направляла и организовывала Коммунистическая партия. Она видела в этой борьбе не только действенную помощь

Красной Армии, но и могучее средство укрепления морального духа советских граждан, временно оказавшихся под игом фашистских оккупантов» [10]. В этих сборниках объединены различные виды источников: делопроизводственные (оперативные сводки, донесения разведки), документы личного происхождения (переписка и дневники командиров партизанских отрядов), государственные акты военного времени (немецкие распоряжения о борьбе с партизанами, приказы Центрального штаба партизанского движения и Ставки, приказы штабов партизанских бригад), пропагандистские (листовки, газеты), мемуарные (отрывки из дневников и воспоминаний партизан). Несмотря на тенденциозность подборки, сборники содержат важный фактический материал, статистические данные, подробно повествуют об организации партийно-политической работы в тылу врага, рассказывают о жестокостях оккупационного режима. Они позволяют восстановить историческую картину военных действий, судить о роли партизанского движения Брянщины в борьбе против немецко-фашистских захватчиков, показывают влияние географического фактора (наличие лесных зон) на особенности сопротивления в оккупированном регионе. Опубликованные источники в основном освещают военные аспекты партизанского движения.

Значительно меньше опубликовано документов по вопросам о методах подготовки партизанских кадров, об источниках и способах снабжения партизан оружием и боеприпасами, медикаментами, о партизанском быте. Решение данных проблем возможно лишь с помощью архивных документов. В Государственном архиве Брянской области содержатся разнообразные документы периода Великой Отечественной войны. Основные фонды сосредоточены в Центре новейшей истории Брянской области ГАБО: фонд Брянского партизанского движения (ф. 1650), коллекции

документов «О партизанском движении на Брянщине» (ф. 1107) и «Письма периода Великой Отечественной войны» (ф. 625). Архивные документы позволяют по-иному осветить отдельные сюжеты партизанского движения: о степени готовности партизан к борьбе с врагом, об организации обучения партизанских кадров, о моральном духе участников движения народного сопротивления и др. В частности, на основании документа «Распоряжение начальника штаба военной части № 00130 под № 0469 от 9 сентября 1942 года» можно сделать вывод о недостаточном умении партизан пользоваться взрывчатыми веществами [11]. Согласно «Положению по организации школы подготовки партизанских кадров Орловской области» от 17 апреля 1942 года подготовка партизан осуществлялась в очень сжатые сроки (от 15 до 45 дней), что, в свою очередь, не могло способствовать ее высокому качеству [12]. Некоторые документы вносят существенные дополнения в облик советского партизана. Очевидно, что правдивое, объективное изображение народной борьбы в тылу врага в годы Великой Отечественной войны возможно лишь с помощью полного изучения всего комплекса источников. Представляется перспективным расширение круга документов благодаря новым изданиям, в частности публикации дневников начальника штаба партизанского отряда имени Лазо А. Ф. Мосина [13]). Новые данные по проблеме появляются также в результате использования новых методик их исследования, разработке ряда ранее не изученных проблем. Так, например, интересными представляются исследования в плане имагологии – изучение образа участника партизанской борьбы в советской и немецкой пропаганде с привлечением плакатов, листовок, периодической печати военного периода, а также пропаганды самих партизан; исследования партизанского быта с использованием фольклорных источников (партизанских пословиц, поговорок, песен); изуче-

ние партизанской медицины в экстремальных условиях и нетрадиционных методов лечения; рассмотрение гендерного аспекта проблемы с помощью новых методик анализа текстов воспоминаний, написанных мужчинами и женщинами; исследование централизованной подготовки участников народного сопротивления с привлечением текстов учебных программ школ партизанских кадров; изучение взаимодействия партизан и местного населения с анализом воспоминаний не только командиров и комиссаров движения, но и рядовых участников и людей, побывавших в оккупации; рассмотрение побудительных мотивов борьбы и коллаборационизма советских людей в тылу врага с использованием психологических методик исследования.

Библиографический список

1. Партизанское движение по опыту Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 2001.
2. Анищенко Е. Н. Партизанская республика: героическое повествование о народных мстителях Брянского района. Тула, 1992; Его же. Через толщу лет (О партизанской борьбе с фашистами на Брянщине в 1941-1943 гг.). Тула, 1996; Полозов И. М. На землю Брянскую. Брянск, 2000; Хохлов В. Г. В тылу врага. Брянск, 1995.
3. Партизанское движение по опыту Великой Отечественной ... С. 13.
4. ГАБО. Ф. 1650. Оп.1. Д. 86, 213.
5. См.: Ильиных И. А. Шестьсот дней в боях и походах. Брянск, 1960; Гуд Б. Е. Гремит Брянский лес. Харьков, 1968; Сельгиков М. А. Друзья мои, партизаны. Элиста, 1968; Емлютин Д. В. Шестьсот дней и ночей. М., 1971; Тихоненков К. С. Записки партизанского комиссара. Тула, 1971; Салай М. Г. По знакомым дорогам. М., 1981; Сабуров А. Н. Отвоёванная весна. Устинов, 1986; Данченков Ф. С. Особое поручение. Киев, 1988.

6. См.: Лесные богатыри. Тула, 1966; Взрывы на большаке. Брянск, 1968.
7. Ильиных И. А. Шестьсот дней в боях и походах. Брянск, 1960. С. 3.
8. Партизаны Брянщины. Тула, 1970. С. 5.
9. См.: Партизаны Брянщины. Тула, 1970; Брянску 1000 лет. Брянск, 1985; Плечом к плечу. Брянск, 1974; «И позвала сынов отчизна...» Брянск, 1981.
10. Партизаны Брянщины. Тула, 1970. С. 5.
11. ГАБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 7. Л. 45.
12. Там же. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.
13. Там же. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 73, 74.

© А.А. Александров (ЯГПУ)

Социально-экономический строй государств Рейнского Союза: источниковедческий аспект

Рейнский Союз (1806-1815) возник как результат противостояния Наполеоновской Франции и континентальных великих держав Австрии, Пруссии и России, объединив части уничтоженной Священной Римской империи германской нации под покровительством Наполеона Бонапарта. Ставшие независимыми новые германские государства, члены военного и политического союза, в целях собственного выживания предприняли комплекс обширных реформ, затронувших все важнейшие сферы государственной жизни. Тем самым и в Германии был заложен фундамент нового буржуазного мира.

Изучение социально-экономического устройства реформированных государств Рейнского Союза имеет ряд ограничений. К ним относятся сравнительно небольшой корпус источников; преобладающее внимание исследователей к событиям «большой истории» (Наполеоновские войны, великие державы Австрия, Пруссия, Россия, Анг-

лия) и ключевым фигурам времени (Наполеон, Галейран, Александр I); относительно слабая рефлексия современников в описании и оценке событий.

Примечательно, что публикация исторических источников по изучаемой проблеме была начата еще в 1826 г. на средства прусского реформатора Г.Ф. фон Штейна, положив начало знаменитой германской серии «Памятники германской истории». Уже в 1830 г. вышло первое издание ставшей известной библиографии «Источниковедение германской истории», представляющей систематизированную ретроспективную библиографию источниковедческих работ.

Следует отметить, что контуры будущего Рейнского Союза были заложены Наполеоном в результате ряда побед над европейскими державами: Австрией, Пруссией и Россией. В этой связи представляют интерес тексты Люневилльского (1801) и Пресбургского (1805) мирных договоров, в статьях которых уже сформулированы принципы создания и существования первых независимых германских государств. Содержание материалов мирного конгресса в Раштадте о послевоенном устройстве Германии и текста «Основополагающего решения имперской депутации» (так называемый «Имперский рецесс» 1803 г.) указывает на начало коренного преобразования германского государственного и церковного устройства на основе принципов секуляризации и медиатизации [1]. «Основополагающее решение» изменило политическую структуру империи, перевернуло положение и устройство церкви и в значительной мере оказало влияние на экономические условия в Германии. Вплоть до 1871 г. и частично даже до 1945 г. данный документ стал своего рода скрытой общегерманской конституцией. Тексты договоров, «Имперского рецесса», соглашений между германскими государствами

публиковались в каждом издании «Памятников германской истории» [2].

Принятый в 1806 г. «Акт о создании Рейнского Союза» стал конституционной основой для объединения 16 князей, которые 1 августа отделились от Священной Римской империи германской нации и уже вследствие этого сделали неизбежным конец старой империи. Опубликованные в 1808 г. немецким журналистом Р. Винкоппом 40 статей «Акта о создании Рейнского Союза» формулировали основы государственно-правового существования и взаимодействия созданных из обломков империи княжеских государств как между собой, так и со своим могущественным протектором в лице Наполеона и Французской империи [3].

Политическое объединение германских государств в Рейнский Союз породило новые отношения не только между формирующимися сословиями чиновничества, буржуазии и свободного крестьянства, между властью и обществом, но также между центром и территориями, входящими в состав Рейнского Союза. Поэтому важную роль в становлении новых германских государств играли договоры между Рейнским Союзом и Францией, между государствами Союза, содержавшие в том числе и основные распоряжения верховной власти относительно организации местного управления. Они фиксировали новые нормы отношений Рейнского Союза и его отдельных территорий, создавая тем самым прецеденты для решения подобных вопросов в дальнейшем.

Принятие этих политических документов обеспечило мощный эволюционный толчок в сторону централизации государственной власти и унификации политических учреждений государств Рейнского Союза.

Первопроходцем и примером строительства германского государства на новых принципах стала Бавария. Про-

филь нового государства, смело продуманная программа реформ исчерпывающе изложены в Ансбахском меморандуме 1796 г. ведущего баварского министра Монтгеласа, опубликованном в 1970 г. Еберхардом Вайсом. Ряд организационных эдиктов в Баварии, Организационный план Фридриха Вюртембергского и Организационный эдикт Райтценштейна в Бадене обеспечили проведение наиболее значительных мероприятий по государственному строительству, изменению социально-экономического устройства в юго-западной Германии: в Баварии, Вюртемберге и Бадене.

Наиболее значительным источником в области социально-правового устройства государств Рейнского Союза является, без сомнения, французский гражданский кодекс 1804 г., так называемый кодекс Наполеона, названный Ф. Энгельсом классическим сводом законов буржуазного общества и оказавший решающее влияние на развитие гражданского права германских государств [4]. Без ограничений кодекс Наполеона был принят на территории отошедших к Франции территорий левого берега Рейна и действовал там вплоть до 1900 г. Практически без изменений кодекс был внедрен в государствах-сателлитах, Вестфалии и Берге, находившихся под управлением членов семьи Наполеона. В Бадене, баварском Пфальце и во Франкфурте были найдены компромиссные решения, и часть принципов германского феодального устройства была встроена в положения нового кодекса. В Баварии в 1813 г. был введен новый, отредактированный Ансельмом Фейербахом уголовный кодекс, который содержал ряд положений кодекса Наполеона и стал примером для подражания не только в сфере германского языкового пространства.

Крайне важными источниками исследования процесса становления германского буржуазного общества являются первые германские конституции: Вестфальская

1807 г. и Баварская 1808 г. Конечно, в этих документах речь шла пока только о видимом конституционализме: обе конституции фактически не работали. Однако основы новых государств - личная безопасность, собственность, главенство закона и равенство всех перед законом, независимость юстиции – в принципе гарантировались. В этом смысле конституции представляют собой первые формы легитимации нарождающихся новых принципов государственного и общественного устройства буржуазного общества в Германии.

В процессе формирования новых социально-экономических отношений в Германии положение социальных слоев и групп кардинально менялось. Практически во всех государствах Рейнского Союза были приняты законодательные акты, регулирующие новое положение социальных групп и их взаимоотношения. Опубликованные немецкими историками В. Конце, Е. Хубером и Г. Францем политические документы государств Рейнского Союза положили начало коренному изменению положения дворянства, землевладельцев и крестьян, формированию нового сословия – чиновников. Эдикты о положении дворянства, о правах землевладельцев, о судеустройстве, об освобождении крестьян и ряд других правовых документов германских государств пересмотрели прежние взаимосвязи между социальными группами в обществе и заложили фундамент для формирования новых взаимоотношений между слоями, способствовали образованию новых социальных групп.

Ключевым документом оформления современной бюрократии стала баварская «Главная прагматика страны о служебных отношениях государственных служащих», принятая 1 января 1805 г. Этот первый германский законодательный акт, регулирующий должностное право в государственных учреждениях, стал примером и образцом для

выработки подобных норм не только в Германии, но и в ряде государств Европы.

Другой важной группой источников для исследования и оценки общественно-политической обстановки в государствах Рейнского Союза является, безусловно, германская периодическая печать. Тем не менее, следует согласиться с известным британским историком Э. Хобсбаумом, выделившим ряд ограничений при изучении германской печати. Газет в Германии в этот период было очень мало, они печатались для средних и высших классов, и немногие могли их читать. Новости, в основном, приходили по официальным каналам, через государство и церковь, а также с путешественниками и мигрирующей частью населения [5]. Наполеоновская и местная княжеская цензура также накладывали значительный отпечаток на содержание газет. Известен знаменитый декрет князя Дальберга о сохранении во Франкфурте только одной газеты, редактор которой будет назначаться министром полиции.

Связь имела очень важное значение для государственных деятелей и торговцев, поэтому почта для умеющих читать играла первостепенную роль, распространившись со II половины 18 века по всей Европе. Переписка Наполеона Бонапарта с членами семьи, руководившими германскими государствами-сателлитами, с князьями и министрами государств Рейнского Союза отражает видение ведущими политическими фигурами текущей ситуации в Германии, ее оценку и намерения по дальнейшей реорганизации общественно-политического устройства.

Изображение нового капиталистического общества и нового общественного устройства в общественно-публицистической литературе Германии появилось только после 1840 г. после выхода ряда британских работ, отражающих социальные последствия промышленной революции. Тем не менее, германские историки часто обращаются

к трудам Ф. Майера, Р. фон Моля при анализе общественно-политической обстановки в Германии эпохи Наполеона [6].

Отдельной группой источников следует считать работы германских мыслителей и философов изучаемого периода. Работы Й. Гердера, И. Канта, Ф. Шлегеля, Й. Фихте, Г. Гегеля оказали мощное влияние на развитие общественной мысли и стали основой германской классической философии.

Особое место среди источников для изучения «наполеоновской Германии» занимает ежемесячник Московского университета «Аврора», издававшийся с октября 1805 г. по осень 1806 г. при активном участии профессоров-немцев Ф. Рейнгарда и Х. Шлецера. Ряд публицистических статей Ф. Рейнгарда, среди которых «Сравнение политики древних римлян с политикой нынешних французов» (№ 1), «О новой Рейнской конфедерации» (№ 2), иллюстрирует позиции германской интеллигенции относительно процессов реорганизации германских государств.

Примечания

1. Медиатизация подразумевала упразднение непосредственного подчинения императору светских имперских дворян в результате присоединения их владений к крупным местным образованиям, например, к герцогству или курфюршеству.
2. Meyer P. A. G. v. [Hrsg.]: *Corpus Juris Confoederationis Germanicae oder Staatsacten für Geschichte und öffentliches Recht des Deutschen Bunds*, Teil 1. Staatsverträge, 3. Aufl., Frankfurt am Main 1858.
3. Winkopp P. A. [Hrsg.]: *Die Rheinische Konföderations-Akte*, Frankfurt am Mayn 1808, S. 39-77.
4. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. М., 1952. С. 47.

5. Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789 – 1848. Ростов н/Д: Феникс, 1999. С. 18-19.
6. Например: Maier F. Geschichtliche Darstellung des Staatsschuldenwesens des Koenigsreichs Bayern, 1839; Mohl R. v. Die Machtelemente der Monarchie. - Tuebingen, 1862 и ряд других.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

© В.Н.Пирогов (ЯГПУ)

Реализация воспитательного аспекта курса Отечественной истории в образовательном процессе

Реализация воспитательного аспекта курса Отечественной истории опирается на нормативно-правовую базу, представленную Законом Российской Федерации «Об образовании», федеральными программами развития образования, документами государственных органов управления образованием, направленными на активизацию познавательной и воспитательной деятельности в вузах страны. В Законе Российской Федерации «Об образовании» определены основные требования к воспитательной работе в государственных и муниципальных образовательных учреждениях и сформулированы принципы государственной политики в области образования. Так, статья 2 закона требует усиления гуманистического характера образования, показа приоритета общечеловеческих ценностей, свободного развития каждой личности, воспитания гражданственности, трудолюбия, уважения к правам и свободам, любви к Родине, семье. В ней подчеркнута необходимость общедоступного образования, адаптации системы образования к уровням и особенностям развития и подготовки обучающихся, свободы и плюрализма мнений. В п.2 статье 9 этого закона отмечается, что сами программы должны быть направлены на решение задач формирования общей культуры, адаптации личности к жизни. И в образовательном процессе студенты получают в преемственной последовательности учебных тем отечественной истории с древнейших времен и до наших дней. На этой базе они получают представления о становлении и

развитии человеческой цивилизации, о сложных и противоречивых отношениях становления славянского государства, об отношениях между классами, сословиями, о различных преобразованиях в экономической, социально-политической и духовной областях.

Изучение отечественной истории невозможно себе представить без судеб различных людей, самого государства, без таких явлений, как различные реформы и преобразования, смуты, войны и революции. Все это позволяет увидеть человека в нестандартных ситуациях, в периоды напряжения всех его духовных потенциалов, благодаря чему создаются богатейшие возможности для осуществления процесса воспитания. «Опыт истории помогает выработать нравственную оценку окружающей нас действительности и соответствующим образом определить наше поведение» [2].

Роль исторического образования в деле подготовки будущих педагогов уникальна: «Я знаю только одну науку, делающую человека гражданином, – это наука история», – так оценивал значение исторического образования Николай Михайлович Карамзин [3].

В процессе изучения отечественной истории студенты получают огромные знания о самобытном прошлом и настоящем нашего народа, оказывающем влияние на формирование духовных и нравственных ценностей русского народа. Данная особенность этого учебного предмета в максимальной степени способствует формированию заявленной в Государственном стандарте образования такой важной характеристики личности, как национальная идентичность. Изучение отечественной истории способствует социализации обучающихся в современном российском обществе, что предполагает приобщение их к культуре нашего народа; правовому образованию, формированию демократической культуры. Историческое обра-

зование позволяет реализовать важнейшие цели воспитания: гражданственность, патриотизм, формирование духовной культуры личности. Изучение истории невозможно в отрыве от других дисциплин гуманитарного цикла: литературы, философии, обществознания. Эти связи усиливают новые грани понятий и явления, углубляют получаемые студентами знания и одновременно усиливают воспитательное воздействие всего учебного процесса.

В чем же заключается воспитательный аспект отечественной истории как учебной дисциплины?

Во-первых, значительным воспитательным потенциалом обладает, прежде всего, само содержание учебной дисциплины. В ней собран социокультурный опыт нашего народа, представленный в образах подлинной нравственности, духовности, гражданственности, а это способствует формированию гуманистических качеств личности, ее духовности и правовой культуры. Представляя историческое время в череде судеб, факторов и событий, история дает возможность наполнить реальным содержанием понятие «Отечество», почувствовать студентам свою эмоциональную связь с теми, кто жил и живет в пространстве, называемом Россией, что, безусловно, является сущностным элементом патриотического воспитания. Содержание отечественной истории играет важнейшую роль в формировании национальной идентичности, в становлении понимания своей кровной связи с народом страны, своей причастности к историческому пути, к национальной памяти.

Во-вторых, огромен воспитательный потенциал самих методов, форм, способов и приемов преподавания отечественной истории. Сегодня использование новейших технологий в педагогической практике позволяет обеспечить проявление студентами собственной нравственной, гражданской позиции, расширение их социального опыта в результате проигрывания различных социальных ролей в

ходе обучения. А использование активных и интерактивных методов обучения способствует развитию таких важных качеств, как умение вести аргументированную полемику, отстаивать собственное мнение, свою точку зрения и одновременно видеть позитивные элементы в другой, подчас противоположной точке зрения, умение слушать и слышать, терпимость и уважительное отношение к оппоненту.

Цели образования, воспитания, обозначенные в документах Министерства образования и науки и других актах, являются общими ориентиром в работе со студентами в учебной и воспитательной работе педагога. Вместе с тем, специфика содержания исторического образования и особенности современной социокультурной обстановки в стране предполагают целесообразным обратить внимание на некоторые аспекты воспитательной работы. В частности, представляется необходимым, чтобы у каждого студента воспитывалось понимание и осознание уникальности его внутреннего мира (как будущего учителя-историка), чтобы он осознал в первую очередь социальную значимость понятий «долг», «честь», «совесть», «смысл жизни» и т.д. Именно такой человек сможет стать ответственным и полноценным гражданином, патриотом нашей Родины, членом развитого самоуправляющегося гражданского общества. Кроме того, все занятия по истории позволяют развивать у студентов уважение к знаниям и умениям работать с источниками, откуда можно почерпнуть дополнительные знания помимо тех, что представлены в учебных пособиях. Студенты должны быть сориентированы на то, что гражданин-патриот думает и заботится в первую очередь о своей Родине, интересах российского общества и страны в целом. В связи с этим исторический материал необходимо подавать с гражданско-патриотических позиций, укрепляя в сознании обучаемых чувство ответственности

за свою Родину, сопричастности радостям и проблемам нашей страны.

Конечно, мощный воспитательный потенциал отечественной истории может быть реализован при условии специально организованной и целенаправленной деятельности педагога. Вот почему при организации любого вида занятия преподавателю прежде всего необходимо определить воспитательную цель занятия;

– определить те методические приемы, с помощью которых данная цель будет достигаться. Так, если это лекция с элементами беседы, то необходимо продумать приемы, с помощью которых до понимания студентов следует донести идеи, имеющие важное значение с точки зрения воспитания. Такими приемами могут быть яркий, образный рассказ преподавателя, драматизация каких-либо событий, акцентирование документального материала, приглашение на занятие участников или свидетелей исторических событий;

– очень важно, когда преподаватель специально разрабатывает вопросы, задания, направленные на решение именно воспитательных задач.

Например: при рассмотрении проблем, связанных с освобождением Москвы от польских интервентов, можно поставить такой вопрос: как Вы думаете, можно ли назвать деятельность Кузьмы Минина при организации народного ополчения подвигом? Или: Имеет ли Ярославль какое-либо отношение к освобождению Москвы от польских интервентов? Свой ответ аргументируйте фактами.

Нам, педагогам, важно, что достижение воспитательных целей может быть эффективным лишь в том случае, когда форма организации учебного занятия, используемые методические приемы, методы, способы, а также содержание поставленных вопросов, заданий будут обусловлены содержанием передаваемых знаний.

Следует применять разнообразие форм и методов изучения истории, которые обеспечивают проявление студентами собственной нравственной и гражданской позиции, расширение их социокультурного опыта.

Огромными воспитательными возможностями обладают современные новейшие педагогические технологии, в частности такие, как технология проектной деятельности, проблемное обучение, применение новых информационных технологий. Вместе с тем в учебном процессе широко используются давно апробированные и доказавшие высокую эффективность такие формы активизации познавательной деятельности, как проведение дискуссий и организация диспутов, интегрированные и обобщающие занятия, семинары, КВН.

Воспитательное воздействие всех видов значительно усиливается, если они затрагивают нравственные проблемы, которые для современной молодежи являются злободневными, значимыми. Этому же способствует воспитание у студента потребности в дополнительной информации, в частности, документального, архивного материала, мемуарной литературы, статистических данных и других видов источников. Учебная деятельность должна побуждать студентов к самостоятельным размышлениям, выводам, к высказыванию своих мнений. Немаловажно и то, что студенты должны увидеть и почувствовать убежденность самого ведущего занятия.

Есть и другие факторы учебного процесса, обеспечивающие успех реализации воспитательных задач. Как известно, у истории черновиков не бывает. Она пишется один раз и сразу набело. Знакомство с событиями далекого прошлого или настоящего дает возможность студентам узнать о тех проблемах, которые когда-то волновали наших соотечественников, о переживаниях, страданиях, радостях, выпавших на долю жителей России, о трудовых и ратных

делах и подвигах, совершенных во имя ее свободы и процветания, о князьях, царях, императорах, о талантливых людях, составивших славу нашей страны.

Все названное может способствовать в какой-то мере формированию таких личностных качеств, как гражданственность, патриотизм, толерантность, а также развитию чувства сопричастности с судьбой государства, своего народа, становлению демократического сознания, воспитанию ответственности, дисциплинированности.

Преподавателю необходимо всегда помнить, что жизнь страны, как и судьба каждого человека, неоднозначны. Все переплетено: успехи и невзгоды, поражения, периоды подъема и спада. Вот почему, раскрывая суть исторических процессов, необходимо показывать названную неоднозначность во всех ее проявлениях, уходить от однообразности и односторонности оценок и характеристик. Многоплановость и многомерность имеют большое воспитательное значение, так как студенты должны видеть мир многоцветным, а не черно-белым. Недопустимо сокрытие фактов как положительных, так и отрицательных, а также их муссирование.

Положительное влияние на становление непредвзятого отношения к нашей истории оказывает проведение параллелей между родной историей и историей зарубежных стран. Громадное влияние на формирование гордости за Родину, уважительного отношения к ее культуре оказывает обращение внимания студентов на факты, которые не имели места в истории других стран, уникальных по своей сути, например, неповторимость личности первого реформатора Петра I или факт революционного выступления дворянских революционеров в защиту прав и свобод народа, вклад изобретателей, историков, художников, писателей, их приоритетных достижений в общую копилку мировой культуры.

Каждая тема в отечественной истории уникальна по своему и каждая из них несет свой воспитательный потенциал. Например, в теме «Русские земли и княжества в XII – середине XV вв.». рассматривается очень важный период русской истории, кульминационный, он во многом определил дальнейшее развитие нашей страны. Феодалная раздробленность, завершившаяся к этому времени, имела судьбоносное значение: распад на отдельные княжества ослабил страну, что обусловило усиление экспансии иностранных интервентов, ее захват монгольскими завоевателями и последующее 240-летнее иго.

Как здесь не вспомнить великое произведение русской литературы «Слово о полку Игореве» и ту роль, которую сыграл Ярославль в сохранении этого уникального документа! Учебный материал темы насыщен событиями огромного значения для воспитания чувства патриотизма: победа над крестоносцами и шведскими рыцарями, героическая борьба русского народа против монгольских захватчиков. Можно привести десятки примеров и доказательств.

Воспитательными целями тем, посвященных «оттепели», «застою» и последующему кризису советской системы, должны стать развитие демократического сознания, понимание ценностей демократии и прав человека, неприятие авторитаризма. Так, например, при знакомстве с периодом «оттепели» целесообразно связать противоречивость времени с противоречивостью личности Н. С. Хрущева. Здесь можно вспомнить описание памятника Н. С. Хрущеву (скульптор Э. Неизвестный) и поставить проблемное задание – найти ответ о связи личности со временем, о влиянии личности на политику.

Воспитательный потенциал отечественной истории невозможно полностью реализовать только в аудиторное время. История должна выйти за рамки занятий и пронизывать деятельность вуза. Здесь есть накопленный опыт и

свои традиции. Это массовые, групповые и индивидуальные формы учебно-воспитательной работы, факультативные занятия. Большую популярность в настоящее время приобретает проектная деятельность, которая выводит студентов на исследования в различных областях исторического знания. Обязательной формой стало проведение занятий в музеях, в том числе музея университета, посещение выставок.

Таким образом, на основе требований законодательства, положений государственных программ развития образования мы попытались охарактеризовать воспитательные и развивающиеся цели изучения отечественной истории. С учетом содержания учебных планов, программ и сложившейся практики представлены некоторые направления реализации воспитательного аспекта курса. В образовательном процессе воспитание гражданственности, патриотизма, правовой, политической, духовно-нравственной культуры и других социально ценных ориентаций и качеств личности является первостепенной задачей преподавателей-историков.

Библиографический список

1. Вестник высшей школы. М., 2004. №1.
2. Гулыга А. В. Эстетика истории. М., 1974. С. 27.
3. Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. М., 1987. С. 29.

© О.Ф.Рожкова (ЯГПУ)

**Вариативность решения социальных проблем
как фактор развития творческой активности учащихся
в процессе самостоятельной работы на уроках
общественных дисциплин**

Общество традиционно делегирует школе задачу формирования у подрастающего поколения жизненной позиции, стремлений, предоставляющих ему возможность успешной адаптации в современном мире. Актуальным требованием в этой связи является формирование готовности у школьников к активной, творческой деятельности. Важнейшим фактором этого процесса является личный опыт ученика.

Творческая активность ученика, на наш взгляд, зависит не только от знания учебного материала, а и от содержания и характера деятельности, в которой формируются глубокие, прочные знания и способы социальных действий.

Наш опыт работы учителем в школе и последующая научно-педагогическая деятельность убедили в том, что эффективность формирования творческой активности на уроках общественных дисциплин достигается при условии создания ситуаций выбора, включения учащихся в самостоятельную оценку социальных явлений и фактов. Для этого необходимо осуществить ряд подготовительных процедур: а) провести сравнительный анализ понятий и подходов с различных идеологических позиций; б) расширить изучаемый материал с целью усиления его проблемности, показав неоднозначность последствий происходящих в обществе событий; в) выделить в изучении предмета главное и второстепенное на основе критерия адекватности изучаемого происходящим переменам в социуме.

Для сравнения мы предлагали учащимся традиционный подход к определению понятия, оценке того или иного общественного явления, а также альтернативные точки зрения. При этом учителем не отдаётся предпочтение ни одной из них. Учащимся представлялась возможность самостоятельного выбора решения социальных проблем.

Дискуссии по актуальным социальным проблемам с учётом выбора их решения способствовали интересу учащихся к творческому осмыслению философских понятий и категорий, ориентировали на участие в поиске решения социальных проблем.

Вариативность социальной позиции полагала изменить отношение учащихся к общественным дисциплинам. Анализ этих отношений учащихся позволил обосновать четыре уровня интереса учащихся.

1 уровень – нейтральный, характеризующий учащихся, практически не интересующихся социальными проблемами, не изучающих дополнительный материал, не склонных к философскому осмыслению своих действий, при первых же затруднениях отвлекающихся, перестающих слушать.

2 уровень – эпизодический интерес. Характерен для учеников, которые начинают самостоятельное изучение литературы по общественным дисциплинам, редко интересуются политическими событиями и не дают им самостоятельной оценки. В основном активность проявляют после напоминаний учителя.

3 уровень – неустойчивый интерес, который учащиеся проявляют только тогда, когда изучаемые явления и факты вызывают у них определённые ассоциации, связанные с ними лично или позволяющие повысить свой статус в межличностных отношениях с товарищами. Однако такие проявления носят временный характер. Изменение этого уровня на более высокий зависит от стимулирования их творческих успехов учителем при изучении общественных дисциплин.

4 уровень – устойчивый, разносторонний интерес. У этой группы учеников выражена непосредственно мотивационная, эмоционально окрашенная направленность личности на изучение социальных явлений и процессов. Этот

уровень отличается стремлением к самостоятельному поиску, выработке своего мнения, своей оценке происходящего.

Анализ педагогического опыта показывает, что углубление познания является, по существу, основой развития творческой активности учащихся. Она формируется и проявляется, начиная с самых простых видов деятельности: с выделения новых признаков, сторон, качеств ранее изученных и уже известных предметов и явлений, с нахождения новых способов решения проблемы. Она не сводится к слушанию и запоминанию, а развивается в непосредственной деятельности ученика.

Наиболее острой проблемой в развитии творческой активности учащихся в ходе изучения исторического материала является формирование мотивации учения. Это и не удивительно, поскольку вся социальная действительность направлена на отторжение исторической правды, а учебники и вспомогательная литература до сих пор являются нестабильными. В данной ситуации каждый учитель изыскивает всевозможные способы преподавания, чтобы заинтересовать учащихся изучаемым материалом.

Для проверки зависимости творческой активности от мотивации учения школьников были апробированы различные методики, в основном заимствованные из психолого-педагогической литературы. Исследование показало, что связь мотивации изучения истории с выбором самостоятельных форм обучения довольно высока, а интерес к изучаемому материалу в условиях самостоятельной работы становится одним из ведущих факторов творческой активности. Наглядным подтверждением этих выводов является организационно-методическая работа по изучению темы «Развитие империализма в Российской империи в конце 19 – начале 20 вв.». Стержневой педагогической идеей урока является активизация мыслительной деятельности учащихся.

ся в процессе самостоятельной работы над схемами и модулями статусных характеристик поэтапного развития капитализма в России в промышленности и сельском хозяйстве.

В нашей практике структура урока была представлена тремя учебными блоками.

1 логический блок: школьники получают индивидуальные задания – проанализировать схемы и таблицы об этапах развития капитализма в России. Педагогическая цель самостоятельного анализа – подготовить учащихся к активному восприятию исторического материала о периоде первоначального накопления капитала в России, специфических исторических чертах этого периода и о признаках зарождающегося империализма.

Схемы и таблицы здесь играют важную роль для развития образного мышления учащихся и умения пользоваться наглядными способами аргументации.

2 блок посвящён анализу экономики России, её сельского хозяйства. Этот сложный материал воспринимается школьниками заинтересованно, поскольку самостоятельная работа по первому блоку сформировала у них определённый уровень знаний и умений анализировать и составлять данные о процессах экономического развития России и стран Западной Европы в ретроспективе и прогнозе современных явлений.

Завершающим этапом и критерием творческой активности учащихся при изучении данной темы являются тестовые задания, представляющие следующую типологию:

1. Тесты нулевого уровня – используются для проверки качества первоначального усвоения исторических знаний. Это тесты, требующие выполнения учебной деятельности на уровне понимания. Пример: «Можно ли называть бонапартизмом необходимость лавирования между

классами помещиков и капиталистов, если фактически в экономическом соревновании побеждают последние?»

2. Тесты 1 уровня – используются для проверки качества усвоения знаний на уровне «узнавания». К ним относятся:

- тесты на опознание, которые содержат одну существенную операцию: выбор альтернативы «да – нет». Пример: «Какие виды монополий были представлены в России на рубеже веков? (картель, синдикат, трест, концерн)».

- тесты на классификацию, например: «На какие группы делилось российское крестьянство в условиях проникновения товарно-денежных отношений в деревню?»

- тесты на соотношение: «Какие политические партии России вы отнесёте к революционным?»

3. Тесты 2 уровня используются для проверки качества усвоения учебного материала, на основе которого школьники способны самостоятельно воспроизводить усвоенные знания и применять их в типовой ситуации, не требующей новой информации (репродуктивная деятельность). К тестам второго уровня относятся:

- тесты – постановки, в которых намеренно пропущено слово, фраза, формулировка. Пример: «Период 1907-1912 гг. в политической жизни России характеризовался ...»

- тесты конструктивные, например: «Аграрная реформа П.А. Столыпина потерпела неудачу. Назовите причины этого».

4. Тесты 3 уровня конструируются для диагностики усвоения базовых знаний на уровне продуктивного действия: обсуждение известных объектов изучения и создание новой информации для решения нетиповых ситуаций. Такими тестами являются нетиповые задачи на применение базовых знаний в реальной практической деятельности.

Например: «Можно ли говорить о наличии монополий в современной России?»»

5. Тесты 4 уровня (творческого) служат для выявления намерений учащихся принимать решения в проблемных (непредвиденных) ситуациях. Тесты такого уровня трудны, т.к. смоделировать творческую деятельность, активность полностью невозможно. Этот процесс глубоко индивидуален. В условиях школьного урока истории можно предложить учащимся решать ситуации типа: «Вы премьер-министр России. Какие первоочередные задачи в экономике государства вам необходимо решить?»»

Безусловно, от учащегося потребуются глубокие базовые знания, умение их анализировать, делать выводы, конструировать модель политического руководства, использовать и опираться на помощь одноклассников, учителя. Так, на наш взгляд, проходит творческий процесс применения полученных исторических знаний учащихся и навыков самостоятельной работы.

Чем глубже учащиеся погружаются в познание и «проходят» все основные его этапы (выделение существенных признаков и отличие их от несущественных, самостоятельные выводы и обобщения, широкий перенос знаний и способов действий в новые ситуации), тем больше возможностей для формирования у них творческой активности.

© Н.А. Валеева (ЯГПУ)

**Формирование толерантности у школьников
средствами историко-обществоведческих дисциплин
в рамках идеи мультикультурного обучения**

Потенциал системы исторического и обществоведческого образования связан с переходом от изучения фактов к их осмыслению и сравнительно-историческому ана-

лизу, а на этой основе – к развитию исторического мышления учащихся и коммуникативной культуры.

Одним из аспектов формирования культуры толерантности у школьников средствами историко-обществоведческого образования является вопрос о соотношении доли национально-региональных особенностей и достижений других культур, или мультикультурализме в преподавании истории.

Обучение навыкам толерантного взаимодействия в зарубежной литературе связывается, прежде всего, с переходом к мультикультурной парадигме обучения. В Великобритании внедрение идей мультикультурализма относится к 1950-м гг., что объясняется наличием определенных социокультурных предпосылок в виде необходимости адаптации значительного числа иммигрантов. На этой основе выделяется несколько стадий развития концепции мультикультурного обучения в Великобритании[1]:

– 1950 – 1960-е гг. – «фаза ассимиляции, привыкания», когда в послевоенные годы Британия встала перед проблемой государственной интеграции иммигрантов из Содружества, что потребовало выработки стратегии их включения в культурную среду титульной нации. Вследствие этого центральным моментом мультикультурного обучения признается изучение английского языка;

– 1960 – начало 1970-х гг. – «фаза интеграции», предпринимались попытки преодоления предубежденности по отношению к иммигрантам, так как «иммигранты с тех пор стали важной и острой политической проблемой»[2]; в учебные планы включались курсы по изучению их культурных особенностей. Мультикультурное обучение начинает восприниматься как противоположное расистским взглядам;

– начало 1970 – начало 1980-х гг. - «фаза культурного плюрализма», признается наличие культурного много-

образия и свобода их проявлений в британском сообществе.

В США мультикультурное обучение также обосновывалось через идею этнического плюрализма, которая нашла отражение в документе 1976 г. «Основные направления мультикультурного обучения» («Curriculum Guidelines for Multicultural Education»), пересмотренном в 1991 г. В нем и разъясняется сущность указанного типа обучения через формирование *чувствительности* к культурному и этническому разнообразию внутри одного государства и всего мира.

К середине 1990-х гг. в США принципы мультикультурного обучения были положены в основу образовательного стандарта по обществоведческим дисциплинам (Curriculum Standards for Social Studies). Данный стандарт содержит шесть разделов, в которые включены темы по культуре и восприятию времени; люди, достопримечательности и окружающая среда; личностное развитие и идентичность; социальные группы и институты; власть и правительство; промышленное производство; наука, технологии и общество; всемирные связи; гражданские идеалы и повседневная практика[3]. Внесение столь широкого спектра изучаемых явлений и предметов, по-видимому, обусловлено тем, что мировая ситуация имеет объективную тенденцию к всеобщей глобализации; это предполагает невозможность эффективно взаимодействовать с представителями различных культур, не будучи хорошо информированным об их особенностях. Старшеклассники должны обладать способностью и умением систематического анализа личных, национальных, мировых отношений, включая критическое исследование мира, человеческих прав, торговли и глобальной экологической ситуации.

Идеи мультикультурализма в американской версии несколько трансформированы: основной акцент был сделан

на такое направление, как глобальное обучение (Global Education)[4], основоположниками которого в США считаются Ли и Шарлота Андерсоны[5]. Соответственно, данный подход можно обозначить как «глобализм», цель которого трактуется как формирование некой суммы знаний у школьников о различиях и сходстве человеческого жизненного опыта в планетарном масштабе.

Фактически речь идет о формировании гражданской компетентности учащихся и понимания сути процессов, происходящих в современном обществе, претендующем на звание демократического. Тем самым модель «глобально-го» обучения направлена на снижение уровня предрассудков и степени распространения стереотипов в сознании молодежи на основе признания идеи взаимообогащения культур в качестве «двигателя» общественного развития[6].

Основное различие между мультикультурным обучением и обучением в рамках глобализма Н.Анпокоду видит в том, что глобализм подчеркивает культурное разнообразие других стран, в то время как мультикультурализм концентрируется на этническом разнообразии внутри одной страны[7].

Другой подход к мультикультурному обучению подразумевает обучение *культурным различиям* (*teaching the Culturally Different*) на более узком уровне, сосредотачивая внимание на группах людей, которые представлены в данном конкретном классе. Так, например, в США в 1996 – 1997 г. на базе указанных идей принят ряд программ: в частности, программа «Together We Are America» реализует идею обучения детей умению выражать, разделять гордость за семейные культурные традиции[8]. Предполагается, что это повысит интерес учащихся к истории членов их ближайшего окружения и поможет осознать уникальность каждого из них. Среди источников различий выделяют

биологические и психологические, которые определяют наше восприятие социокультурных особенностей: расовая принадлежность, религия, идеология, национальность, этническая принадлежность, внешность, телосложение, стиль поведения, пол, возраст, рост, семейные отношения, род занятий, социоэкономический статус[9].

Целью этого подхода можно считать формирование социально активной позиции у учащихся[10]. В таком случае мультикультурное обучение само по себе рассматривается как проявление социальной активности, поскольку делает акцент не на предоставлении ученикам информации о процессах дискриминации и угнетения, но поощряет развитие навыков общения и критического анализа.

Указанная модель обучения поддерживает принцип билингвального, бикультурного образования для реализации идеи «культурно ответственного образования»[11]. Данная идея была сформулирована в 1972 году, когда в Великобритании было признано, что учебные пособия должны содержать «адекватный, точный материал по истории стран третьего мира»[12], так как «белые дети должны развивать понимание и знание других людей, небелые дети должны почувствовать гордость и обрести чувство идентичности со своим прошлым»[13].

Наиболее простое по форме, но четко отражающее сущность мультикультурного обучения и синтезирующее его сходство с глобальным обучением определение предложено М.Меррифилд. Мультикультурное и глобальное обучение предполагают, что *наше будущее зависит от способности молодых людей эффективно взаимодействовать с людьми, которые отличаются от них, и участвовать в изменении структуры систем местного и глобального подавления для внедрения идей социальной и экономической справедливости*[14]. Данная трактовка акцентирует социально деятельностный аспект взаимодействия с «ина-

ковостью» на личностном и коллективном уровне, при этом «не отделяя культуру от истории, политики, социально-экономических условий»[15], которые уточняют позицию, связанную с определением собственной культурной принадлежности.

В России идея толерантности как признания «инаковости» и была озвучена гораздо позже, чем за рубежом. Несмотря на полиэтничный состав населения нашей страны, ценность мирного сосуществования различных групп решалась за счет внедрения в массовое сознание идеологии братского единения народов в рамках единого государства и интернационализма. В большей степени господствовало изучение истории России, поскольку русские составляли этническое большинство и выступали в роли государствообразующего этноса. При этом изучение исторического прошлого других народов шло в контексте рассмотрения их взаимодействия с Россией, которое признавалось основным фактором развития этих народов; акцент делался на признании доминирующей роли русских.

Режимы, не основанные на коммунистической марксистско-ленинской доктрине, признавались недружественными, а некоторых случаях – враждебными, что могло способствовать поиску «врагов» в их лице, но отнюдь не партнеров, с которыми необходимо выстраивать неконфронтационную среду существования. В подобных условиях идеологического прессинга сама идея толерантности не могла быть признана, мультикультурализм также понимался несколько односторонне. В связи с этим необходимо бороться с гипертрофированными представлениями о собственной ценности, начиная с раннего возраста, так как попытки привития толерантности наиболее эффективны, если предпринимаются с момента осознания собственного «Я».

Таким образом, можно сделать вывод, что мультикультурализм в преподавании истории и обществознания

рассматривается как составная часть социализации личности в полиэтничном окружении. Это связывается с тем, что в общую задачу исторических и обществоведческих учебных дисциплин входит:

- обучение роли «достойного гражданина»[16], решающего социальные проблемы на основе демократической идеологии;

- поддержка позитивного отношения к стране проживания, предотвращение негативного отношения к различным группам людей, вследствие чего учебные программы должны отражать идеи плюралистической реальности. При этом считается важным освободить преподавание истории своей страны от мифов, особенно в изучении политической истории[17];

- обучение независимому типу мышления и навыкам ответственной социальной критики через понимание множественности возможных перспектив[18].

Библиографический список

1. Dufor B. Multicultural and Anti-racist Education: Education for a Just Society // The New Social Curriculum. A Guide to Cross-curricular issues. Cambridge, 1990. P.117.
2. Schmid G. Immigration in Europe: How Much «Other» Is Too Much? // Social Education Vol. 57 (4) 1993. P.181.
3. Global Education. Curriculum Standards for Social Studies // Social Education Vol. 60 (7) 1996, pp.256–268.
4. Collins H.T, Czarra F.R., Smith A.F. Guidelines for Global and International Studies Education: Challenges, Cultures, and Connections // Social Education Vol. 62 (5) 1998. P.311.
5. Risinger F.C. Global Education and World Wide Web // Social Education Vol. 62 (5) 1998. P.276.
6. Березина Н.Л. Мой первый урок толерантности // История. 2002. №20. С.12-13; Пирогов В.Н. О необходимости усиления толерантности в процессе преподавания истории

отечества // Вопросы отечественной и зарубежной истории. Материалы конференции «Чтения Ушинского» исторического факультета. Ярославль, 2002. С.150.

7. Ukropodu N. Multiculturalism vs. Globalism // Social Education Vol. 63 (5) 1999. P.298.

8. Singer J, Harbour-Ridly Th. Young Children Learn about Immigrants to the United States // Social Education Vol. 62 (7) 1998. P.415.

9. Pinderhughes E. Understanding Race, Ethnicity, and Power. N.Y., 1989. P.25.

10. Sleeter Ch. Multicultural Education as Social Activism. N.Y., 1996. P.6–9.

11. Davis K.A. Multicultural Classrooms and Cultural Communities of Teachers // Teaching & Teacher Education, Vol. 11, No. 6, 1995. P.559.

12. Equality Assurance in Schools. Quality, Identity, Society. A Handbook for Action Planning and School Effectiveness. L., 1993.

13. Education for Multi-racial Britain. N.Y., 1972.

14. Merryfield M.M. Why aren't Teachers Being Prepared to Teach for Diversity, Equity, and Global Interconnectedness? A Study of Lived Experiences in the Making of Multiculturalism and Global Educators // Teaching & Teacher Education, Vol. 16, 2000. P. 429.

15. Duesterberg L.M. Rethinking Culture in the Pedagogy and Practices of Preserves Teachers // Teaching & Teacher Education, Vol. 14, No. 5, 1998. P.508.

16. Grelle B, Metzger D. Beyond Socialization and Multiculturalism: Rethinking the Task of Citizenship Education in a Pluralistic Society // Social Education Vol. 60 (3) 1996. P.147.

17. Mills R.K. What U.S.A. Political History Reveals for Social Studies Education // Social Education Vol. 60 (3) 1996. P.161.

18. Sansone S.C. Get Your Students Involved in Civics // Social Education Vol. 63 (4) 1999. P.228.

© Я.С. Соловьёв (ЯГПУ)

Реализация гендерного стереотипа учащихся на уроках истории родного края

В последние годы гендерный подход приобрёл большую популярность в преподавании гуманитарных дисциплин. Много говорится о проблеме гендерного неравенства, о возможностях, открываемых внедрением данного подхода в преподавание в системе среднего образования.

В то же время исследователи, занимающиеся разработкой гендерного аспекта, констатируют, что специфика реализации гендерного подхода в педагогическом процессе пока не нашла отражения в методике преподавания гуманитарных дисциплин, в частности, истории. Возможность применения знаний о полоролевой специфике педагогического процесса в сфере исторического образования не учитывается: полноценных рекомендаций, а тем более методик, практически не существует [1].

Как показали исследования, средства обучения, используемые на уроках истории (учебники, учебные пособия), также оторваны от передовой теории [2]. На уровне содержания образования (учебные программы, тематические планы) учет рассматриваемой проблематики обнаруживается лишь на уровне методических разработок факультативов, отдельных тематических уроков и внеклассных мероприятий [1].

Между тем именно история является тем учебным предметом, где возможности внедрения гендерной технологии кажутся наиболее очевидными. Формирование гендерного стереотипа на уроках истории происходит в процессе комплексного анализа разных эпох, событий с учетом социальных, культурных, политических факторов. В то же время подвергаются рассмотрению конкретные лично-

сти, их роль в созидании истории, быт и уклад общества, его влияние на формирование образа человека той или иной эпохи.

Используя такое разнообразие исторического материала, можно ставить и наглядно решать проблемы взаимоотношения полов в системе общества и государства. Например, анализ истории средневековой Руси позволяет выявить патриархальные ценности, доминировавшие на данном этапе и прочно укоренившиеся в русском менталитете, а также комплекс факторов, обусловивших подобное положение дел. Констатируя отсутствие этих факторов в современном российском обществе, можно подвергнуть критике патриархальный стереотип, сохранившийся сегодня в большей степени как дань традиции, и наметить перспективы его преодоления.

Более того, на уроках истории можно показать учащимся, что не только мужчины (Владимир Святой, Дмитрий Донской, Иван Грозный, Петр I, Александр Суворов) созидали историю, но и женщины (княгиня Ольга, Елизавета Петровна, Екатерина Великая), что не только женщины, такие, как Анна Иоанновна, проявляли пренебрежение к государственным делам и политическую недалководидность, но и мужчины, такие, как Петр III. Эти примеры позволяют проиллюстрировать, что судьба и образ жизни зависят вовсе не от половой принадлежности, а от устремлений и интересов личности.

Отдельного внимания заслуживает история родного края. Она позволяет рассмотреть закономерности общеисторического развития, в том числе и гендерную проблематику, на местном, а значит, более близком для учащихся материале. Ярославская история предоставляет большие возможности в этом отношении.

Так, тема «Древнейшая история Ярославского края» позволяет рассмотреть матриархат как альтернативный ук-

лад жизни на примере фатьяновской культуры, в которой существовал особый культ почитания женщины, о чем свидетельствуют богатые женские погребения. Историки предполагают, что высокое положение женщины в фатьяновской культуре связано с ее ролью в хозяйстве и воспитании детей (высшими ценностями матриархального общества). Таким образом преодолевается односторонность традиционного подхода.

В целях внедрения гендерного подхода при изучении истории Ярославского края в системе среднего профессионального образования представляется целесообразным включить в рабочую программу следующие дидактические единицы:

1. Фатьяновская культура.
2. Роль женщины в хозяйстве ярославского крестьянина-отходника в теме «Социально-экономическое развитие края в XIX веке».
3. Судьба и творчество поэтессы Ю. Жадовской в теме «Культурное развитие края в первой половине XIX века».
4. Образы русских женщин в поэзии Н.А. Некрасова в теме «Культурное развитие края во второй половине XIX века».
5. Женщина-космонавт В. Терешкова в теме «Ярославский край во второй половине XX века».

Вышеперечисленные вопросы изучались на уроках истории родного края в Ярославском техникуме бытового сервиса. Экспериментальные данные показали, что они вызвали наибольшую заинтересованность у студентов.

Таким образом, значимость гендерных проблем для студентов позволяет говорить об эффективности внедрения гендерного подхода на уроках истории Ярославского края в системе среднего профессионального образования.

Библиографический список

1. Введение гендерных курсов в систему среднего образования // <http://www.icgs.ivanovo.ru>
2. Соловьёв Я.С. Гендерный аспект в современных учебниках истории для старших классов // Материалы конференции Ярославского градостроительного колледжа. Ярославль, 2006.

© И.Н. Баранова (Филиал ЯГПУ)

Диалог как фактор развития субъектности студента в педагогическом процессе вуза

Современное высшее образование как процесс представляет собой взаимодействие многих объективных и субъективных факторов. Образовательный процесс – процесс социализации личности, цели и формы которого определяются социумом и регулируются государством. Образование выступает формой адаптации человека к социальной реальности и служит личностным целям, обеспечивает индивида знаниями, навыками и умением жить в данном конкретном социуме.

Образовательный процесс (образование) – процесс передачи социально – значимой информации, структурированной в пространстве и во времени, специально организованный и сопровождающийся постоянным воспроизведением коммуникаций разного уровня.

Предметом настоящего доклада являются педагогические условия развития субъектности студента – будущего специалиста.

Субъектность определяется как цель университетского образования. Прежде чем дать обоснование этих условий, попытаемся осмыслить понятие субъектности как цели университетского образования.

Анализ образовательной ситуации свидетельствует о достаточно низком уровне активности, самостоятельности, ответственности, творчества, самоактуализации и саморегуляции в поведении и деятельности учащихся, т.е. их субъектности в своей образовательной деятельности, в жизнедеятельности, профессиональной деятельности. А ведь это, на наш взгляд, один из ведущих показателей эффективности функционирования существующей системы образования, традиционного педагогического процесса.

В традиционном – авторитарно-императивном, личностно отчуждённом педагогическом процессе (а эта массовая практика современного вуза) студент является объектом педагогического воздействия преподавателя, выполняя функцию приемника информации, транслируемой в его сознание педагогом.

Как правило, в рамках описанной системы возникают и личностные противоречия между коллективным характером обучения, едиными педагогическими задачами и конкретными интересами, особенностями и возможностями каждого студента. Отсюда важным моментом в процессе педагогического взаимодействия педагога и учащегося является постоянная обратная связь, обеспечивающая корректировку его учебной деятельности.

В данном случае со всей полнотой раскрывается принцип диалогичности. Ведущей линией, обуславливающей диалогическое взаимодействие педагога и учащихся, являются субъект-субъектные отношения, основанные на равенстве их позиций, уважении и доверии к обучаемому как своему партнёру.

Цель (осознаваемый конечный результат) диалогического взаимодействия педагогического процесса современного вуза – развитие студента, будущего специалиста как субъекта собственного образования, как субъекта собственной стратегии жизни, как субъекта собственного развития.

Кто же такой студент – субъект своего образования?

Субъектность студента – это состояние личностного и профессионального развития, выражающееся в его способности успешно адаптироваться в постоянно изменяющуюся образовательную, социокультурную ситуацию, его потребности в проявлении активности, самостоятельности в организации взаимодействия с преподавателем, продуктивного педагогического взаимодействия, в осознании им ответственности за создание условий своего развития. Субъектность студента связана с его способностью превращать собственную жизнедеятельность, своё образование, процесс профессионального становления в предмет практического преобразования и совершенствования.

Сущностными признаками этого состояния личности студента – будущего специалиста – являются его готовность и способность:

- управлять своими действиями;
- моделировать, планировать способы своей деятельности, взаимодействия;
- реализовывать намеченные программы;
- контролировать ход и адекватно оценивать результаты своих действий, взаимодействий;
- рефлексировать свою деятельность, деятельность других, взаимодействие.

Одним из важнейших условий и средств формирования субъектности студента – будущего специалиста является реализация диалогового подхода в педагогическом процессе вуза.

Диалогичность общения – это всемерная помощь преподавателя студенту в создании условий саморазвития, помощь быть самим собой, быть самостоятельным, помощь в формировании своего образа мыслей, своего видения проблемы, своего пути решения задачи. За диалогичностью стоит восприятие студента полноправным участником педагогического процесса вуза, субъектом педагогического взаимодействия, а не объектом воздействия на него.

Диалог – это стиль взаимоотношения преподавателя и студента, их умение слушать и слышать друг друга. Это право и преподавателя, и студента быть самим собой, право на самовыражение, самореализацию, право реализовать свой личностный потенциал по своей модели, своему плану. Диалогичность общения предполагает и внутренний диалог участников педагогического процесса, т. е. их потребность и способность к рефлексии своей деятельности, деятельности другого, а также взаимодействия.

Заметим, что само взаимодействие в условиях педагогического процесса имеет ряд специфических характеристик: оно протекает как полифонический диалог, существенно зависит от позиции «ведущего», имеет чётко обозначенные цели (принятые или не принятые другим субъектом, совпадающие или не совпадающие с его собственными).

Обоснование своей позиции, стремление понять другого, необходимость чёткого формулирования мыслей помогут всем найти вопросы общего согласия, повысить коммуникативную компетентность, а впоследствии более эффективно организовать педагогический процесс. Таким образом, диалог может рассматриваться как средство разрушения стереотипов и разрешения конфликтов, а технология его проведения как педагогическая технология (средство) поиска согласия.

© С.Б. Чернецова
(МУ Городской центр развития
образования Управления образования
мэрии г. Ярославля)

Опыт методической поддержки учителя истории в процессе подготовки учащихся к ЕГЭ

Необходимость введения ЕГЭ как гаранта обеспечения равного доступа к высшему профессиональному образованию не вызывает сомнения. В связи с этим основные продекларированные моменты модернизации: стандартизация, компьютеризация и всеобщее тестирование – задали те перемены, которые в настоящий момент переживает российское образование.

Многое из основных направлений модернизации было воспринято общественностью неоднозначно. Наибольшие споры ведутся и велись вокруг целесообразности введения и применения самой процедуры ЕГЭ. Помимо этого очень серьезные сомнения имеются в отношении валидности такого рода тестов по ряду предметов, и в первую очередь – по истории. По сути своей, в инструментарий ЕГЭ заложены только количественные методы оценивания, в то время как в традиционной российской системе оценивания знаний по истории преобладали качественные методы.

В данной сложившейся ситуации, ситуации наличия ряда неразрешенных проблем, особую роль должны взять на себя методические службы, призванные осуществлять учебно-методическую поддержку образовательных учреждений и педагогов в реализации государственной политики в области образования. Одной из ключевых задач методических служб является анализ состояния дел в своей «отрасли», оказание научно-методической помощи учителям. В связи с этим проблема методической поддержки учите-

лей в процессе подготовки учащихся к ЕГЭ по истории Отечества встает особо остро.

И сами методисты, и педагоги считают, что на сегодняшний день нет четко продуманной и эффективной методики для учителей-предметников по организации подготовки старшеклассников к экзаменам в форме ЕГЭ. Более того, приходится констатировать тот факт, что методические службы всех уровней и на всем «постсоветском» пространстве находятся в одинаковой ситуации - разработки и апробации курсовых программ по методике подготовки учителей, поиску новых форм и способов методической поддержки.

Город Ярославль, как и вся Ярославская область, в 2006 году будет второй раз принимать участие в эксперименте по проведению ЕГЭ по истории. Неоднозначные результаты экспериментального экзамена по истории в г. Ярославле привели к пониманию всей серьезности проблемы.

Учитывая, что среди всех субъектов образовательного процесса в настоящий момент зачастую наблюдаются «тестофобические» настроения, уместно напомнить, что существуют реальные способы повышения тестового балла учащихся. К этим способам относятся:

- усиленное изучение того предмета, по которому предстоит тестироваться;
- основательное знакомство со всеми тонкостями процесса тестирования;
- знание всех особенностей и технических сложностей предстоящего экзамена.

Исходя из перечисленных рекомендаций, а также на основе проведенной диагностики разносторонней и целенаправленной помощи учителям истории в вопросах подготовки учащихся к новой форме проведения экзамена, методисты ГЦРО разработали курсовую программу «Мето-

дика подготовки к ЕГЭ по истории». В качестве теоретической основы данной программы была взята программа «Методика подготовки к ЕГЭ по математике» (автор – методист ГЦРО Е.Ф. Медвецкая), которая апробировалась среди учителей математики г. Ярославля в течение ряда лет и имеет хорошие результаты и отзывы.

Курсовая программ по истории имеет несколько блоков:

1. Новые подходы к оценке достижения учащихся.

- Качество современных способов педагогических измерений.

- Проблемы контроля и оценивания в учебном процессе общеобразовательного учреждения.

- ЕГЭ как средство мониторинга результатов образовательной деятельности.

2. Что и каким образом проверяется при проведении ЕГЭ по истории.

- К вопросу о результатах первого экзамена по истории России в форме ЕГЭ на территории Ярославской области в 2005 г.

- Демоверсия 2006 г.

3. Основные документы, регламентирующие проведение ЕГЭ.

Структура и содержание экзаменационной работы.

4. Основные понятия педагогического тестирования.

- краткая историческая справка;
- виды и классификация тестов;
- классификация тестовых заданий;
- уровни обученности (сложности);
- методические рекомендации при подготовке к тестированию.

5. Инструкции для учителей и учащихся по проведению ЕГЭ. Бланки ответов учащихся.

6. Новейшие подходы в современной науке к истории России (приглашаются представители вузов города).

7. Методика работы с тестовыми заданиями разных видов (ч. А; ч. В).

9. Методика работы с заданиями с развернутым ответом в ЕГЭ по истории. Методика работы с КИМ на установление соответствия, классификацию событий и явлений.

10. Методика работы с КИМ на основе исторического источника (С1-С7). Задания на атрибуцию (определение) событий. Примеры оформления заданий с развернутым ответом высокого уровня сложности (часть С).

11. Психологические рекомендации для учащихся «Как подготовиться к успешной сдаче ЕГЭ».

Вся курсовая программа рассчитана на 36 часов.

Безусловно, что процесс создания обучающих программ в условиях отсутствия рекомендаций со стороны науки может быть очень длительным и сложным. Но, с другой стороны, подобные рекомендации и не могли бы появиться скоро, поскольку возрождение национальной русской тестологии началось только в конце 80-х годов. По мнению многих специалистов, это было связано с кризисом системы оценивания знаний, принятой в отечественной педагогической традиции. Подлинный интерес к тестологии у Министерства образования и правительства возник только в середине 90-х годов в связи с появлением идеи Государственных образовательных стандартов и адекватных средств измерения и оценки школьных достижений в соответствии с образовательными стандартами.

Мы не хотим сейчас останавливаться на вопросе, связанном с целесообразностью введения ЕГЭ, но предлагаем обратить внимание на то, что в этой проблеме ЕГЭ (не только по истории!) четко выделяются две составляющие, тесно связанные между собой. С одной стороны, это груп-

па проблем, являющихся «внешними» по отношению к школе. Отчасти они появились в результате естественного развития более ранних неразрешенных проблем со стороны педагогической науки и политики Министерства образования в 90-х годах. К ним можно отнести:

- отсутствие устоявшегося понятия «тестовая система», принятого в российском образовании;

- в практике российской образовательной системы не решена проблема разработки и повсеместного внедрения эффективной системы педагогических измерений, контроля, оценки знаний на школьном уровне в форме тестов. Поскольку система не сложилась, ЕГЭ в данном случае никак не может претендовать на роль «достоверного и объективного» экзамена;

- никакой другой предмет в системе школьного образования не претерпел столь значительных изменений и преобразований. Процедура ЕГЭ не учитывает реалий современной системы преподавания истории, таких как вариативность учебников и пособий, плюрализм в оценках событий, а также тот факт, что «реформа», проводившаяся в течение последнего десятилетия, не завершена.

С другой стороны, существует целый ряд факторов-проблем, выходящих непосредственно из школы. Назовем их условно «внутренними». К ним можно отнести:

- во-первых, психологический фактор. По данным мониторингового анкетирования, проводимого методистами ГЦРО среди учителей – слушателей курсов «Методика подготовки к ЕГЭ по истории» и выборочного анкетирования учащихся 11 классов ярославских школ, вынужденная ситуация участия в подобном виде экзамена – абсолютно дискомфортна для подавляющего большинства участников опроса;

- во-вторых, социально-педагогический фактор. Администрации школ далеко не всегда могут найти воз-

возможности выделить средства для организации дополнительных занятий с выпускниками, привлечения представителей вузов и пр. Сам учитель реально в рамках проведения уроков по истории в 10-11 классах не имеет возможности организовать серьезный процесс подготовки к тестовому экзамену и отойти от тематического планирования. В связи с этим немаловажную роль играют социальные и экономические возможности семьи в плане организации индивидуальной подготовки к ЕГЭ;

– в-третьих, фактор валидности (достоверности). Структура ЕГЭ по истории – очень сложна. Материал, выносимый на экзамен, охватывает содержание школьного образования по Отечественной истории с 6 по 11 классы. К сожалению, приходится констатировать, что опубликованные (или изданные на электронных носителях) контрольно-измерительные материалы (КИМы) содержат отдельные фактические ошибки, допускают множественные правильные ответы. Разработчики КИМов часто выносят на экзамен вопросы неоднозначные, в ответе на которые в современной исторической науке нет единой точки зрения. Справедливости ради необходимо отметить, что год от года таких «огрехов», выносимых на экзамен, становится меньше. Тем не менее, и опытные учителя, осуществляющие процесс подготовки, и учащиеся, серьезно готовящиеся к сдаче экзамена, прекрасно понимают, что абсолютно не защищены от подобных зачастую субъективных ситуаций. В связи с вышесказанным вопрос о валидности ЕГЭ по Отечественной истории остается одним из самых злободневных.

В заключение хотелось бы привести несколько фактов, интересных для размышления, полученных в результате уже упомянутого мониторингового анкетирования, проводимого методистами ГЦРО среди учителей – слушателей курсов «Методика подготовки к ЕГЭ по истории» и выбо-

рочного анкетирования учащихся 11 классов ярославских школ. На вопрос «Как часто Вы работаете с тестами на уроке?» 82 % опрошенных учителей ответили, что регулярно, но на аналогичный же вопрос большинство старшеклассников ответили «реже, чем раз в четверть». На вопрос «Как Вы думаете, откуда Ваши ученики получают информацию о ЕГЭ по истории России?» 100 % учителей ответили, что от учителя истории и 24% — от классного руководителя. Ответы детей распределились по-другому:

- от родителей – 20%
- от репетитора – 10 %
- от учителя истории – 30 %
- от классного руководителя – 5 %
- из СМИ – 5 %
- из Интернета – 30 %

Большинство опрошенных учителей утвердительно ответили, что знакомы с демоверсией 2006 года по истории Отечества и регулярно работают с ней в процессе подготовки учащихся к ЕГЭ. Но старшеклассники думают по-иному:

- да, я работал с ней в Интернете – 54 %
- да, я работал с ней в школе – 18 %
- нет, но я примерно знаю, что это такое – 13 %
- нет, не знаю – 15 %

Настораживает факт, что четверть опрошенных детей не может правильно ответить на вопрос «Из скольких частей состоит ЕГЭ?». На вопрос «Как Вы считаете, может ли регулярное использование тестов на уроке истории реально подготовить Вас к успешной сдаче итогового экзамена по истории в форме ЕГЭ?» большинство старшеклассников (93 %) ответили утвердительно, но мнение учителей оказалось более пессимистично – большинство ответили отрицательно. Учителя категорически не согласны, что с помощью ЕГЭ можно успешно проверить:

- глубину и качество знаний по истории России;
- личное отношение ученика к отдельным историческим событиям.

Не согласны они и с тем, что использование тестов может сделать отметку более объективной.

Большинство опрошенных детей с таким мнением тоже не согласны.

Подводя итоги, скажем, что все мы — участники образовательного процесса под названием ЕГЭ: и учителя, и дети, и родители, и методисты. Но вот взгляды на него и степень доверия к нему у всех разная. Как это ни удивительно, но дети данную форму проведения экзамена признают удачной и считают, что таким образом защищены от субъективизма. Большинство из них могут точно отразить позицию своих родителей в отношении экзамена. Далеко не всегда она имеет негативный характер. Да, безусловно, вопрос о качестве КИМов и валидности экзамена остается открытым и злободневным, эта претензия в первую очередь относится к авторам-разработчикам. Но однозначно говорить о том, что общество не готово к его принятию, — нельзя.

Специалистам, оказывающим методическую поддержку учителю в процессе подготовки учащихся к ЕГЭ, этот фактор следует учитывать в своей работе, даже если наша собственная позиция — принципиально иная.

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗОВ В ИСТОРИИ

Лях Е.Е. Власть Кесаря.....	3
Савинова А.Н. Образ России в представлении Фридриха II	8
Барлова Ю.Е. История с безумием короля Георга III в конструировании образа монархии в Англии второй половины XVIII в.	15
Литвинов А.В. Образ Европы в Эфиопии в середине XIX - начале XX в.....	29
Ходнев А.С. Иерархия исторических образов: образы международной организации в исторической памяти и истории.....	40
Новикова Н.В. Образы Великой войны в риторике британских феминисток.....	47
А.Э.Афанасьева Ориентализм и российский имперский опыт.....	56
Миронова Н.А. Образ “старого” интеллигента на страницах большевистских газет в первые годы советской власти (1919-1925).....	63
Александрова М.В. Образ “города будущего” в градостроительной политике Ярославля в 20-е гг. XX века.....	72
Ермаков А.М. Конструирование женских образов	

в Союзе немецких девушек.....	79
Хортов А.А. Образ сербов и югославской армии в западных СМИ в период косовского кризиса.....	97
Бабуркин С.А. Образ “путинской России” в докладах директора ЦРУ.....	102

НАРОД, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ В ИСТОРИИ РОССИИ

Крюкова Ю.С. Принцип скромности в российском масонстве второй половины XVIII в.....	111
Зузульский А.И. Общество поощрения художников (1820 г.): меценаты и крепостные.....	117
Сараева Е.Л. Участие западников в дискуссии о влиянии французского языка на русскую культуру.....	125
Куперасова Т.В. Нигилистические черты в народническом движении 1870-х гг.....	135
Карандашев Г.В. О некоторых последствиях введения казенной винной монополии в губерниях Центрально-промышленного района.....	141
Шелоумов М.А. Роль Н.П.Карабчевского в становлении российской адвокатуры.....	148
Дубичев О.В. К вопросу о разработке нового Лесного кодекса в 1910-е гг.....	154
Кочешков Г.Н. Большевики и частные земельные	

собственники: первые конфискационные мероприятия.....	16
2	
Борисенко А.А., Селифонтов В.В. Современный рабочий класс (конкретный мониторинг).....	170

**ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Турыгин А.А. Критика «билефельдской школы» в современной историографии.....	176
Михайлова Е.Е. Построение всеобщей истории в трудах Р.Ю. Виппера.....	187
Талашов М.В. Русь и хазары: синтез культурной и государственной традиции (историографические аспекты проблемы).....	198
Стремоусова Е.Н. Некоторые историографические аспекты участия рабочего класса в управлении производством в СССР в годы нэ-па.....	206
Глявина О.Н. Источники по истории изучения партизанского движения на Брянщине в годы Великой Отечественной войны.....	213
Александров А.А. Социально-экономический строй государств Рейнского Союза: источниковедческий аспект.....	220

**МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ
И ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН**

Пирогов В.Н. Реализация воспитательного потенциала курса отечественной истории в образовательном процессе.....	228
О.Ф. Рожкова Вариативность решения социальных проблем и развитие творческой активности учащихся в процессе самостоятельной работы на уроках общественных дисциплин.....	236
Н.А. Валеева Формирование толерантности у школьников средствами историко-обществоведческих дисциплин в рамках идеи мультикультурного обучения.....	242
Я.С. Соловьев Реализация гендерного стереотипа учащихся на уроках истории родного края.....	249
И.Н. Баранова Диалог как фактор развития субъективности студента в педагогическом процессе вуза.....	253
С.Б. Чернецова Опыт методической поддержки учителя истории в процессе подготовки учащихся к ЕГЭ.....	256

Вопросы отечественной и зарубежной истории
Материалы конференции «Чтения Ушинского»
исторического факультета

Редактор Л.К. Шереметьева
Компьютерная верстка – Ю.В. Машонина

Подписано в печать 20.12.06

Формат 60x90/16.

11 уч. изд. л. Объем 16,8. Тираж 100 экз. Заказ 1038.

Редакционно-издательский отдел
Ярославского государственного педагогического университета
имени К.Д. Ушинского
150000, Ярославль, Республиканская ул., 108
Типография ЯГПУ
150000, Ярославль, Которосльская наб., 44